

GENERATION PP – 2021

Приложение к журналу «Публичная политика»

*Глобальная политика
и внутренние процессы государства*

Государство в эпоху COVID-19

НОРМА

Санкт-Петербург
2021

УДК 32
ББК 66
G36

G36 **Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика».** –
СПб.: Норма, 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-87857-306-1

УДК 32
ББК 66

ISBN 978-5-87857-306-1

9 785878 573061

© Авторы, 2021
© Норма, оформление, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 6

ПРЕДИСЛОВИЕ 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ватулина Александра Сложные отношения неолиберализма
и феминизма на примере участниц движения
«желтых жилетов» во Франции 10

Кудряшова Анна Положение молодежных политических
организаций в современной России на примере
«Молодой Гвардии» и «Весны» 20

Kharchik Maria Neoliberal Capitalism in Kyrgyzstan 30

Skumatova Polina What drives the protest? Mobilization factors:
the case of Russian 2017–2019 protests 36

*Ibuowo Olubunmi
Florence* Limitations of Human rights in Nigeria:
Factors Influencing the Implementation
of Human rights in Nigeria 46

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

*Братцев Кирилл,
Каминский
Станислав* Характер риторики Д.И. Гордона в контексте
событий «оранжевой революции» 2004 г.
на Украине 54

*Пегушева
Александра* Парижские соглашения как игра «перетягивание
каната» в политической жизни США 66

Протасова Софья Исследование методов лоббирования групп
интересов в сфере бизнеса в Государственной
Думе РФ (на примере бизнес-ассоциации
«Деловая Россия») 78

<i>Рахман Хашими Матиар, Шарагина Арина</i>	Характеристика основных понятий политической философии в российском идеологическом дискурсе на примере выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» в 2014 г.	91
<i>Шорохова Екатерина</i>	Демократический транзит в Испании 1975–1982 гг.: оценка значения для современности в испанской научной литературе	101
<i>Яковлева Екатерина</i>	Образ политического лидера Республики Корея в сознании молодежи	109
<i>Savischenko Alena</i>	Ukraine's Decentralization Policy towards the Donbas Region Before and After the Crisis	119
<i>Shepeleva Anastasiia</i>	The shift in Germany's political landscape: explanation, why the right-wing forces became more popular, based on the results of the Bundestag elections 2017 and the European Parliamentary elections 2019 in Germany	131
<i>Sidorov Nikita</i>	Democratic Backsliding in European Union: Who's to Blame, What's to Be Done?	140

ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Парусова Елена</i>	Закрывать нельзя эксплуатировать: как Литва боролась с Евросоюзом за свою энергетическую независимость	150
<i>Шапалов Александр</i>	Оценка специфики тихоокеанского направления в современном внешнеполитическом курсе Японии	161

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

<i>Полетаева Юлия</i>	Россия между Востоком и Западом: культурно-исторический контекст идеи византийства	174
<i>Рогов Игорь</i>	Значение вступления Испании в Европейский союз: точки зрения испанских партий и общества	181
<i>Khairutdinova Diana</i>	Twin cities: two countries, one identity	192

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ФИЛОСОФИЯ

<i>Атаманенко Артемий</i>	Момент прекариата: конфликт как смысл политического класса	202
<i>Винницкий Артем</i>	Наследие Карла Шмитта как ключ к пониманию российского политического пространства	211
<i>Кошкин Андрей</i>	Критический дискурс-анализ как образец политизированного подхода в политической науке	226
<i>Солоненко Александра, Чернопятюва Софья</i>	Феномен мизогинии и его влияние на формирование образа женщины-политика	235

ПАНДЕМИЯ COVID-19

<i>Бочаров Александр</i>	Имплементация российскими регионами digital-инструментов контроля граждан в период пандемии COVID-19: показатель цифровизации и state capacity или политические мотивы?	244
<i>Свирко Полина</i>	Федерализм как фактор препятствия в борьбе с пандемией: анализ случая США	255
<i>Romanov Bogdan</i>	COVID 19... 84? The stringency of responses to COVID-19 in the Post-Soviet space	264

ОТ РЕДАКЦИИ

Редколлегия журнала «Публичная политика» представляет четвертый выпуск приложения к нашему журналу, которое носит название «Generation PP – 2021» (да, это еще и отсылка к известной книге В. Пелевина).

Первые три выпуска, вышедшие в свет весной и летом 2018–2020 гг., продемонстрировали свою актуальность и нужность для студентов, которые хотели бы развивать в себе качества будущих исследователей или уже отчасти ими являются. Поэтому было решено продолжить этот опыт и в 2021 г. Снова, как и в прошлом году, была создана редакционная коллегия этого выпуска в составе декана факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета А.В. Курочкина, декана факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС Е.Н. Рощина и автора этих строк. Все полученные тексты прошли экспертную оценку, за проведение которой мы искренне благодарны всем коллегам, принявшим участие в проекте. На основании проведенных экспертиз было принято решение о публикации текстов, представленных в этом сборнике.

Отмечу существенный рост количества текстов, присланных для публикации в этом году по сравнению с предыдущими периодами, в этом году их было 45. Из них отобрано к публикации – 26. Это 7 текстов из НИУ ВШЭ – СПб, 6 текстов из СПбГУ, 5 – из СЗИУ РАНХиГС, 4 – из РАНХиГС (Москва), 2 – из МГУ, а также по одному из Екатеринбурга и Тарту (Эстония).

Весь процесс подготовки спецвыпуска к изданию велся силами его студенческой редакции, состоящей из студентов бакалаврской программы «Политология и мировая политика» Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Санкт-Петербурга: Алины Дмитриевой (ответственный секретарь), Полины Егоровой, Марии Железновой, Полины Костериной, Станислава Кукарцева, Михаила Носкова, Зои Поляковой, Анны Саньковой, Максима Шаталкина и бакалавра программы «Сравнительные политические исследования» Северо-Западного института управления РАНХиГС Анны Кудряшовой.

Мы надеемся, что опыт подготовки и публикации этого спецвыпуска будет полезным для многих российских и зарубежных студентов и приглашаем для участия в выпуске 2022 г. студентов не только из Санкт-Петербурга и других российских городов, но и из других стран.

А.Ю. Сунгуров, главный редактор журнала «Публичная политика», член редколлегии спецвыпуска «Generation PP», профессор департамента политологии и международных отношений НИУ ВШЭ – СПб

ПРЕДИСЛОВИЕ

Наша команда третий год работает над изданием сборника политологических и кросс-дисциплинарных исследований студентов со всей России. Перед вами – новый выпуск «Generation PP – 2021».

Мы были невероятно воодушевлены, когда увидели, что количество присланных на отбор исследований возросло в 2,5 раза в сравнении с конкурсом прошлого года. Нам приходили тексты из Казани, Краснодара, Архангельска, Ростова-на-Дону и, конечно же, из Санкт-Петербурга и Москвы. Процедура отбора уже который год остается неизменной: студенты-исследователи прислали нам свои работы, затем исследования прошли двойное рецензирование у наших экспертов, а тексты с лучшими оценками (в некоторых случаях – после небольшой доработки) были приняты к публикации. Стоит отметить, что в нашем сборнике есть работы и на русском, и на английском языках.

Мы хотели бы поблагодарить наших уважаемых экспертов, рецензии которых помогли включить в этот выпуск наиболее сильные работы студентов. Этими экспертами стали преподаватели политологии и международных отношений из ведущих вузов страны – МГУ, РАНХиГС, СПбГУ и др. Их рекомендации и конструктивная критика помогли авторам улучшить свои работы перед публикацией. Также мы хотим выразить благодарность коллегам из молодежного журнала публичной дипломатии “The Youth Diplomacy”, с которыми мы плодотворно сотрудничали в этом году. Некоторые статьи о международных отношениях, присланные молодыми исследователями TYD, успешно прошли отбор и теперь украшают наш выпуск.

Мы искренне верим, что, работая из года в год над выпусками журнала «Generation PP», мы помогаем развитию российской политической науки. Наш журнал в 2021 г. вновь стал для начинающих исследователей ступенью, которая поможет подняться в научную среду.

*Алина Дмитриева,
ответственный секретарь приложения к журналу «Публичная политика» –
«Generation PP – 2021»*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ватулина Александра

Сложные отношения неолиберализма и феминизма на примере участниц движения «желтых жилетов» во Франции

Ватулина Александра –
студентка 1-го курса
магистерской программы
«Европейские исследования»
СПбГУ.

Для связи с автором:
peahigram@gmail.com

Для цитирования:
Ватулина А. Сложные
отношения неолиберализма
и феминизма на примере
участниц движения «желтых
жилетов» во Франции //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
[doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.1](https://doi.org/10.31856/jpp-gpp/2021.1.1)

Аннотация

Статья представляет собой анализ противоречий между неолиберальной логикой, господствующей в западных обществах и поощряющей индивидуализм, и феминизмом, опирающимся на коллективизм и женскую солидарность. Тема раскрывается на примере участниц «желтых жилетов» во Франции, активно вовлеченных в борьбу движения против экономического неравенства, но не артикулирующих гендерное измерение неравенства. Статья призвана ответить на вопрос, почему феминистская повестка не была поднята участницами движения, несмотря на имеющиеся предпосылки и возможности заострить внимание на гендерном аспекте. Неолиберальный характер современного феминизма указывается как одна из причин отсутствия у движения требований гендерного равенства в экономических и политических вопросах.

Ключевые слова: неолиберализм, феминизм, желтые жилеты, Франция, гендерное равенство, экономическое неравенство.

Введение

В движении «желтых жилетов», появившемся осенью 2018 г., феминистские требования определенно не были в приоритете. Несмотря на то что борьба против неравенства, которую движение продвигало с самого начала, могла бы потенциально включить в себя и гендерное измерение экономического неравенства, этого не произошло. Стоит отметить, что среди лидеров «желтых жилетов» изначально присутствовали женщины и играли заметную роль, а общая доля женщин в движении составляет примерно 45–47% [‘Gilets jaunes’... 2018].

Согласно социальному опросу, проведенному в 2018 г. группой исследователей из Sciences Po Bordeaux, участницы движения в большинстве своем заняты в сфере, связанной с заботой и уходом (медсестры, няни, сиделки и т. д.) [ibid.]. Среди них также заметно выделяется группа разведенных женщин с детьми [Les Gilets jaunes... 2019].

Социальный состав протестующих женщин по многим признакам (низкооплачиваемый труд, разведенные, с детьми) должен был способствовать появлению каких-то феминистских измерений в движении, но этого так и не произошло (и не было даже намека на это). Почему движение, выступающее против неравенства, не попыталось сфокусироваться на неравенстве в отношении женщин? Бесклассовость и отсутствие сформированной коллективной идентичности у движения не могут это прояснить, так как такие характеристики даже если и мешают выдвиганию общей позиции, то, по крайней мере, не мешают поднимать узкогрупповые вопросы хотя бы на уровне обсуждения и артикуляции своего недовольства. Для ответа на поставленный вопрос в статье приводится анализ неолиберального феминизма и его влияния на участниц движения «желтых жилетов». Также проведен анализ постов в группе Facebook “Femmes Gilets Jaunes” по ключевому слову “feminism”, чтобы выявить отношение участниц движения к феминистским идеям.

Неолиберальный феминизм: обзор

В этом разделе стоит остановиться на понятии неолиберализма и его связи с феминизмом. В данной статье под неолиберализмом я подразумеваю «мотив прибыли и индивидуальную (а не коллективную) ответственность; резко утопическое видение рыночного господства, коренящееся в идеализированной концепции конкурентного индивидуализма и глубокой антипатии к формам социальной и институциональной солидарности» [Peck, Theodore, Brenner 2009: 51]. Преобладание неолиберальных идей и предположений в современных западных обществах сформировало большинство аспектов личной и профессиональной жизни.

Как экономический порядок, неолиберализм опирается на воспроизводство и заботу, чтобы воспроизводить и поддерживать человеческий капитал.

Работающие женщины и мужчины, например, часто покупают услуги по уходу за своими детьми или стареющими членами семьи. Однако парадоксом неолиберализма в этом отношении является отсутствие в неолиберальном политическом лексиконе признания ценности воспроизводства и работы по уходу. Это происходит не только потому, что человеческие субъекты все больше превращаются в общий человеческий капитал, где гендер отрицается, но и потому, что разделение публичной и частной сфер, питающее либеральную мысль и традиционное гендерное разделение труда, размывается через преобразование всего в капитал и проникновение рыночной рациональности во все сферы жизни, включая самые интимные.

Иными словами, неолиберализм не имеет политического воображения вне рынка и рыночной экономики, и тем самым он колонизирует все сферы жизни, включая частную сферу. Поэтому неолиберализм может фактически нуждаться в феминизме для разрешения, по крайней мере временного, одного из своих внутренних противоречий в отношении пола (в том, как воспроизводство и уход, воспринимаемые как чисто женский труд, вписываются в концепцию эмансипации) [Fraser 2009].

Неолиберальный феминизм часто опирается на упрощенное, редукционистское понятие «женщины», которое игнорирует неравенство власти и рассматривает освобождение женщин исключительно через рынок. Гендер позиционируется как центральная форма неравенства и оправдывается с точки зрения бизнеса, а не какой-либо концепции социальной справедливости [Squires 2007].

Неолиберальный феминизм уничтожает потенциал обеспечить критику социальной несправедливости, порожденной структурными противоречиями либеральной демократии, и таким образом еще больше укрепляет неолиберальную рациональность.

Катрин Роттенберг утверждала, что неолиберализм «захватил» феминистскую повестку дня, намеренно опустошая господствующий феминизм и укрепляя неолиберальную рациональность [Rottenberg 2014]. Эта колонизация феминизма стремилась расширить неолиберальные и индивидуалистические сферы и перенести феминизм из групповой борьбы или движения за социальную справедливость в сферу индивидуальной ответственности, уменьшая или устраняя роль государственного феминизма. В западных демократиях неолиберализм ослабил многие формы коллективной идентичности, в том числе женское движение, предложив вместо них химеру индивидуального выбора и потребительства [Beckwith 2002].

Элизабет Прюгль выделила в неолиберализме три различных значения: 1) политический проект, возникший из эпохи после холодной войны, связанный с дерегулированием и приватизацией; 2) экономическая доктрина,

закрепляющая доминирование частного предпринимательства, рынка и скептицизма по отношению к государству; 3) культурная формация правительственной ответственности и связанные с этим изменения в рациональности и технологиях управления [Prügl 2015]. Индивидуализм, в противоположность коллективизму, пронизывает все эти три сферы.

Те субъекты, которые уже наделены определенным объемом экономического, социального, культурного и символического капитала, все чаще приветствуются как общий человеческий капитал, как часть процесса, который лишает их любой ценности или маркеров идентичности, кроме рыночных. Эта интерпелляция помогает производить субъектов, которые информированы метрикой затрат и выгод и которые, чтобы оставаться жизнеспособными, не говоря уже о процветании, должны тщательно упорядочивать свою жизнь, делая разумные инвестиции в себя в настоящем, чтобы обеспечить повышенную отдачу в будущем.

Неолиберальный феминизм опирается на новую рациональность, в основе которой лежат понятия индивидуальной свободы, выбора и расширения возможностей [Brown 2003]. Эта рациональность включает в себя дискурс, который порождает индивидов в качестве предпринимателей собственного «я» и способствует созданию внешней среды, побуждающей индивидов к самоконтролю, с тем чтобы они вели себя в соответствии с рыночными принципами. Само «я» становится предприятием.

В то время как некоторые «я-концепции» допускают формы классовой солидарности, которые могли бы способствовать социальным изменениям в интересах уязвленных слоев населения, «я-концепции», поощряемые неолиберализмом, относятся к типу «каждый сам за себя».

Гендерное неравенство неолиберальный феминизм предлагает ликвидировать не через культурную политику или организацию движений, а посредством рыночной логики: через наращивание потенциала женщин, в предоставлении женщинам доступа к ресурсам и в поощрении индивидуальных устремлений и предпринимательской идентичности. Иными словами, решения проблемы предлагаются через расширение возможностей и прав женщин, чтобы они были наравне с мужчинами. При этом сложности, возникающие за чертой формальных прав и возможностей, не учитываются.

Индивидуализм изначально не сочетался с феминизмом, так как женщины как группа оказываются в худшем положении из-за того, что каждому человеку предлагается думать о себе в первую очередь [Fraser 2009]. Феминистки просто не могут обойтись без двух концепций, которые методологический индивидуализм удаляет из объяснительного инструментария: социальные группы и социальные структуры. В этом смысле проблема групповой идентичности женщин и сопротивление гендерному угнетению взаимосвязаны.

Джонатан Дин предполагает, что многие современные женщины при-мыкают к неолиберальному феминизму из-за того, что они родились после устранения многих юридических барьеров на пути к равенству и были воспитаны в культуре большей индивидуальности и свободы [Dean 2010]. Они могут признавать гендерное неравенство, но рассматривать решения как индивидуальные, а не коллективные или организационные [Reynolds et. al. 2018]. К. Роттенберг отмечает, что это превращает коллективный феминизм в индивидуальную заботу о себе, так как женщины дистанцируются от коллективного феминистского движения, чтобы избежать идеи быть жертвой, требующей организованной защиты [Rottenberg 2014: 426].

Неолиберальный дискурс ограничил дискурсивное пространство для разговоров о несправедливых или репрессивных социальных отношениях и вместо этого фокусируется на индивидуальной свободе воли и самоопределении [Baker 2010].

Я предполагаю, что эта трансформация либерального феминизма в неолиберальный со всеми вытекающими отсюда последствиями является результатом усиливающегося кризиса в либеральной интерпретации пространства и основана именно на стирании понятий свободы, равных прав и социальной справедливости. Такие понятия, как удачный баланс между работой и семьей, становятся нормализующей матрицей, которая помогает управлять женщинами, формируя их желания, стремления и поведение.

Характеристика «желтых жилетов»: анализ роли женщин в движении

Женщины были активно вовлечены в манифестации с самого начала движения. Их требования были направлены на повышение уровня жизни и осуждение падения покупательной способности и стоимости жизни, что свидетельствует как об экономической нестабильности, с которой чаще сталкиваются женщины, чем мужчины, так и об экономическом неравенстве между женщинами и мужчинами.

Однако эти требования ничем не отличаются от того, что требует и мужская часть движения: прежде всего иметь достаточно денег, чтобы свести концы с концами. Фокус на проблемах, касающихся гендерных аспектов, крайне редок и лишь иногда раздается в специализированных группах Facebook, посвященных женским манифестациям [Femmes Gilets Jaunes 2019a].

Даже если «желтые жилеты» организуют мероприятия с участием исключительно женщин, феминистская повестка не только не проявляет себя, но часто отторгается. Вот что было указано в объявлении группы Facebook “Femmes Gilets Jaunes”, посвященном «женской манифестации»: «Дорогие женщины, мы находимся на улицах с 17 ноября, пока мы ведем себя сдержанно,

поэтому призываем всех женщин мобилизоваться. Мы продолжаем дополнять друг друга и солидарны с мужчинами, это не феминистская, а женская борьба» [Femmes Gilets jaunes: un rassemblement... 2019].

В одном из объявлений о манифестациях было негативное замечание о феминистских ассоциациях, пытающихся присоединиться к «желтым жилетам»: «Мы не позволим, чтобы наш голос был украден так называемыми “феминистскими” ассоциациями, которые тоже будут там» [Femmes Gilets Jaunes 2019b]. Далее в посте было указано, что настоящий феминизм представляют исключительно участницы «желтых жилетов».

В другом посте есть отсылки к феминизму для непривилегированных классов, противоположному «буржуазному» феминизму: «Мы больше не позволим эгоцентрической буржуазии опорочить слово “феминизм”, потому что феминизм – это история борьбы, а не эстетическая поза. Феминистки – это те, кто борется за права ВСЕХ женщин» [Femmes Gilets Jaunes 2019c]. Впрочем, какой-то феминистской активистской деятельности подобные заявления за собой не влекут, а репертуар действий практически ничем не отличается от манифестаций остальных «желтых жилетов».

С одной стороны, участницы движения признают дискриминацию, с которой они сталкиваются, и ненадежность, которую они испытывают больше, чем кто-либо иной. С другой стороны, нет никаких попыток развить внутри движения феминистский блок и осуществлять борьбу по специфическим женским вопросам. Также, согласно наблюдениям экспертов из CNRS (Национальный центр научных исследований), на манифестациях женщины выполняют классические гендерные роли – готовка и снабжение едой демонстрантов на баррикадах, среди которых большинство составляют мужчины [Pourquoi autant... 2019].

Таким образом, движение по-прежнему остается в значительной степени на обочине феминистских ассоциаций. Во многом из-за того, что нет никаких четко сформулированных специфических требований, связанных с проблемой неравенства в оплате труда, неполного рабочего времени или нетипичного графика для женщин с детьми.

Сложившаяся ситуация вызывает еще больше вопросов, если учесть, что разведенные женщины с детьми первыми пострадали от сокращения государственных услуг, отмены или сокращения политики перераспределения, чрезмерно низкого уровня заработной платы и нестабильности [Moparentalité... 2013]. Попытки объяснить укоренившееся в движении неприятие мейнстримной феминистской повестки приведены в следующем разделе статьи.

Неолиберальный феминизм и участницы «желтых жилетов»

Для женщин, отвергающих логику подсчитывания выгод, постоянного саморазвития и инвестирования в себя, современный неолиберальный феминизм мало что может предложить. Участницы «желтых жилетов» в своих профессиональной и частной сферах жизни заботятся о других, их работа почти не связана с индивидуальным карьеризмом и «я-концепциями» – скорее, с точностью наоборот.

Движению трудно выработать общую политику из-за индивидуализма, сформированного неолиберальной средой/дискурсом. При этом феминизм – коллективное движение, а не эмансипация отдельных личностей, поэтому отчет о сотрудничестве должен включать различные устойчивые практики, концепцию власти и связанности [Dissident... 2016: 81].

Участницам движения трудно встроиться в феминизм, завязанный на рыночной логике. Феминистские идеи, встроенные в неолиберальную рациональность, делают новые гендерные идентичности и гендерные различия продуктивными для бизнеса и экономического роста, но не учитывают проблемы женщин из классов ниже среднего.

Повестка неолиберального феминизма удобна для женщин, у которых уже есть определенное материальное и социальное положение, для остальных она остается непостижимым дискурсом о возможностях для единиц, в то время как структурные элементы неравенства продолжают игнорироваться. Элитарная перспектива не учитывает реальности большинства женщин. Структурная проблема превращается в индивидуальное дело.

Неприятие мигрантов среди «желтых жилетов» также может быть одной из причин невозможности обрести групповую субъектность: неспособность участников движения выйти за пределы своих расовых, классовых, культурных различий, сексуальной ориентации и взаимодействовать друг с другом, чтобы расти и быть освобожденными коллективно, ведет к тому, что движение не может трансформировать социальную структуру властных отношений в менее угнетающую форму. Структурные формы маргинализации пересекаются [Crenshaw 1989], но неолиберальная логика не признает межсекторального опыта. Отсутствие транскультурных элементов и фокусировка движения на национальной культуре не позволяют «желтым жилетам» примирить конкурирующие интересы множественности идентичностей и построить единство, основанное на определенных принципах сотрудничества.

Заключение

Господствующий неолиберальный феминизм мешает закреплению других форм феминизма, поэтому феминистская повестка так и не появилась

в движении. Неолиберальная логика индивидуализма и решения личных проблем без создания групповой субъектности не позволяет гендерному аспекту оформиться среди требований «желтых жилетов».

Неолиберальные версии феминизма фокусируются на индивидуальном продвижении женщин, подчеркивают корпоративный рост и индивидуальное продвижение выше коллективного и узаконивают «те же самые неолиберальные макроэкономические рамки, которые поддерживали гендерное неравенство и угнетение» [Roberts 2015: 209]. В таких условиях феминизм становится деполитизированным и неспособным на потенциальную эмансипацию [Dean 2010].

Как итог, неолиберальный феминизм, далекий от реальности участниц движения, не вовлеченных в проекты по инвестированию в себя и постоянному подъему по карьерной лестнице, становится непригодным для движения, которое выступает против неолиберальной логики распределения благ. Другие же версии феминизма не представлены в медийном поле и властном дискурсе.

Принятие и освоение других более кооптирующих форм феминизма могли бы позволить участницам «желтых жилетов» выработать общую повестку относительно гендерного измерения неравенства и выдвинуть государству конкретные предложения по достижению большего экономического и социального равенства. Так, например, транскультурная версия феминизма предлагает разрешать напряженность и конфликт, возникающие в результате различий между женщинами, с помощью транскультурных процессов и практик, которые, в свою очередь, могут стать основой новой политики различий в феминизме [Dissident... 2016: 81].

Признание и осмысление недостатков каждой версии феминизма или каждой культуры подчеркивает различия между женщинами и поощряет взаимодействие между ними. Транскультурный подход, в отличие от неолиберального, поощряет женщин, особенно тех, кто принадлежит к доминирующим культурам или имеет привилегии, перестать чрезмерно гордиться своей культурой или социальным положением и разделять политическую солидарность в целях устранения гендерного угнетения [ibid.: 82].

Источники

Baker J. (2010). Claiming volition and evading victimhood: Post-feminist obligations for young women // *Feminism & Psychology*. Vol. 20 (2). P. 186–204.

Beckwith K. (2002). Women, Gender, and Nonviolence in Political Movements // *PS: Political Science & Politics*. Vol. 35 (1). P. 75–81.

Brown W. (2003). Neo-Liberalism and the End of Liberal Democracy // *Theory & Event*. Vol. 7 (1). P. 37–59.

Crenshaw K. (1989). Demarginalizing the intersection of race and sex: A black feminist critique of antidiscrimination doctrine, feminist theory and antiracist politics // *The University of Chicago Legal Forum*. Vol. 140. P. 139–167.

Dean J. (2010). Feminism in the papers // *Feminist Media Studies*. Vol. 10 (4). P. 391–407.

Dissident Friendships: Feminism, Imperialism, and Transnational Solidarity. Edited by Elora Halim Chowdhury and Liz Philipose. Urbana: University of Illinois Press, 2016.

Femmes Gilets Jaunes. (2019a) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/1833300306773961/?post_id=1833601316743860&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets Jaunes. (2019b) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/390687841725014/?post_id=392007851593013&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets Jaunes. (2019c) // Facebook. URL: https://www.facebook.com/events/390783568143275/?post_id=393097284578570&view=permalink (дата обращения: 29.03.2021).

Femmes Gilets jaunes: un rassemblement pas (encore?) féministe (2019) // *lci.fr*. URL: <https://www.lci.fr/population/femmes-gilets-jaunes-un-rassemblement-le-6-janvier-pas-encore-feministe-2109126.html> (дата обращения: 27.03.2021).

Fraser N. (2009). Feminism, Capitalism and the Cunning of History // *New Left Review* 56 (March/April 2009). P. 97–117.

'Gilets jaunes': une enquête pionnière sur la 'révolte des revenus modestes' (2018) // *Giletsjaunes.hypotheses.org*. URL: <https://giletsjaunes.hypotheses.org/48> (дата обращения: 30.01.2021).

Les Gilets jaunes: la partie émergée de la crise sociale française? (2019) // *Institutmontaigne.org*. URL: <https://www.institutmontaigne.org/blog/les-gilets-jaunes-la-partie-emergee-de-la-crise-sociale-francaise> (дата обращения: 28.01.2021).

Monoparentalité = femme + pauvreté ? Pistes de lutte contre la pauvreté des femmes monoparentales (2013) // *Service Etudes du Secrétariat National des FPS*. URL: <http://www.femmesprevoyantes.be/wp-content/uploads/2017/09/Analyse2013-monoparentalite-precarite.pdf> (дата обращения: 27.03.2021).

Peck J., Theodore N., Brenner N. (2009). Neoliberal urbanism: Models, moments, mutations // *SAIS Review of International Affairs*. Vol. 29 (1). P. 49–66.

Pourquoi autant de femmes en gilets jaunes? (2019) // *Information.tv-5monde.com*. URL: <https://information.tv5monde.com/terriennes/pourquoi-autant-de-femmes-en-gilets-jaunes-274434> (дата обращения: 27.03.2021).

Prügl E. (2015). Neoliberalising feminism // *New Political Economy*. Vol. 20 (4). P. 614–631.

Reynolds A.C., O'Mullan C., Pabel A., Martin-Sardesai A., Alley S., Richardson S., McCalman J. (2018). Perceptions of success of women early career researchers // *Studies in Graduate and Postdoctoral Education*. Vol. 9 (1). P. 2–18.

Roberts A. (2015). The political economy of 'Transnational Business Feminism' // *International Feminist Journal of Politics*. Vol. 17. P. 209–231.

Rottenberg C. (2014). The rise of neoliberal feminism // *Cultural Studies*. Vol. 28 (3). P. 418–437.

Squires J. (2007). *The new politics of gender equality*. Basingstoke, UK: Palgrave.

Кудряшова Анна

Положение молодежных политических организаций в современной России на примере «Молодой Гвардии» и «Весны»

Кудряшова Анна –

выпускница факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
kudryash.anna1@gmail.com

Для цитирования:

Кудряшова А. Положение молодежных политических организаций в современной России на примере «Молодой Гвардии» и «Весны» // *Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.2*

Аннотация

С приходом В.В. Путина к власти все больше внимания уделяется работе с молодежными политическими организациями. Связано это с нежеланием правящих структур повторения сценариев цветных революций, где молодежь выступила одной из движущих сил. С тех пор наблюдается создание и поддержка властью лояльных молодежных политических организаций и пресечение деятельности оппозиционных. Задача исследования – проанализировать, возможна ли реализация политических целей молодежными движениями в современной России.

Ключевые слова: молодежная политическая организация, политическое движение, политическое участие, цветные революции, мотивы политического участия молодежи.

Введение

В нулевых в таких странах, как Грузия, Украина, Кыргызстан, прошли «цветные революции», где молодежь выступила одной из движущих сил [Акматалиева 2008]. Нежелание развития подобных сценариев в России побуждает власть разработать меры по их профилактике.

С середины нулевых власть делает ставку на молодежную политику и одно из ее направлений – работа с молодежными организациями. С тех пор во внутренней российской политике наблюдается две тенденции:

1. Создание и поддержка органами власти лояльных молодежных политических организаций.

2. Исключение из политической повестки оппозиционных организаций.

Закономерно, что масштабное вмешательство власти очень сильно повлияло на структуру молодежных движений и их деятельность. В связи с этим интересно рассмотреть, *возможна ли реализация политических целей молодежными движениями в условиях современной России?*

Чтобы ответить на него, я рассматриваю в сравнении лояльную и оппозиционную организации и акцентирую внимание на мотивах участия в них молодежи. Такой подход поможет увидеть, совпадают ли цели и взгляды организации и ее участников; добиваются ли участники своих целей внутри движений, а также сопоставить возможности молодежи в реализации своих политических идей в лояльных и оппозиционных движениях.

Для исследования выбраны два кейса: молодежные организации «Молодая Гвардия» как лояльная организация, созданная «сверху», и «Весна» как оппозиционная организация, созданная «снизу». После событий 2012 г. эти организации наиболее активны в поле молодежной политики.

Ранние исследования молодежных политических организаций, проводимые с 2005 по 2012 г., показывают деятельность оппозиционно-настроенной молодежи как базирующейся на стремлении молодых людей, в силу стадии их возрастного развития, реализовать свою потребность в экстремальной деятельности, общении и т. д., но не на стремлении добиваться своих политических целей [Громов 2008]. В то же время исследования лояльных молодежных организаций показывают молодежь как аполитично-настроенную социальную группу, желающую удовлетворить свои потребности в общении или же получить полезные знакомства, опыт и возможности реализации своих проектов.

При всем этом недостаточно изучено то, как люди попадают в то или иное движение, а также то, что их мотивирует там остаться. Такие исследования необходимы для изучения их политического потенциала.

Либеральная или популистская?

Теоретической опорой исследования выбрана теория коллективных действий, которая помогает оценить успешность движения в достижении общественных благ, оценить внешнее и внутреннее влияние на структуру движения и его успех, а также поможет понять цели участников движений, выявить, какие смыслы они вкладывают в деятельность движений.

Для обобщения результатов используются модели политического участия Сеймура Липсета и Дэниэла Лернера. Ожидается, что анализ данных должен показать, к какой модели политического участия относится их политическое поведение: либеральной или популистской. Согласно либеральной модели, «динамичное социально-экономическое развитие обуславливает сглаживание социального неравенства, а следовательно, обеспечивает укрепление политической стабильности». К такой модели относится институционализированное участие, которое ведет к укреплению демократической политической системы.

Популистская модель предполагает преимущественно формы прямого политического участия, направленного на перераспределение благ. Согласно теории Липсета и Лернера, данная модель не ведет к укреплению политической системы, так как удовлетворение одних требований неизбежно приводит к недовольству других. Следствием накопленного недовольства становится еще большее количество требований, с которыми растет и политическое участие. В силу этого такая модель политического участия ведет не к удовлетворению интересов социальных групп, а к усилению дестабилизации общества [Болховитина 2012].

Методы сбора эмпирических данных и характеристики изучаемых организаций

Сбор эмпирического материала осуществлялся методом организационной этнографии, предполагающей включенное наблюдение внутри организаций и проведение интервью с участниками. Включенное наблюдение проводилось в двух организациях Санкт-Петербурга в течение 11 месяцев 2019–2020 гг. Работа на местах включала посещение регулярных собраний, а также митингов и шествий, на которых были мобилизованы движения. Позже с участниками обоих движений были проведены глубокие полуструктурированные интервью. Всего во время работы было взято 10 интервью у активистов «Молодой Гвардии» и 8 у активистов «Весны» (N=18).

Выборка респондентов включала в себя активистов движений, состоявших в организации более трех месяцев и регулярно участвующих в деятельности движений. В состав опрошенных вошли юноши и девушки в возрасте 18–25 лет с разным «стажем» и степенью включенности в проект – от рядовых активистов до руководителей движений. Интервью длились от 20 минут

до одного часа и охватывали такие темы, как рекрутирование участников, практика политической активности, вопросы о личности респондента, их отношение к политике, о том, как они видят организацию, об источниках их интереса к политике и об их личных мотивах участия в организации.

Контекст создания организаций

«Молодая Гвардия» основана в 2005 г. партией «Единая Россия» с целью популяризации партии, а также мобилизации молодежи во время массовых мероприятий (политические митинги, шествия). До 2012 г. в основном эти функции выполнялись движением «НАШИ», а после того, как движение распалось, эту роль исполняли уже активисты проектов, образованных от «НАШИХ» («Хрюши Против», «СтопХам», «Все дома», «Беги за мной», «Сталь»). Однако деятельность этих проектов постепенно снижалась.

С момента, когда одни провластные организации распускаются, а деятельность других максимально дистанцируется от государства, «Молодая Гвардия» становится наиболее популярным лояльным власти политическим движением, ведущим регулярную как общественную, так и политическую деятельность.

«Весна» – это молодежная общественно-политическая организация, основанная в 2013 г. группой молодых людей (около 20 человек); как правило, это выходцы из «Молодежного “Яблока”», а также молодежных оппозиционных движений «Оборона» и «Молодежная Солидарность»¹:

Мы вышли из партии «Яблоко», потому что Григорий Алексеевич Явлинский является авторитарным руководителем и исключает из партии всех, кто недоволен им и критикует его неэффективность... В итоге мы поняли, что создать другую организацию будет правильнее и продуктивнее, чем пытаться изменить ту, которую невозможно изменить. Это привело нас к тому, что в 2013 г. появилась наша организация (из интервью № 11).

Контекст существования движений сегодня

«Молодая Гвардия»

Сегодня мы можем видеть благоприятные условия для существования организации «Молодая Гвардия» (МГЕР), но при этом совершенно очевидны ограничения в возможностях как действия, так и выражения своего мнения

¹ Бывшее «Молодежное Яблоко» учредило движение «Весна» // Фонтанка.ру. 04.02.2013. URL: <https://www.fontanka.ru/2013/02/04/054/> (дата обращения: 01.06.2020).

активистами организации. Так, с одной стороны, МГЕР является молодежным крылом партии власти, что позволяет ей активно и открыто действовать. Часто в организации отмечается возможность «Молодой Гвардии» предложения собственной законодательной инициативы, что представляет движение в качестве субъекта законодательной власти.

Согласно Конституции РФ, «Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации, Конституционному суду Российской Федерации и Верховному суду Российской Федерации по вопросам их ведения». Однако при этом движение, обладая административным ресурсом в лице партии, способно самостоятельно выступить в качестве такого субъекта²:

Проект комитета молодежи, через него мы смогли оформить молодежную законодательную инициативу, которая перешла в создание поправок для уже действующего закона проектов. Мы через партию смогли договориться и с партией, и с депутатами, где поддерживали 46 депутатов. И со Смольным это обсудили, как они это видят. В чем суть? <...> Мы смогли продлить на две недели льготный период для проездных для школьников и студентов на пригородный транспорт <...> Смольный нашел дополнительное финансирование, чтобы это сделать (из интервью № 10).

С другой стороны, в силу «партийной принадлежности» движения, сильно ограничивается репертуар действий, сводя возможности активистов преимущественно к общественной деятельности (субботники, встречи с ветеранами, проведение образовательных и спортивных мероприятий в школах и т. д.). Те же выводы можно сделать на примере законодательных инициатив – предложить можно только то, что не встретит недовольства партии (преимущественно социальные или патриотические проекты). Другие проекты остаются в рамках обсуждений «между собой» (несколько экологических или урбанистических проектов), так как рассматриваются как «невозможные к осуществлению». Факт существования самостоятельной фильтрации действий обращает внимание на существование таких установок, как «возможные» и «невозможные», относительно политических действий со стороны молодогвардейцев.

² Статья 104 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3f8c850abc4dc2ba4207acc563b176d93bdcf5f7/ (дата обращения: 01.06.2020).

В качестве тех, кто задает эти установки, выступают: партия, комитеты и администрации, отдельные депутаты, а также активисты движения, занимающие руководящие позиции. Таким образом они конструируют для молодежи образы того, что делать можно, а что нельзя, что напрямую противоречит определению общественно-политического движения. Иными словами, молодежное движение существует не для того, чтобы слышать голос молодежи, а для того, чтобы этот голос создать.

Если говорить о финансовых возможностях «Молодой Гвардии», то организация располагает мощным финансовым ресурсом для реализации крупных проектов, проведения форумов, а также образовательных или развлекательных выездов. На эти мероприятия выдается целевое финансирование, которое также должно быть согласовано с партией. В итоге организации удается реализовывать такие масштабные проекты, как «Дневник ветерана», когда активисты брали интервью с жителями блокадного Ленинграда, а позже эти истории вошли в книгу, которая выпущена большим тиражом и находится во всех библиотеках Санкт-Петербурга, а также образовательные проекты «Школа парламентаризма» и «Другой университет». Однако стоит отметить, что, кроме целевых проектов, другого финансирования организация не имеет, что выступает еще одним фильтром деятельности организации – активисты будут заняты по большей мере в финансируемых или мелких общественных мероприятиях, нежели в других проектах.

«Весна»

Говоря об общественно-организационных ресурсах «Весны», предполагаются все те ресурсы, которые присущи протестным движениям: подвальная комната для проведения собраний, сотрудничество с оппозиционными организациями, постоянные стычки с полицией и судебные разбирательства:

Мы можем ситуативно сотрудничать с дружественными организациями. Это ЛПР, «Открытая Россия», Штаб Навального, «Чайный Клуб» (из интервью № 18).

Декларируемыми целями «Весны» является «смена режима в России на демократический ненасильственными методами» (из интервью № 16). В основе репертуара действий движения лежит акционизм – выражение несогласия с действиями властей или требование каких-либо социально-политических изменений через участие в митингах, пикетах, театральных акциях и т. д. Активисты движения постоянно подвергаются давлению со стороны правоохранительных органов, поводом к чему служат статьи российского законодательства, касающиеся нарушения проведения массового или

публичного мероприятия, а также законодательство, касающееся экстремизма. По словам активистов, организация находится под наблюдением центра «Э», участники которого тайно состоят в рядах активистов движения:

У нас были люди, состоявшие в движении и препятствовавшие движению напрямую, при этом не выдавая себя, мы их называем «крысами», везде бы их так назвали. <...> Я к этому отношусь нормально. Я отношусь нормально к тому факту, что я приходил в движение, я участвовал в акциях, меня задерживали post factum, а не когда я приходил, еще ничего не сделал, я прихожу и меня задерживают. К такому я не отношусь нормально (из интервью № 16).

Активистов также задерживали во время первомайской демонстрации в 2019 г.³, во время одиночных пикетов после ослабления «режима самоизоляции»⁴ по статье 86-1 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» за «нарушение режима самоизоляции». Стоит также отметить, что в случаях задержания активистов им могут оказать поддержку некоторые адвокатские коллегии или другие правозащитные организации.

Материальный ресурс «Весны» также не такой большой, как у МГЕР. Активисты не получают никакой финансовой поддержки извне, что также ограничивает возможности деятельности движения, особенно если учесть все те штрафы, которые им выписывают за какую-либо деятельность.

Существование конфликта интересов участников движения и государства обращает внимание на разницу в интерпретации одних и тех же событий или обстоятельств активистами двух движений. То, что представляется молодёжкам как «недопустимое» в данном контексте и они не будут официально нигде это упоминать, для активистов «Весны» представляется тем, что «должно существовать в современном мире», а значит, тем, что они должны требовать от государства. «Весна» как молодёжная политическая организация предпринимает попытки актуализировать молодёжь в качестве политического субъекта в России.

³ Пока на Невском били оппозиционеров, на Дворцовой шел концерт. На первомайских акциях в России задержали больше 100 человек. Самые массовые задержания – в Петербурге // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/01/poka-na-nevskom-bili-oppozitsionerov-na-dvortsovoy-shel-kontsert> (дата обращения: 01.06.2020).

⁴ В Петербурге полицейские задерживают участников пикетов на Невском // ОВД-Инфо. 28.05.2020. URL: <https://ovdinfo.org/express-news/2020/05/28/v-peterburge-policeyskie-zaderzhivayut-uchastnikov-piketov-na-nevskom> (дата обращения: 01.06.2020).

О мотивах вступления

«Молодая Гвардия» набирает к себе актив в двух целях: кадровый резерв и предотвращение «перетекания» молодежи в оппозиционные движения или партии.

В первом случае приходят люди, которые уже хотят связать свою жизнь с политикой и самостоятельно выбирают МГЕР. Эти люди чаще всего добиваются успехов в движении, ведут собственные проекты. Позже они участвуют в выборах от лица партии или идут по пути административной карьеры, как, например, Рената Абдулина⁵.

Во втором случае ведется целенаправленная работа по привлечению людей. От руководства партии или организации поступает задача – каждый месяц привлекать какое-то число новых членов, активно работать со старшими школьниками. В таком случае зачастую приходят люди либо не заинтересованные в политической деятельности, либо еще не сформировавшие свою позицию, и их приход – это, скорее, успех стратегии рекрутирования. В дальнейшем у молодых людей появляется интерес, и им привлекательны возможности и ресурсы, предлагаемые МГЕР, появляется мотивация через создание солидарности на основе идеи «Вы – будущие лидеры России» и дискредитации образа оппозиции.

В случае «Весны» популярно привлечение людей во время акций и митингов. Когда в городе проходит митинг и «Весна» в нем участвует, люди, которые пришли туда самостоятельно, замечают активистов «Весны» с флагами движения и начинают поиски информации об организации в интернете. Там они находят сообщество «Весны» в социальных сетях и заполняют анкету на вступление, если сочли движение подходящим для себя. Похожая схема действует и на митингах или акциях, которые «Весна» организывает самостоятельно:

Как ты узнал о «Весне»?

– Это был митинг 26 марта 2017 года. Думаю: «Ничего себе, у ребят такой красивый, замечательный флаг. Они все такие собранные, дружные, их всех так же дружно крутят менты». Я посмотрел соцсети, подумал: «Вау, я тоже так хочу!» – мотивировать меня тогда было несложно, уже был вдохновлен идеей (из интервью № 16).

⁵ Рената Абдулина провела заключительную встречу в рамках «Школы парламентаризма» // «ВКонтакте». 15.12.2018. URL: https://vk.com/wall-54845577_197292 (дата обращения: 01.06.2020).

Таким образом, в «Весну» люди приходят самостоятельно. У них с самого начала схожие мотивы, которые со временем не меняются, но дополняются мотивом общения, мотивом быть в компании. У всех активистов изначально есть солидарность на основе идей построения демократии, соблюдения либеральных свобод.

Заключение

В существующих российских реалиях модель политического участия обих организаций – популистская. В случае «Весны» в качестве рычагов влияния на власть используются акции прямого действия. Однако власть склонна не прислушиваться к оппозиционным акциям, а подавлять их силовыми методами, тем самым результаты политического участия ведут не к удовлетворению интересов социальных групп, а к усилению дестабилизации общества и политической системы. При таком отношении между властью и движением тип организации определяется как протестный.

Либеральная модель политического участия предполагает институционализированный характер отношений различных социальных групп с властью. Такое сотрудничество способствует укреплению политической системы и демократическому развитию общества. При первичном рассмотрении может показаться, что МГЕР как официальная организация, тесно сотрудничающая с партией и административными структурами, действует в соответствии именно с такой моделью. Однако при дальнейшем изучении организации становится понятно, что это не так. Следует указать, что между партией и ее молодежным крылом существуют неформальные отношения. Также, помимо наличия неформальных рычагов, для реализации интересов наблюдается конструирование «допустимого» и «недопустимого» в движении. Таким образом, даже в случае МГЕР диалог между молодежью и властью нельзя назвать налаженным. Мотивы участников движения в таком случае ориентированы на достижение конкретных карьерных задач, приобретение знакомств или общение с другими людьми, но не на выражение своего мнения. Более того, это мнение, а также лояльное отношение к власти конструируются самой организацией.

Итак, в сегодняшних российских реалиях молодежь существенно ограничена в возможностях влияния на власть и реализации своих политических идей.

Таким образом, исследование показало, что поле молодежных политических движений является ценным и информативным предметом исследования, открывающим возможности для понимания политических процессов, происходящих в современной России. Молодежь демонстрирует желание и готовность участвовать в политике, однако в существующих условиях они могут реализовываться лишь с определенными искажениями.

В итоге искаженные представления о «политических движениях» и о «политическом» формируются внутри молодежных политических движений и транслируются вовне посредством их публичной активности.

Источники

Акматалиева А. (2008). «Цветные революции» и молодежь как зеркало политической культуры кыргызстанского социума // Вестник Академии управления при президенте Кыргызской Республики. № 7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26243707> (дата обращения: 01.06.2020).

Болховитина Т.С. (2012). Модели политического участия: проблемное поле теоретического анализа // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 13.

Бывшее «Молодежное Яблоко» учредило движение «Весна» // Фонтанка.ру. 04.02.2013. URL: <https://www.fontanka.ru/2013/02/04/054/> (дата обращения: 01.06.2020).

В Петербурге полицейские задерживают участников пикетов на Невском // ОВД-Инфо. 28.05.2020. URL: <https://ovdinfo.org/express-news/2020/05/28/v-peterburge-policeyskie-zaderzhivayut-uchastnikov-piketov-na-nevskom> (дата обращения: 01.06.2020).

Громов Д.В. (2008). Уличный театр молодежной политики: оппозиционные движения // Этнографическое обозрение. № 1. С. 19–29.

Пока на Невском били оппозиционеров, на Дворцовой шел концерт. На первомайских акциях в России задержали больше 100 человек. Самые массовые задержания – в Петербурге // Meduza. URL: <https://meduza.io/feature/2019/05/01/poka-na-nevskom-bili-oppozitsionerov-na-dvortsovoy-shel-kontsert> (дата обращения: 01.06.2020).

Рената Абдулина провела заключительную встречу в рамках «Школы парламентаризма» // «ВКонтакте». 15.12.2018. URL: https://vk.com/wall-54845577_197292 (дата обращения: 01.06.2020).

Статья 104 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3f8c850abc4dc2ba4207acc563b176d93bdcf5f7/ (дата обращения: 01.06.2020).

Kharchik Maria

Neoliberal Capitalism in Kyrgyzstan

Kharchik Maria –

*2nd year student of BA program
“Political Management”
in the RANEPА (Moscow).*

*To contact the author:
ma6ax@mail.ru*

Для цитирования:

*Kharchik M. Neoliberal Capitalism
in Kyrgyzstan //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.3*

Abstract

The author is interested in the development and implementation of neoliberal practices in politics and economics. In the article, the author considers the modern types of neoliberal capitalism. The study focuses on the current situation in the Republic of Kyrgyzstan, where the political process, according to the author, is closely related to the economic situation. Considering the neoliberal reality in the Republic of Kyrgyzstan, the author concludes that it is possible to include the state in the category of neocolonial states.

Keywords: capitalism, neoliberalism, neocolonialism, republic of Kyrgyzstan.

Introduction

State formations arise when there is a surplus product that requires redistribution. Resource redistribution is a privilege of the ruling group, which sends power. To justify their right to redistribute resources, the power group resorts to some idea that integrates the community [4]. Nowadays, one of the most interesting ideologies is neoliberalism. As an ideology, neoliberalism was formed in the 80-90s, although it dates back to the 1930s-1960s of the XX century and the intellectual society of Mont Pelerin. Speaking of neoliberalism, it is important to indicate that I am guided by neoliberalism in the theory of the Austrian and Chicago schools of economic neoliberalism [2]. The main goal of neoliberalism is to create state-controlled market mechanisms on a global scale. Therefore, neoliberalism became possible for extended implementation only in the era of globalization. In the article, neoliberalism is considered as a way of governing the state that follows from the ideology of neoliberalism.

Speaking of neoliberalism, it is worth paying attention to capitalism as a social system. Capitalism did not disappear, was not destroyed by socialism, but it was transformed and rooted in society. The spread of neoliberal practices has a dangerous impact on independent states. They morphed into dependent states. This story is relevant to the Republic of Kyrgyzstan, which has suffered from a wave of political protests. In this article, I conduct a comparative analysis of the types of neoliberal capitalism and determine the type for the Republic of Kyrgyzstan. Moreover, I systematize the causal relationship of the transition to neoliberal capitalism. I predict the enabler's purposes in this process, as well as the current situation of the republic's economy. My object is to prove that the political crisis in the republic is closely related to its economic development and the state itself is moving into the powerful influence of China.

The types of neoliberal capitalism

Capitalism is not a single and universal system. Capitalist traits manifest themselves differently in different countries of the world. Since the Republic of Kyrgyzstan, which I am considering as a sovereign state, is a product of the collapse of the USSR, it is first necessary to consider the variations in the development of capitalist relations in the countries of the former Soviet camp.

The first variation of neoliberal capitalist relations (and the most "pure" one) is the "neoliberal capitalism" characteristic of the Baltic states. There, radical market reforms are closely linked to the growth of social inequality, as fiscal and monetary policy was guided by the most liberal Western models. The integration of these countries into the world economy was due to the development of labour-intensive low-tech industries by foreign investors. The second type is "embedded neoliberalism", based on compromise, which is characterized by the functioning of export-

oriented production platforms based on foreign direct investment. It is typical of the Visegrad Four (Poland, Czech Republic, Slovakia and Hungary). Unlike the previous type, the state is ready to actively support the social sphere: that is, some elements of neoliberalism are applied, but social support of the population is not destroyed [1]. On the one hand, Russia, Kazakhstan and Azerbaijan approach “Baltic neoliberalism”. Countries followed the Western model of liberalization, which was offered to them by international organizations (especially the IMF). At the same time, they have the characteristic features of “oligarchic capitalism” – it is characterized by the mutual influence of political elites and entrepreneurs, which takes place in both rich and resource-poor countries.

Neoliberal capitalism is perfectly illustrated by economies based on the income of residents of the state abroad. They became possible in the era of economic globalization. The main characteristic of such economies is a high rate of income from migrant workers (Armenia, Moldova, Tajikistan, Moldova, Kyrgyzstan, etc.). This aid-based capitalism is the best way to characterize the current economic situation in the Republic of Kyrgyzstan. The economic situation is a key cause of instability in this region. Against the background of the next wave of protests in Kyrgyzstan, this topic is particularly relevant. How does the political crisis in Kyrgyzstan relate to its neoliberal reality?

The shift to capitalism

During the beginning of the neoliberal reforms (1990s) implemented by the first president Askar Akayev and his “legendary parliament”, a third of the republic’s GDP was provided by the earnings of Russian labour migrants, which they sent home. The loans from the IMF in exchange for neoliberal reforms at that time were a reflection of the short-sightedness of the Kyrgyz leadership. The first wave of neoliberal reforms led to a serious stratification of society. After the collapse of the USSR, Kyrgyzstan, which was previously an agrarian-industrial country with developed industries (mechanical engineering, mining and metallurgy, industrial construction, food and light industry and agriculture). Kyrgyzstan was one of the first to complete privatization, which led to the destruction of the industrial complex and the beginning of the creation of a re-export economy. Having got their hands on state-owned enterprises, pursuing the goal of instant profit, the Nouveau riche actively sold all the equipment at the price of scrap metal. Thus, the state funds transferred to private hands did not become the basis for building new enterprises, but only served as an instrument of enrichment for the new elite. The funds received were used not for the creation of new products and jobs, but for personal enrichment. Kyrgyzstan has turned from an agricultural and industrial country into an agricultural and raw material country. However, the Government of the republic continues to adhere to a neoliberal policy [3].

The crown of capitalist relations in the country was the dordoi market – a project of “cooperation” on the rights of concession with Southern China, which means exporting resources from the country and selling them at low prices to Southern China, as well as the construction of Chinese industry on the territory of the Republic of Kyrgyzstan, developing gold and antimony. Besides, China accounts for about 45% of the total external debt of Kyrgyzstan and in 2019 the country was included in the list of “vulnerable” states to Beijing. In neoliberal reality, the rules are that the largest creditor will dictate terms to the debtor. Social tension is expressed in local clashes of the local population with foreign developers of raw materials. In early October 2020, a series of attacks on production facilities, many of which are owned by foreign businessmen, took place in different regions of Kyrgyzstan. Among them are the fields “Zhamgyr”, “Bozymchak”, “Ishtamberdi” and “Terek – Say”, developed by Russian, Chinese and Turkish companies. The Permanent Coordinator of the UN System in the Republic of Kyrgyzstan, Ozonnia Ojelo, expressed concern about the ongoing instability in the country and drew attention to the attacks that unknown citizens commit on the objects of foreign investors. These are not the first cases of such collisions. They occur periodically, especially in rural areas, where residents complain about the environmental damage that Chinese industrialists bring, which is reflected in livestock diseases, crop failure and childhood diseases. In September last year, such unrest arose in connection with the activities of the Zhong Ji gold mining enterprise. Zhong Ji is one of almost 400 Chinese enterprises that officially operate in Kyrgyzstan. Russian, for comparison, – less than 300. China is one of the country’s key trading partners. The anti-Chinese protests are extremely inconvenient for the political elite concentrated in Bishkek.

Migration policy of Kyrgyzstan

The concept of the State migration policy of the Kyrgyz Republic was adopted only on April 30, 2004, by Presidential Decree N 151. This concept was valid until 2011. Now on the agenda is the draft migration concept of the Kyrgyz Republic until 2040 [6]. In the field of foreign policy, the old concept speaks mainly about the protection of the rights of migrants in their host countries, and in the Concept of 2040, the logic of a country that purposefully prepares labour resources for travelling abroad is spelt out. Arguing that mass migration will continue in the medium term, the authors of the Concept frankly say that employment abroad is considered “as part of the national development strategy, as it allows you to take advantage of global employment and attract remittances”.

Although the concept of migration policy of the Kyrgyz Republic states “priority use of local labour resources in foreign companies engaged in economic activities on the territory of the Kyrgyz Republic”, the fields “Zhamgyr”, “Bozymchak”, “Ishtamberdi” and “Terek-Sai”, developed by Russian, Chinese and Turkish companies,

involve mainly Chinese workers [4]. The cluster economy (industrial zones) harms Kyrgyz families, mostly living in mountain villages, but brings profits to Chinese companies. This implies the following aspect: a serious de-urbanization of Kyrgyzstan. The development project until 2040 discusses the creation of additional jobs in cities, which in theory should contribute to the urbanization of the country. This implies an increase in the urban population with an even distribution of the population across the country. The deurbanization of the country is that for 3500 villagers, there are 1800 urban residents. And if the number of villagers is growing significantly, the number of urban residents remains at about the same level. Both concepts of migration policy speak of the importance of an even distribution of the population across territories. In the old concept, it was about the need to develop peripheral and degraded cities, border and other strategically important villages, while reducing the burden on two large agglomerations – Bishkek and Osh. The new concept says the same thing – the development of a cluster economy and regional centres, urbanization and an increase in the urban population.

What does political instability lead to?

In an unstable political situation, the political elite needs investment from China. Almost 40% of all direct investments in Kyrgyzstan go from China to the republic: since 2016, the parties have signed agreements on receiving \$ 300 million in gratuitous assistance from Bishkek. Kyrgyzstan is an important element of China's Silk Road Economic Belt projects. In particular, the "New Silk Road" – an extensive transport network connecting China with Europe-should pass through it [5]. Why can't Kyrgyzstan, which is involved in expensive Chinese projects, ensure the economic well-being of its citizens? On the one hand, this is due to the opacity of the political system of the Republic, and on the other with the above-mentioned external debt to China, money addiction will not let go of the self, and new debt covering the minimum state needs, and most of it goes on the support of social sphere. This hinders the internal development of the country. Moreover, sinophobia develops.

Amid protests, which did not constitute a "revolution" because the protesters do not require changing the political system, and advocating for a change of the leader, it is very difficult to talk about monitoring "the internal development of the economy and political system" of Kyrgyzstan. The country's economy is developing, but not for the citizens of Kyrgyzstan itself, but the implementation of serious, expensive Chinese projects. Socio-political tension will accompany the country as long as it does not change the type of management. In this regard, we can consider modern capitalism in the Republic of Kyrgyzstan as a mechanism for the revival of colonial relations, where China is the colonizer. Today, almost every state has its little history of "neoliberal attempts and defeats", somewhere expressed

in the impoverishment of the population, and somewhere in real humanitarian disasters, this is largely about Kyrgyzstan. Right-liberal “modernization” does not work. Here it is relevant to talk about dependent (on economically strong China) development. An agrarian and raw material country that does not have its own developed industry cannot work for self-sufficiency. This is very beneficial for a strong China and allows for deep economic intervention, guided by the norms of international cooperation and economic “collaboration”. Neoliberal capitalist practices help to maintain these relations, thereby making neocolonialism concerning Kyrgyzstan a real phenomenon.

Sources

1. *Аверьянова О.В., Алипов А.С., Благих И.А., Ващук А.Э., Титов В.О.* Проблемы современной экономики: сравнительный анализ современного капитализма. Вопросы теории и методологии. СПб.: РОСТ, 2019. № 4. С. 39–46.
2. *Konnings M.* Neoliberalism Against Democracy?: Wendy Brown’s “In the Ruins of Neoliberalism” and the Specter of Fascism. 2019. URL: <https://lareviewofbooks.org/article/neoliberalism-against-democracy-wendy-browns-in-the-ruins-of-neoliberalism-and-the-specter-of-fascism/> (date of access: 15.09.2020).
3. Неолиберализм с кыргызским лицом // КЫРГЗОЦ. URL: <https://kyrg-soc.org/neoliberalizm-s-kyrgyzskim-liczom/> (date of access: 07.11.2020).
4. *Harvey D.* The Political Economy of Public Space. URL <http://davidharvey.org/media/public.pdf> (date of access: 24.11.2020).
5. In debt to a big neighbour. Why are people afraid of Chinese expansion in Kyrgyzstan // BBC Russia. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-50678871> (date of access: 07.10.2020).
6. Concept of the state demographic and migration policy of the Kyrgyz Republic. April 28 2000. N 102 // 2000. N 47. St. 2.

Skumatova Polina

What drives the protest? Mobilization factors: the case of Russian 2017–2019 protests

Skumatova Polina –

Graduate
of the Higher School
of Economics
(St. Petersburg),
BA program “Political Science
and World Politics”.

To contact the author:
p.skumatova@yandex.ru

Для цитирования:

Skumatova P. What drives
the protest? Mobilization factors:
the case of Russian 2017–2019
protests // Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.4

Abstract

Why do people protest? What affects protest mobilization in autocracies? What makes people more and more take to the streets? In this work, we try to find answers to these and some other questions, applied to the case of Russian protests in 2017–2019. This research aims at exploring what factors played the role in mobilizing the political protest in 2017–2019. Drawing on two theoretical frameworks, research mobilization theory, and social psychology, we explore individuals’ motives for collective action and the circumstances that possibly facilitated their involvement. We carried out a series of semi-structured in-depth interviews to achieve the aim of the research. Our findings allow us to see the different ways in which the individual’s identity, justice, grievances, deprivation, emotions, and perception of efficacy shape the desire to partake in collective political action. Additionally, we can learn about the role of mass media, new media, and social networks in protest mobilization. Finally, the research was able to highlight some valuable outcomes on the factors, constraining mobilization.

Keywords: Russian politics, social movements, protest mobilization.

Introduction

Why do people protest? Over the decades, numerous scholars have scrutinized this question, yet still, there is not a unified answer. Protests are often seen as the instruments for social change [Lukyanova 2017: 1], as they can highlight the grievances in the society [Lorentzen 2013: 129]. Whether it is a one-issue protest of dissatisfied citizens, who are opposing the construction of a church on the popular town square, or a 'national' one against the corruption among the high-class officials, the protests allow people to voice their grievances and dissatisfaction, to express themselves and to be heard. However, in an authoritarian regime, it might be hard to engage in political action, since it is quite costly, while the perceived efficacy, as some might state, is low. So is the case with Russia, but still, people all over the country take to the streets to join popular protests, despite the common perception of them as the apolitical ones [Clément 2015]. The main question is: why is that so?

In this paper, we aim to understand how such large-scale protest mobilization was enabled in the case of Russian protests in 2017–2019 and explain the motivation underlying the political action, both theoretically, using resource mobilization theory and social psychology, and empirically. For practical reasons, we only focus our research on four Russian regions, namely St. Petersburg, Moscow, Shiyes, and Yekaterinburg, where some of the biggest actions took place.

Understanding political protest

Protests are largely associated with democratic regimes, but it would be wrong to assume they are not present in autocracies. At the same time, protests are often seen as a threat to the authoritarian regime [Reuter, Robertson 2015: 23] and the predecessors of the regime transformation [Lorentzen 2013: 128], hence they are undesirable for the autocrats and thus need to be curbed. To do so, the government may tailor the media agenda to prevent public discontent [Gabdulhakov 2020: 5] and use propaganda to mute the voices of opposition, moreover it may threaten, persecute, arrest, and even imprison the leaders of opposition and participants of the protest [Escribà-Folch 2013: 554], which makes participation in one rather dangerous and costly.

This brings us to a classic collective action problem: does the cost of the action outweigh its possible outcomes? Some imply that the size of the group is what makes the deal: the larger the group, the more chances there are that the individual will join the protest [Hager et al. 2020]. According to Christensen and Garfias, "even if an individual cares about a cause, he or she may only be willing to bear these costs if they are confident that others will join them" [Christensen, Garfias 2018: 3]. Similarly, a game-theoretical model by Kricheli et al. demonstrates that people are willing to join the collective action only if they expect a large group

of people to act so [Kricheli et al. 2011: 764]. But is it only the group size and rational calculations that matter?

There are several possible explanations as to what mobilizes protests, especially in an authoritarian setting. Both Arab Spring and Bolotnaya rallies presented the scholars with some valuable insights about how mobilization occurs. One of such is the role of the Internet and social networks in driving the protest. With the growing availability of the Internet and the emergence of social networks and the new media, the way that information is transmitted and received has changed greatly [Eltantawy, Wiest 2011: 1212]. Now that information travels faster, it is easier for people to access it and raise awareness of the current issues [Ruijgrok 2017: 17]. Apart from that, the Internet allows people to form online communities, where they can discuss political and social issues and exchange their views, thus increasing their connectivity [Tufekci, Wilson 2012: 367], establishing group ties [Reuter, Szakonyi 2015: 4] and forming networks of likeminded people [Tufekci, Wilson 2012: 366]. Most significantly, the Internet and social networks have lowered the costs of protest participation, as they make it easier to “acquire independent information, reduces barriers to collective action, and, thereby, undermines authoritarianism” [Reuter, Szakonyi 2015: 32]. Thus, the emergence of new media, free of propaganda and censorship, and social networks has created a powerful resource for mobilizing people for collective action.

If we turn to the ‘inner’ factors, we have to look into the social psychology of the protest. A key principle of collective action in social psychology is the assumption that to take part in a protest, people should be motivated – by the feelings of relative deprivation and injustice, by particular identification, by shared grievances (i. e., feelings of injustice and inequality, dissatisfaction and disappointment with the regime, political and socio-economic conditions [Lukyanova 2017: 34]) and emotions, such as anger and despair [Van Stekelenburg, Klandermans 2013: 887]. Even though grievances themselves do not explain why people protest, those who experience them both on individual and group levels are more likely to be motivated to protest [Bergstrand 2014]. A recent study of local activism in Moscow by Gorokhovskaia links political activism to the dissatisfaction with the regime conditions: the restrictions and the lack of response to the issues from the authorities resulted in the emergence of local activism in Moscow [Gorokhovskaia 2018: 577]. Similarly, Volkov concludes that mass public dissatisfaction with regime and economic conditions eventually results in mass mobilization [Volkov 2012].

Another key element to enhance mobilization is identity, or “that part of an individual’s self-concept which derives from his knowledge of his membership of a social group (or groups) together with the value and emotional significance attached to that membership” [Tajfel 1978: 63]. Given that, individuals can view themselves as a part of a group, adapting the solidarity with its members and the

collective identity of 'we' and 'us', whether it be 'the students' or the 'women', 'the opposition' or 'the libertarian', hence they might become "motivated to protect, maintain, and enhance their group interests or identity" [Van Zomeren 2013: 380]. It is also crucial that identity becomes politicized – for instance, through establishing a 'common evil' [Van Stekelenburg, Klandermans 2017: 114], which deprives the group of public good and creates collective grievances. Recent evidence from Catalonia proves the importance of Catalan identity in popular mobilization; besides, the social and economic grievances, rooted in the inequality and dissatisfaction with conditions in the regions, also became a key factor in promoting political action [Burg 2015: 289–290]. Similarly, a paper by Magun revealed two frequent protesters' self-identifications during the 2011 Russian protests: the 'creative' class and 'the people' ('narod') [Ерпылева, Магун 2014: 197–198, 207].

Last but not least, there are emotions. While being often disregarded from models of political participation, emotions are viewed as catalysts of political actions [Woods et al. 2012; Van Troost et al. 2018]. Jasper argues that emotions, being "transitory responses to external events and new information" [Jasper 1998: 399], have become an essential part of social action and have been helping to understand the underlying motives for it. People might get scared of the sudden changes, angered by the corruption among the elites, proud of the national identity and heroic past. Emotions pervade our lives and so they do in the protest action. According to Clément, emotions "may be transformed into moral feelings of indignation (at injustice), anger (at presumptuous power) or pride (at having stood up for one's views or against resistance)" [Clément 2015: 225], thus empowering the political action.

Thus, we can outline several factors of protest mobilization, some of which we will be testing later: networks and digital social networks, elections, political leadership, grievances, efficacy, emotions, and identity.

Methodology

Drawing on resource mobilization theory [Jenkins 1983; McCarthy, Zald 2001], we assume that the Internet and social media helped to mobilize the protest by lowering the costs of political participation. Additionally, revisiting socio-psychological approaches, we suppose that emotions, grievances, identity, and solidarity help to increase the chances of collective action, hence they are the factors that drive mobilization.

H1: The use of social networks as a primal news source encourages protest participation.

H2: People make a decision about protesting not by rational calculations but based on grievances, feeling of deprivation, and emotions.

H3: The sense of solidarity and common identity promotes protest participation.

Data collection

To test the hypotheses, we conducted 58 semi-structured in-depth interviews with protesters from four Russian regions. The data collection process took place in March and April of 2020 and was held online due to the safety precautions at the time of the pandemic. The sample of respondents was formed using snowball sampling, in which personal connections served as the main access points. The call for respondents was spread through social networks. Because of possible limitations of the snowballing technique, we used insider information to reach the audience, to which the call for respondents would not have been reached otherwise. All interviews were held in Russian, and they were recorded and safely stored afterwards. Each participant gave an informed consent prior to their interview. After all data was collected, the interviews were transcribed and analysed through two cycle coding.

A majority of the respondents are either BA or MA students or recent graduates. The respondents had different political backgrounds: activists, occasional and first-time protesters, and former protesters – some have been participating in protests since 2011, while the others became engaged during the 2017 protest wave.

The detailed information on their age, gender and geographic location is available in *Fig. 1 and 2*.

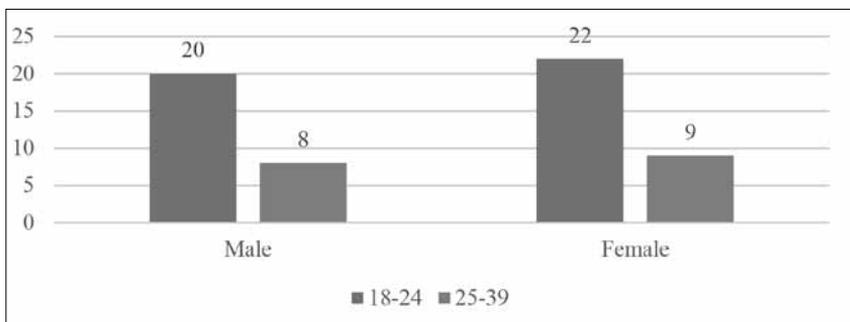

Fig. 1. Age and gender of interview respondents

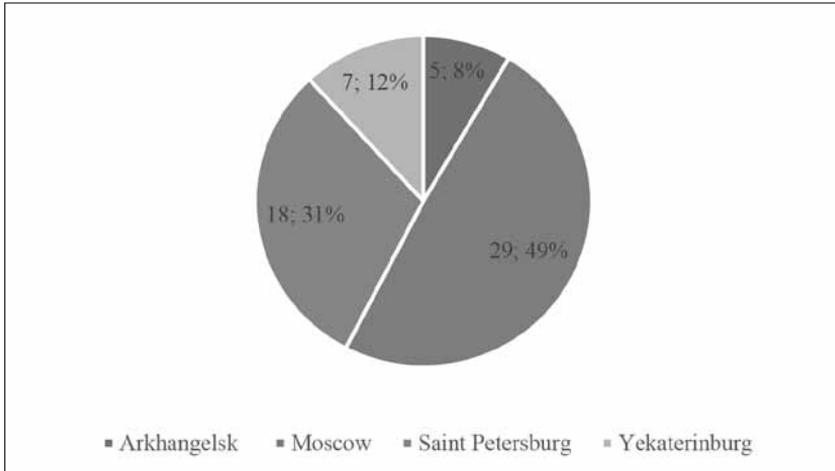

Fig. 2. Geography of the respondents

The interviews guide consisted of 10 main open-ended questions with some supplementary ones and several control questions about the age, gender, occupation, and prior experience in politics. The questions were developed based on the literature on protest participation and social psychology of the protest. First, we asked the interviewees about their interest in politics, views on opposition, their membership in any political parties or social movements, and their protest experience, secondly, we asked to elaborate on the topic and give details about their first time protesting and the motivation behind it. Next, we asked questions related to their motives for protesting, their feelings before and during the protest, about the issues they took the streets for and the attitude towards these issues, and about determinations of a successful protest. Also, there were questions about having a leader in opposition and protests and lastly, about obtaining information about the protest and media use (drawing on resource mobilization theory).

Results

First, we assumed that mobilization can be promoted through social networks. Due to the solid literature foundation on the topic, we anticipated receiving similar results, as was the case, because all informants claimed to have learned about the protests through social networks and media.

"I started to take part in the protests when I saw some information about Shi-yes on the social networks and media, around summer 2018. <...> My prior source of information is VK" (f, 28, Arkhangelsk).

“There was no way of not knowing about the protests – the information is everywhere! I feel like I am in an information cocoon” (m, 22, Moscow).

Additionally, we discovered that psychological factors mattered for protest mobilization (perhaps, even more, than we expected). The data showed that the emotions, brought by grievances about the existing order of things, made people join collective action, and that people tended to solidarize with other protesters when they share political views and local identity (which was most visible in regional cases). Below are some quotes from the interviews, which best illustrate our findings on influence of emotions, injustice, grievances, and identity:

*“I was **so angry** when I watched the investigation! I decided immediately – we will not keep silent!” (m, 21, St. Petersburg).*

*“I was **outraged** and **furious** by the extent of corruption! People who should worry about the welfare of the country are stealing money from their own citizens” (f, 23, Moscow).*

*“This [the protest against the Cathedral] was **important to me personally**. I felt **anger**, perhaps even **hatred**, because of all that was happening” (m, 21, Yekaterinburg).*

*“The first time I protested was when I lived in Tomsk – there was a corruption scandal, and we wanted **justice**” (m, 21, Yekaterinburg).*

*“It was **no longer just about the park**, it was about how **we are treated by the authorities**, it was about them showing off their power. And this was the reason number one for me to keep going to this park day after day” (m, 23, Yekaterinburg).*

*“When I went to Sakharova [Avenue], this feeling of **solidarity** was very important [for me], if it were not for it, I would not see the sense in going” (f, 24, Moscow).*

*“I wanted really big numbers of people to protest, I wanted to feel that I am not alone, that there are **people like me**, and they are not only in Moscow and St. Petersburg but in other towns too” (male, 21, St. Petersburg).*

*“I want to show some activity when **my city** is deprived of voting rights” (f, 25, Yekaterinburg).*

*“I actively participate in the protests because I care for the present and the future of **my region**” (f, 28, Arkhangelsk).*

We also found that cooperation around one issue such as in Shiyes, Yekaterinburg, and around the Moscow protests of 2019, promoted the emergence of group identification and solidarization within the group, which positively influenced the protest participation. Eventually, we found that people tended to act on their feelings of grievances and injustice, rather than by the calculations of these costs, hence we could accept our hypothesis.

Conclusion

Protest participation can be affected by various factors. In this paper, we hypothesized that psychological incentives and the use of social networks mobilized the protests in Russia in the past three years.

Our assumptions were based on a vast scope of literature on protests, both theoretical and empirical. We have created a division of factors into 'structural' and 'psychological', by two theoretical frameworks, which were used for the study. Using qualitative methods, we were able to find the differences in the factors of protest participation between the regions. After we conducted and coded 58 interviews, we were able to highlight several clusters, which we accepted as our factors of mobilization. The evidence from the study implies the idea that there are some regional differences in the mobilizing factors, however, the general picture seems to be rather even. The findings of this study support the idea that psychological incentives, such as grievances, emotions, and identity promoted the protest mobilization in Russia in 2017–2019. We admit that our results may be affected by some limitations and thus may not reflect the whole picture. However, this is a subject for further research.

Sources

Ерпылева С. В., Магун А. В. (2014). Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов // Новое литературное обозрение.

Bergstrand K. (2014). The mobilizing power of grievances: applying loss aversion and omission bias to social movements // *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 19. N 2. P. 123–142.

Burg S.L. (2015). Identity, grievances, and popular mobilization for independence in Catalonia // *Nationalism and Ethnic Politics*. Vol. 21. N 3. P. 289–312.

Christensen D., Garfias F. (2018). Can you hear me now? How communication technology affects protest and repression // *Quarterly journal of political science*. Vol. 13. N 1. P. 89.

Clément K. (2015). Unlikely mobilisations: how ordinary Russian people become involved in collective action // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. Vol. 2. N 3–4. P. 211–240.

Eltantawy N., Wiest J.B. (2011). The Arab spring| Social media in the Egyptian revolution: reconsidering resource mobilization theory // *International journal of communication*. Vol. 5. P. 18.

Escribà-Folch A. (2013). Repression, political threats, and survival under autocracy. *International Political Science Review*. Vol. 34. N 5. P. 543–560.

Gabdulhakov R. (2020). (Con) trolling the Web: Social Media User Arrests, State-Supported Vigilantism and Citizen Counter-Forces in Russia // *Global Crime*. Vol. 21. N 3–4. P. 283–305.

Gorokhovskaia Y. (2018). From Local Activism to Local Politics: The Case of Moscow // *Russian Politics*. Vol. 3. N 4. P. 577–604.

Hager A., Hensel L., Hermle J., Roth C. (2020). Political Activists as Free-Riders: Evidence from a Natural Field Experiment.

Jasper J. M. (1998, September). The emotions of protest: Affective and reactive emotions in and around social movements // *Sociological forum*. Vol. 13. N 3. P. 397–424. (Kluwer Academic Publishers-Plenum Publishers.)

Jenkins J.C. (1983). Resource mobilization theory and the study of social movements // *Annual review of sociology*. Vol. 9. N 1. P. 527–553.

Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. (2011, April). Taking to the streets: Theory and evidence on protests under authoritarianism // *APSA 2010 Annual Meeting Paper*.

Lorentzen P.L. (2013). Regularizing rioting: Permitting public protest in an authoritarian regime // *Quarterly Journal of Political Science*. Vol. 8. N 2. P. 127–158.

Lukyanova Y. (2017). Manufacturing dissent in Russia: A discursive psychological analysis of protesters' talk.

McCarthy J.D., Zald M.N. (2001). The enduring vitality of the resource mobilization theory of social movements // *Handbook of sociological theory* (P. 533–565). Springer, Boston, MA.

Reuter O.J., Robertson G.B. (2015). Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes // *The journal of politics*. Vol. 77. N 1. P. 235–248.

Reuter O.J., Szakonyi D. (2015). Online social media and political awareness in authoritarian regimes // *British Journal of Political Science*. Vol. 45. N 1. P. 29–51.

Ruijgrok K. (2017). From the web to the streets: internet and protests under authoritarian regimes // *Democratization*. Vol. 24. N 3. P. 498–520.

Tajfel H.E. (1978). *Differentiation between social groups: Studies in the social psychology of intergroup relations*. Academic Press.

Tufekci Z., Wilson C. (2012). Social media and the decision to participate in political protest: Observations from Tahrir Square // *Journal of communication*. Vol. 62. N 2. P. 363–379.

Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2013). The social psychology of protest // *Current Sociology*. Vol. 61. N 5–6. P. 886–905.

Van Stekelenburg J., Klandermans B. (2017). Individuals in movements: A social psychology of contention // *Handbook of social movements across disciplines* (P. 103–139). Springer, Cham.

Van Troost D., Klandermans B., Van Stekelenburg J. (2018). Friends in High Places: Anger and Frustration among Protesters When Their Political Allies Fail Them // *Humanity & Society*. Vol. 42. N 4. P. 455–479.

Van Zomeren M. (2013). Four core social-psychological motivations to undertake collective action // *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 7. N 6. P. 378–388.

Volkov D. (2012). Putinism under siege: The protesters and the public // *Journal of Democracy*. Vol. 23. N 3. P. 55–62.

Woods M., Anderson J., Guilbert S., Watkin S. (2012). "The country (side) is angry": emotion and explanation in protest mobilization // *Social & Cultural Geography*. Vol. 13. N 6. P. 567–585.

Ibuowo Olubunmi Florence

Limitations of Human rights in Nigeria: Factors Influencing the Implementation of Human rights in Nigeria

Ibuowo Olubunmi Florence –
4th year student of BA program
“Political Science and World Politics”
in HSE (St. Petersburg).

To contact the author:
Florenceibuowo.f.o@gmail.com

Для цитирования:
Ibuowo Olubunmi Florence.
*Limitations of Human rights
in Nigeria: Factors Influencing
the Implementation of Human
rights in Nigeria* //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.5

Abstract

Human rights in developing nations are riddled with the problem of inadequate implementation due to several restraints caused by inherent traditional values and social norms. These norms have infiltrated the system of politics and policy implementation, thereby serving as an impediment in the adequate exercise of human rights. This short analytical essay examines human rights in Nigeria and also analyses the factors which hinder its successful and effective implementation.

Keywords: Religion, Patriarchy, Women's right, Nigeria, Human's right.

Introduction

Human Rights as expressed by Richard Falk in his article "Human Rights", argues that there exist variations of human right and in his words and there are various factors which influence their implementation within states through his statement "human rights come in flavours than coffee" [Falk 2004].

This essay aims at analysing the various factors which influence human rights in Nigeria's context. As a point of departure, this paper will be structured in four sections. Firstly, a brief introduction, then followed by the second section which provides a general overview of the concept of human rights in the African continent, briefly explaining the factors influencing human rights in West African states with major emphasis on Nigeria. The third section would then further discuss the human rights implementation and its hindrances in Nigeria, through analytical statements. The last section of this essay provides a summary of the accounts and results collected through different scholarly articles which were used during answering the posed meta-question.

Human rights in Nigeria

Within Africa, various organisations have been put in place to ensure the protection of human rights within the African state. The AU (African Union) has created and joined (as a member) several organisations aimed at critically ensuring the protection of human rights e.g. Pan-African Parliament, African Court of Justice, The Economic and Social-Cultural Council, and the Peace and Security Council, the New Economic Partnership for Africa's Development (NEPAD), Committee on the Elimination of Discrimination Against Women (CEDAW). These organisations were put in place with the sole aim of protecting and preserving the rights of the African nation. But in the long run, these organisations have considerably observed some failures or in more subtle words, obstacles which have hindered their effective operationalization within the African states [Zezeza 2007]. These obstacles in the case of Nigeria and many other African countries can be traced historically as a scar from the colonial rulers while others inherently rooted in society. Factors such as regime, governmental policies, ethnicity and gender politics have posed a threat to human rights in Africa and also caused a considerable limitation of human rights in Nigeria. The ineffectiveness of civil societies has also been noted as one of the causes of limitation of human rights in Nigeria.

Furthermore, in accessing the status of human rights in Nigeria, it is fundamental to know how the Nigerian constitution defines and supports these rights. Akpan in his article asserts that the Nigerian federation has made deliberate efforts at promotion and preservation of human rights and basic freedom [Akpan 1980] He highlights these efforts through the provision of free health care and tertiary education which was implemented in Nigeria in the '80s and the country's

mechanism which were put in place to curb gender and racial violence despite the political difficulties faced.

In pursuit of its support for human rights, Nigeria took the front-runner in assisting other neighbouring African countries with examples such as lending support to South Africa during the apartheid and also providing scholarships to South African students in Nigeria, supporting Angola, Guinea Bissau and Mozambique in the fight for independence from the colonial masters. Moses also noted that on domestic front Nigeria has taken several significant steps aimed at guaranteeing human rights and basic freedoms for all its citizens, regardless of their race, sex, creed, socioeconomic status, or ethnic and linguistic origin. Against this backdrop, it is crucial to indicate that the Nigerian press under the Military Administration was categorized as one of the "freest in Africa" [ibid.].

The Nigeria 1979 constitution has made provisions for the regulation and observation of the human rights of the Nigerian citizen but to what extent these document has been respected and observed is what this paper aims to analyse and the factors that stand as a form of limitation or counter argues these constitutional decrees would also be outlined in these paper. In analysing the limitations of human rights, I will attempt an exploration of human rights in Nigeria. I will draw on Zeleza's arguments in his article "The Struggles for Human Rights In Africa" where the emphasis is placed on the various phenomena which have contributed to the changing dynamics of human rights in Africa: Democratization, Regionalization, Globalization and Militarization. The aforementioned factors while accessed through the history of Nigeria's human rights evolution all seem to fit perfectly into the states (Nigeria) body of literature with regards to human rights, Nigerian is divided into 36 regions of which they vary from each other in terms of rule of laws and ethnicity, the northern region of Nigeria is dominated by the predominant Hausa ethnic group which are mostly Muslims and so practice Islam. In the northern region of Nigeria religious practices greatly influence the definition of human rights because the shariah law is the legal law of the northern Nigeria states which highly influences their understanding of human rights. The situation in the southern region of Nigeria is comparatively different because the region is mostly inhabited by Christians and the legal rule of law is the common law according to the 1999 constitution of the federal republic of Nigeria. In making a clear comparison between the Northern and Southern region of Nigeria we can see that the concept of regionalization is identified as a limitation to human rights in Nigeria. In terms of militarization, it was aforementioned that the military regime in Nigeria was described by Moses to have been a fair regime as it did not limit the rights of the people and also provided free access to the press which was regarded as the "fairest press" in Africa under a military regime.

Human Rights implementation and its hindrances in Nigeria's context (Analytical statements)

Religion (proponents of Northern Shariah law): Religion is an act which is highly regarded in Nigeria and that also greatly influences the society and the laws that govern the state. Although the Nigerian government states to be indifferent about religious beliefs (as it is regarded as a secular democratic state), some of the laws which are enacted within the states are purely on the religious and cultural ground. In this section, I will be analysing the Gay-marriage prohibition act which was legalised in 2014 by the then Nigerian President Ebele Goodluck Jonathan. Being a country who is heavily guarded by social norms and religious beliefs like its other African counterpart such as Ghana etc, Nigerian citizens believe that the act of same-sex marriage is a form of taboo and does not resonate with the African cultural believe nor religious doctrines, the treatment and punishments faced by suspected gay men in Christian dominant (southern) states vary compared to their Northern counterpart whose laws and governmental policies are rooted in the shariah law which follows the teaching of the Quran. Adebajo Adetoun highlights in her article "Culture, morality and the law: Nigeria's anti-gay law in perspective" which indicates how this shariah law has limited the human rights of the northern gay suspects, it is noteworthy that out of 36 states in Nigeria, shariah law applies to 12 of them. The section 37 of the Nigerian constitution guarantees the right to privacy and family life to all citizens, this right is also guaranteed under the Universal Declaration of Human rights (UDHR) *Article 12 and the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) *Article 17 [Adebajo 2015], also the section 34 of the Nigerian constitution accords that no human should be subjected to any form of inhumane, degrading treatment or torture and proposes that the dignity of its citizens must be preserved at all times and finally the section 42 of the constitution provides the basis of equal right and non-discrimination of its citizens. Although the above acts have been put in place to ensure the preservation of rights of its citizen, the Nigerian government has failed to follow up the implementation and also obstructed the practice of this act through the supplementary provision of the anti-gay act which by all means contradicts the aforementioned constitutional decrees of the state. Accounts from surveys have ascertained that gay men in Nigeria has suffered a great deal of discrimination and physical torture as they are made to walk naked (section 34 disregarded) in public areas, beaten mercilessly and tortured for being gay men or caught in practising same-sex relationship.

Patriarchy: The social statuses of women in contemporary Nigerian society are usually related to their title either as a mother, wife and daughter. This phenomenon as expressed by Phil was said to have been an ideology which blossomed in the post-colonial Nigeria as a result of the remnants of the post-colonial legal system as he

argued that the system of the right of Nigerian women in the pre-colonial time was seemingly different from what is observed in post-colonial contemporary Nigerian societies [Okeke 2000]. Patriarchy has been an adherent problem in the Nigerian societies as these acts which portray the presence of patriarchy are acknowledged to be "culturally legitimized and socially acceptable" [Okeke 2000] even though only the male population benefits from this. Patriarchy has limited the rights of women in Nigeria by placing them below their male counterparts of the same qualification and also by being marginalized in both political and business arena saying that it is traditionally and culturally unacceptable for a woman to be on par with her male counterpart. This act of patriarchy is in disagreement with the Article 1 and 21.1 and 21.2 of the Universal Declaration of human rights and the Nigerian constitution which enumerates equal rights for all irrespective of their gender. The deprivation of women's right through patriarchy has forced many young Nigerian girls-child into getting married young due to the traditionally instituted way of thinking that a woman life ends in the kitchen and she has no future in the societal nor political affairs, thus depriving much access to education and a free will to live as they wish [Toyo 2006].

Human Rights NGO (Activist) vs Executive Government. The Human rights NGO's in Nigeria has to significant extent influenced the propagation of human rights in the states through educating the citizens about their basic rights and how to defend these rights, providing amendments and suggestions to the executive branch of the state with regards to how to effectively implements acts that solely supports human rights implementation [Okafor 2014]. Nevertheless these organisations have been faced with numerous challenges which limit their work within the country many of the challenges come as a form of legal restraint from the government and others in form of stigmatization, prosecution and even killings of these Human rights activists. These obstacles have obstructed the many NGO's and activists from effectively discharging their duties within the states as they do not get enough support as they ought to form the government and this, has posed as a threat and limitation to human rights in Nigeria. If the governing body of the state opposes the actions of HR NGO's and continually stigmatize and prosecute them, they cannot carry out their respective duties adequately within the states. Okafor noted in his concluding parts that "several conceptual and institutions that have confronted these Ngo's have militated the optimization of their capacity" [ibid.: 49]

Conclusion

This article as posed in the introduction aimed at accessing human rights in Nigeria and analysing its limitation and factors that contributes to these limitations. This paper builds its thesis statements by first analysing the concept of a human right historically within the context of African and then narrowing it down to the case

of Nigeria. Highlighting the major changes which have occurred over the years in the understanding and implementation of human rights in Nigeria. These paper outlines phenomenon's which has caused a changing in the subject of human right in Africa-Democratization, militarization and Regionalization (Ethnic division conflicts) and then further outlines three major factors which limits fundamental human right in Nigeria which are, Religion- accessed through the notion of shariah law and how these law has been translated through the same-sex marriage prohibition Bill 2014, Patriarchy-the unbalance distribution between the societal status of men and women and the abuse of women's right within the social and political sphere of the state and approved to be a "culturally legitimized" act [Okeke 2000: 50–52] which further results into women marginalization within the society and limiting their rights as women. Lastly, in examining the factors that limit human rights in Nigeria, the case of HR NGO's and Governmental agencies were analysed and it was ascertained that the HR NGO's tries to make significant changes in the propagation of human rights within the states but without the support of the government these realizations might be close to impossible.

Sources

Akpan M.E. (1980). The 1979 Nigerian constitution and human rights // *Universal Hum. Rts.* 2. P. 23.

Adebanjo A.T. (2015). Culture, morality and the law: Nigeria's anti-gay law in perspective // *International journal of discrimination and the law* 15. N 4. P. 256–270.

Falk R. (2004). "Human Rights", *Slate Group LLC: Foreign Policy.* N 141 (March-April). P. 18–28.

Okafor O.C. (2004). Modest harvests: on the significant (but limited) impact of human rights NGOs on legislative and executive behaviour in Nigeria // *Journal of African Law* 48. N 1. P. 23–49.

Okeke P.E. (2000). Reconfiguring tradition: Women's rights and social status in contemporary Nigeria // *Africa Today.* P. 49–63.

Toyo N. (2006). Revisiting equality as a right: the minimum age of marriage clause in the Nigerian Child Rights Act, 2003 // *Third world quarterly.* Vol. 27. N 7. P. 1299–1312.

Zezeza T. (2007). Paul. "The Struggles for Human Rights In Africa", *Canadian Journal of African Studies / Revue Canadienne des Études Africaines.* Vol. 41. N 3, Rethinking Rights in Africa: The Struggle for Meaning and the Meaning of the Struggle / Redéfinition des droits en Afrique: Le combat pour leur trouver un sens et le sens du combat. P. 474–506.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ
И ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННЫХ
ГОСУДАРСТВАХ**

Братцев Кирилл, Каминский Станислав

Характер риторики Д.И. Гордона в контексте событий «оранжевой революции» 2004 г. на Украине

Братцев Кирилл –

студент 3-го курса бакалавриата
факультета политологии СПбГУ.

Для связи с автором:

kbrattsev@yandex.ru

Каминский Станислав –

студент 3-го курса бакалавриата
факультета политологии СПбГУ.

Для связи с автором:

Stanislavkam13@gmail.com

Для цитирования:

Братцев К., Каминский С.
Характер риторики Д.И. Гордона
в контексте событий «оранжевой
революции» 2004 г. на Украине //
Generation PP – 2021.

Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.6

Аннотация

В статье описаны события, произошедшие в рамках украинского Майдана 2004 г. Авторы рассматривают один из поворотных моментов революционной истории – выступление журналиста Д.И. Гордона в эфире главного оппозиционного канала страны, призывавшего сторонников В.А. Ющенко начинать массовые протестные действия. Исследователи, осуществившие интент-анализ выступления, вычленили недоступные при использовании других видов анализа интенции речи, вероятно оказавшие влияние не только на политический дискурс того времени, но и на исход революционных событий.

Ключевые слова: массовые протесты, «оранжевые революции», публичное выступление, Дмитрий Гордон, интент-анализ, Украина.

Введение

Выдающийся отечественный политолог А.В. Кынев, писавший о том, что почти на всем постсоветском пространстве сложились уникальные системы, представляющие собой авторитарные гибриды, главными компонентами которых являлись президентские, почти «самодержавные» полномочия, с одной стороны, и бюрократические, номенклатурные практики функционирования государственной системы – с другой, отмечал, однако, что «украинский кейс» неприемлемо считать «типовым» из-за целого ряда особенностей политической системы и институционального дизайна в целом [Кынев 2002].

Украина всегда находилась на разломе «восточноевропейского» и «постсоветского» пространств. Говоря о политической культуре и идентичности, отметим, что часть Украины принадлежала австро-венгерской традиции, а другая часть – традиции российской. Очевидно и то, что независимая Украина была исторически новым государственным образованием, политическая культура, идентичность и символическое пространство которой только формировалось преимущественно эволюционным путем [Кынев 2005].

Теоретическая часть

Теоретические основания понятия «оранжевой революции» были рассмотрены в работах И.А. Ветренко [Ветренко 2018], Э.С. Восканян и Н.С. Бычковой [Восканян, Бычкова 2020], которые определяют «оранжевые революции» как политический переворот, подразумевающий только смену правящей элиты, в отличие от классической революции. Влияние на украинскую революцию 2004 г. со стороны СМИ, а также включение в революционные события молодежи, было исследовано в работах С.В. Козлова [Козлов 2010] и А.А. Борейко [Борейко 2011].

Уже в постсоветское время Украина перестала быть похожей на своих соседей, так как внутренние трансформации происходили преимущественно эволюционным, мирным путем. До 2014 г. Украина не знала событий, схожих с событиями 1993 г. в России или 1989 г. в Румынии. В широком смысле до 2014 г. Украина находилась в «клубе бархатных революций».

Пример бывшего председателя ВС УССР Л.М. Кравчука, объединившегося с демократическим движением «Рух», вполне соотносим с образом круглых столов в Восточной Европе, когда политические акторы соглашались на мирный политический транзит во имя сохранения единства нации и территориальной целостности государства.

Однако позже механизмы украинской власти стали работать не столь слаженно. Даже несмотря на Конституционный договор от 8 июня 1995 г., который заключили президент и Верховная Рада, стороны продолжили вести ожесточенное противоборство, в котором участвовали Л.Д. Кучма и его

сторонники, против которых резко выступали представители бывшей партийно-хозяйственной элиты, занявшие весомую долю мест в украинском парламенте [Кынев 2005: 65].

Результатом конфликта стало принятие «компромиссной» Конституции 1996 г. В результате Верховная Рада стала правопреемницей Верховного Совета УССР и получила возможность практически единолично вносить поправки в Конституцию страны, имея и ряд других значимых полномочий. Вместе с тем не был «обижен» и институт президента, который обладал не менее широкими «спектрами для маневра», почти сходными полномочиями лидеров Франции и Хорватии [Кынев 2002: 132].

В 2000 г., желая упрочить личную власть, Кучма инициировал референдум, на котором были поставлены важные для страны вопросы, касающиеся вотума недоверия Верховной Раде, возможности распускать парламент по указу президента, ограничения форм депутатской неприкосновенности и ряда других новшеств, которые в 2020 г. повторно выдвинул В.А. Зеленский, предлагавший всеукраинское голосование с похожими вопросами (например, норма о сокращении депутатского корпуса до 300 человек) [Соколов 2020].

Даже если победа на референдуме была достигнута без помощи административного ресурса, результаты голосования не имели с нормативной точки зрения никакого смысла, так как изменять Основной Закон страны через референдум запрещала все та же Конституция 1996 г.

Помимо своеобразной и неоднозначной конституционной системы разделения властей, сформировавшейся к 2004 г., на Украине сложилась довольно специфическая партийная система. Уже 20 лет назад для республики было характерно наличие множества партий, рассредоточенных по всему политическому спектру. Очевидное воздействие оказывало и политико-географическое районирование – все действовавшие до и после 2004 г. партии были сильны лишь в какой-то из частей страны [Васьковская 2004].

К 2004 г. рейтинг Кучмы, подорванный «кассетным скандалом», оказался катастрофически низким, аннулировал ожидания элиты и сторонников, рассчитывавших на выдвижение кандидатуры лидера на третий президентский срок. В экспертном дискурсе сразу возникли три фигуры «преемников» – упоминали экс-премьера В.А. Ющенко, спикера В.М. Литвина и премьера В.Ф. Януковича. Спикер Литвин в выборах не участвовал, и главных кандидатов осталось двое. В первом туре главные претенденты набрали практически одинаковое количество голосов: Янукович – 39,88%, Ющенко – 39,22% [Карабущенко 2014].

После завершения второго тура, ночью 22 ноября, Центральная избирательная комиссия Украины сообщила, что после подсчета 33% бюллетеней лидировал Янукович с 50% голосов, а Ющенко набирал 46%. Эти

данные резко расходились с результатами нескольких групп социологов, которые констатировали победу самовыдвиженца Ющенко. Вместе с тем сторонники Ющенко и большинство иностранных наблюдателей считали, что победный «перевес» Януковича в голосовании был достигнут за счет гипотетических фальсификаций на юго-востоке Украины, откуда родом и происходил премьер-министр страны.

После неформальной беседы за закрытыми дверями украинской ЦИК Ющенко сделал заявление, в котором говорилось о том, что он не доверяет подсчетам ЦИК и призывает своих сторонников прийти на Майдан для защиты «своей победы». Сторонники Ющенко мобилизовали в первую ночь до 100 тыс. человек [Воронина, Никольский, Симаков 2004].

Коммуникация с избирателями происходила в рамках телеэфиров «5 канала», которым владел П.А. Порошенко, бывший тогда депутатом Верховной Рады и членом избирательного блока сторонников Ющенко «Наша Украина».

Идея и концепция «5 канала» изначально принадлежала журналистам А. Шевченко, Р. Скрыпину и Е. Глибовицкому, которые из-за цензуры покинули телеканалы «Новый», «СТБ» и «1+1» соответственно. Со времени своего основания «5 канал» позиционировал себя как «канал честных новостей».

Во время президентских выборов 2004 г. «5 канал» был единственным телевизионным каналом, который предоставлял свое эфирное время как власти (сторонникам Януковича), так и оппозиции (сторонникам Ющенко). Сотрудники канала жаловались на давление со стороны правящей элиты, а владелец канала, депутат Порошенко еще в октябре 2004 г. прямо обвинял председателя парламентской комиссии по делу «Об отравлении Виктора Ющенко» В. Сивковича в дезинформации СМИ и давлении на оные посредством связей в администрации президента [Витебский 2004].

Окончательно встав на сторону оппозиции ночью 22 ноября, «5 канал» перешел в режим круглосуточного информационного вещания и в прямом эфире транслировал события на Майдане в Киеве и других горячих точках украинской столицы. Благодаря этому рейтинг канала достиг рекордных показателей – «5 канал» занимал третье место в стране по охвату аудитории [История 5 канала 2013].

Уже 24 ноября, примерно в 18:30 по местному времени, ЦИК Украины объявила Януковича победителем второго тура президентских выборов. За то, чтобы признать эти результаты окончательными, голосовало большинство членов комиссии. Прямо в зале заседаний сторонники Януковича радостно приветствовали решение Центризбиркома, а сторонники Ющенко и поддерживающие его журналисты скандировали «Позор!».

К моменту оглашения вердикта ЦИК сторонники оппозиции митинговали в центре Киева. Украинское МВД насчитало на Крещатике около

750 палаток, в которых расположились активисты оппозиционных молодежных организаций. Как только ЦИК объявила итоги выборов, студенты захватили дворец «Украинский дом», в котором во время выборов размещался информационный центр Российского клуба и пресс-центр штаба Януковича [Сторонники Ющенко... 2004].

В 19:50 по местному времени в офисе «5 канала» появился Д.И. Гордон – культовая фигура украинской журналистики. Первую известность журналист и телеведущий получил еще во время учебы на втором курсе института, когда начал писать статьи в популярные киевские газеты.

По окончании института получил распределение в редакцию газеты «Вечерний Киев», откуда вместе с коллективом ушел в «Киевские ведомости», возглавляемые в 1992 г. украинским медиамагнатом А. Швецом. С 1995 г. Гордон работал над собственным проектом «Бульвар» – издании, публиковавшем истории из жизни звезд искусства, политики, науки, спорта. В каждом номере выходило интервью Гордона с выдающимися современниками [Холоденко 2017].

Формат печатных интервью был выбран не случайно, так как издание тиражом в 600 тыс. экземпляров было лишь дополнением к знаменитой авторской программе «В гостях у Дмитрия Гордона», которую журналист снимал для старейшего и крупнейшего на Украине «Первого канала» (УТ – 1). Вероятнее всего, не стоит комментировать социологические выкладки рейтингов доверия того времени, иллюстрирующие влияние и узнаваемость образа украинского «лидера мнений».

В 19:55 Гордон выходит в прямой эфир «5 канала» и начинает читать ставшую культовой на Украине речь, разделившую события «Помаранчевої революції», со слов Ющенко, «на до и после». По мнению исследователей из Школы права и дипломатии им. Флетчера при университете Тафтса А.Л. Биннендийк и И. Маровича, количество протестующих в тот вечер начало увеличиваться экспоненциально, когда «к концу недели, по многочисленным оценкам, в Киеве собралось около миллиона украинцев», приехавших поддержать Ющенко из «западных» регионов [Биннендийк, Марович 2006].

Далее мы приступим к интен-анализу вышеупомянутой речи Гордона. Актуальность исследования заключается в том, что авторы вносят вклад в изучение роли личности Гордона в истории Украины, влияния его риторики на политическое поведение масс в контексте украинской «Помаранчевої революції» 2004 г.

Эмпирическая часть

Интен-анализ – психологический метод анализа речи, предполагающий экспертное оценивание характера намерений говорящего. Интен-анализ

речи позволяет определить интенции говорящего (в том числе скрытые), выражение психологического состояния индивида, ограничивающие условия индивида. Важным является то, что интенмент-анализ позволяет определить интенции в рамках речевых актов, выражаемые интонационно, поэтому он в равной степени приемлем для анализа и текстов, и публичных выступлений.

Исследователь О.В. Попова выделяет следующие речевые акты: локутивные, иллюкутивные, перлокутивные. Локутивный акт направлен на информирование о действии или событии. Иллюкутивный акт сообщает слушателю или читателю наличие определенного намерения, цели у описываемого объекта. Перлокутивный акт фиксирует реальный результат действия описываемого объекта. Предполагается, что текст или речь с избытком иллюкутивных и перлокутивных речевых актов представляет собой попытку манипуляции [Попова 2011: 201–203].

При выделении интенций в тексте была использована методика Т.Н. Ушаковой – одного из первопроходцев российского интенмент-анализа. В результате исследований РАН, проводимых под ее руководством (они были посвящены конфликтной политической риторике предвыборного периода), были выделены интенции, которыми авторы данного исследования воспользовались для определения интенций в выступлении Гордона [Ушакова и др. 2000].

Далее мы осуществим интенмент-анализ упомянутой речи и попытаемся очертить характер риторики Гордона, являвшегося в тот исторический момент не только значимым актором дискурсивного пространства, но и реальным участником политического процесса, связанного с кризисом политической системы Украины [Дмитрий Гордон... 2013].

1. Выделение интенций и определение типа речевого акта

«Я очень внимательно слежу за всем, что сейчас происходит (**информирование 0 локутивный акт**), и мне очень тревожно на душе. (**признание 0 локутивный акт**). Я хочу обратиться к тем людям, которые мне верят и для кого моя точка зрения и моя личная позиция что-то означают (**информирование 0 иллюкутивный акт**). Я считаю, что сегодня не может быть людей, которым все равно на те события, которые происходят в нашей стране (**самопрезентация + иллюкутивный акт**). Я подчеркиваю, от наших политиков я слышал много слов “эта страна”, “вот эта страна” (**неявная критика – иллюкутивный акт**). Нет, это наша страна. Это мы тут живем, и нам тут жить. И “эта страна” – это наша страна, и мы заслуживаем того, чтобы жить тут хорошо. Я считаю, что если мы сегодня не будем заниматься политикой, каждый из нас, то политика займется нами, и это будет намного хуже. У меня четверо детей, и я как отец желаю, чтобы и они, и я, и моя семья, и семьи моих друзей жили в цивилизованной, нормальной, красивой стране (**побуждение + (Ib. = 5)**)

иллокутивный акт). Я не хочу, чтобы моя страна стремилась к Азии, я хочу, чтобы она направлялась в Европу и занимала там почетное место среди европейских стран с развитой европейской демократией. Я хочу сказать, что у меня много друзей, влиятельных друзей, они голосовали каждый, как считали нужным. Кто-то голосовал за Виктора Януковича, большинство моих друзей голосовали за Виктора Ющенко. Я как человек толерантный и глубоко демократичный понимаю и уважаю выбор каждого, кто голосовал на этих выборах. Конкретно я оба раза голосовал за Виктора Ющенко (**признание 0 (Ib. = 5) локутивный акт**). Я считаю, что это честный, порядочный, чистый, цивилизованный человек, который приведет мою страну к процветанию и цивилизации (**признание + локутивный акт**). Я говорю про это с открытой душой, с открытым сердцем, я очень уважаю Виктора Ющенко, я лично с ним знаком, хорошо знаком, и я считаю, что после всех фальсификаций, которые произошли, а они произошли, я глубоко в этом убежден и знаю, про что говорю, я считаю Виктора Ющенко своим президентом (**признание 0 (Ib. = 3) локутивный акт**). Я хочу обратиться ко всем, от кого зависит сохранение мира и спокойствия в моей стране. Кроме этого, я хочу обратиться к президенту Украины Леониду Даниловичу Кучме (**информирование 0 (Ib. = 2) иллокутивный акт**). Я глубоко вас уважаю, Леонид Данилович, считаю умным человеком, человеком, который через многое прошел в своей жизни (**признание + локутивный акт**). Я считаю, что в первую очередь сегодня, сейчас, во все минуты, во все часы, в основном от вас зависит, чтобы в Украине не пролилась кровь (**убеждение 0 перлокутивный акт**). Вы сохраняли мир и спокойствие на протяжении 10 лет (**признание заслуг + перлокутивный акт**). Я прошу вас лично от себя, от своих друзей, от своей семьи, от своих знакомых, от всех жителей Украины, чтобы вы сейчас вмешались, когда еще можно остановиться за минуту до крови, потому что она не может пролиться на нашей земле (**предупреждение 0 иллокутивный акт**). Я обращаюсь к Леониду Макаровичу Кравчуку, которого я глубоко уважаю за то, что он вывел Украину из Советского Союза в 1991 году (**информирование 0 локутивный акт**). Из того Советского Союза, в который я не хочу возвращаться, я не хочу быть в составе России, потому что от России мы не видели никакого добра за все эти годы, мы видели миллионы людских жертв, миллионы замученных, убитых людей в концлагерях, мы видели Афганистан, сейчас Россия видит Чечню (**критика – перлокутивный акт**). Я не хочу ни Афганистана, ни Чечни ни для себя, ни для своих детей, ни для своих почитателей (**признание 0 локутивный акт**). Мне все равно, какая вы личность, я повторяюсь, я уважаю вас, я считаю, что вы должны сейчас тоже сказать свое слово (**побуждение 0 локутивный акт**). Я хочу обратиться к политикам, которых я считаю умными и мудрыми людьми, к Владимиру Павловичу Горбулину, к Дмитрию Владимировичу

Табачникову (**информирование 0 локутивный акт**). Я считаю, что сейчас ваше время, сейчас вы все вместе обязаны взять ситуацию в свои руки, чтобы не допустить кровопролития (**убеждение 0 локутивный акт**). Я вчера был пять часов в Верховной Раде Украины и наблюдал за событиями, которые там происходили, своими глазами. Я был на Майдане. Я видел из окна Верховной Рады, как десятки тысяч, сотни тысяч людей кричали “Ющенко” (**информирование 0 (Ib. = 3) локутивный акт**). Это не быдло, это не стая, это люди, которые пришли туда по зову сердца, им никто не платил денег (**отвод обвинений + перлокутивный акт**). Я знаю многих этих людей, которые сейчас находятся на Майдане (**информирование 0 локутивный акт**). Они мерзнут, они недоедают, они недопивают, они стоят на ногах, они не могут сходить в туалет (**информирование – локутивный акт**). Но они стоят, потому что они знают, что за ними правда (**поддержка + локутивный акт**). Я глубоко уверен, что назад эти люди уже не пойдут, уже не то время (**предупреждение 0 иллюкутивный акт**). Я сегодня слышал выступление Юрия Рубчинского на “5 канале” (**информирование 0 локутивный акт**), и он очень верно сказал, обращаясь к Леониду Даниловичу: “Это вы научили страну демократии, это вы воспитали тех людей, которые сейчас стоят и защищают свои права” (**признание заслуг + перлокутивный акт**). Я скажу за себя, когда я услышал про дикую фальсификацию на выборах, я почувствовал себя очень болезненно, я почувствовал, что меня изнасиловали, изнасиловали мое сердце, мой выбор (**признание – иллюкутивный акт**). Я не могу с этим смириться, я гражданин своей страны и как человек, от личного взгляда которого многое зависит. Я видел вчера глаза людей, которые стоят на Майдане (**информирование 0 (Ib. = 2) локутивный акт**). Это студенты, это пенсионеры, это учителя, это врачи, это мои коллеги-журналисты, я прошу всех поддержать этих людей. От вас сейчас, от каждого, зависит, каким способом будет развиваться моя страна, ваша страна. Я прошу всех поддержать Ющенко (**побуждение 0 (Ib. = 3) перлокутивный акт**)».

2. Характеристика интенций

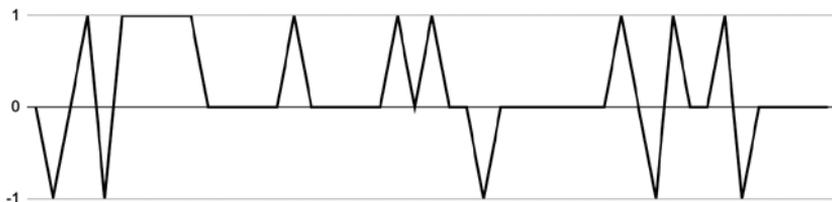
Из 47 интенций, выделенных в данном выступлении политика, нейтральных – 30, положительных – 12, отрицательных – 5. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Гордон в своей речи стремится показать свою беспристрастность в сложный для страны момент, несмотря на выраженную позицию о поддержке одного из кандидатов на президентских выборах. Очевидно, что это помогает ему обращаться к широкому массам населения и находить среди них поддержку. Положительные интенции позволяют завоевать доверие прежде всего представителей элиты украинского общества, к которым неоднократно обращается журналист. Негативные интенции появляются

в речи редко, но используются, скорее, без цели критики, а для демонстрации текущего тяжелого состояния дел в стране.

Соотношение типов речевых актов в тексте выступления Гордона таково: из 47 интенций мы определили 26 локутивных актов, 13 иллокутивных актов и 8 перлокутивных актов. Таким образом, несмотря на общий констатирующий факты настрой речи, заявление содержит в себе информацию о стремлениях самого автора и других политических акторов, предполагаемые результаты деятельности которых Гордон также выносит в публичное поле.

Интенции	Направленность интенции	Количество
1. Информирование	0	13
	-	1
2. Самопрезентация	+	1
3. Неявная критика	-	1
4. Побуждение	0	4
	+	5
5. Критика	-	1
6. Признание	0	9
	+	2
	-	2
7. Предупреждение	0	2
8. Признание заслуг	+	2
9. Отвод обвинений	+	1
10. Поддержка	+	1
11. Убеждение	0	2
Всего интенций в речи: 47		
Из них:		
26 локутивных актов		
13 иллокутивных актов		
8 перлокутивных актов		

3. Построение графика интенционального воздействия на реципиента

Полученный график показывает, что в речи журналиста доминируют нейтральные интенции, при этом позитивные и негативные высказывания оказываются «пиковыми точками». Автор не сосредотачивает в них основное содержание своего выступления, а скорее использует их с целью обеспечить поддержку слушателей. Исключением является начало речи, когда Гордон использует несколько позитивных интенций подряд, которые позволяют ему завоевать доверие слушателей, выступать при общении с представителями политической элиты от имени народа Украины. Стоит обратить внимание и на то, что в моменты обращения журналиста к представителям украинской политической элиты он сперва обращает внимание на их заслуги для истории и общества современной Украины. Мы видим ту же тактику, которая была использована ранее: Гордон захватывает внимание слушателя, а потом или пытается убедить в своей точке зрения, или говорит не слишком приятные для слушателя, но справедливые вещи.

4. Интерпретация установок автора политического выступления

Интеннт-анализ данного выступления журналиста Гордона показал, что оно было тщательно продуманным шагом украинского «лидера мнений». Обнаруженное в ходе исследования доминирование в речи журналиста нейтральных интенций демонстрирует его стремление стать политическим брокером в конфликте. Цель Гордона в данной речи – добиться доверия у слушателей, а затем убедить их в своей точке зрения и призвать к правильному, в его понимании, выбору. Его задача – прежде всего добиться мирного разрешения конфликта. При этом, естественно, Гордон не может быть полностью объективен: он поддерживает Ющенко и призывает всех слушателей к тому же, но в первую очередь потому, что считает это справедливым исходом происходящих событий.

Заключение

Подводя итоги нашего небольшого исследования, нам важно отметить несколько ключевых выводов, напрямую связанных с характером риторики Гордона. Интент-анализ речи журналиста показал, что выступление было адресовано не только рядовым гражданам, сторонникам В. Ющенко, но и представителям политической элиты Украины, принадлежащим к разным политическим лагерям.

Анализ интенций речи Гордона показал, что журналист позиционировал себя как посредник, политический брокер, способный установить каналы коммуникации между политиками и расколотым гражданским обществом. Однако исследователи отмечают явные симпатии по отношению к В. Ющенко и его сторонникам.

Отдельно стоит отметить, что результатом массовых протестов, вызванных в том числе заявлением Гордона, стало аннулирование итогов президентских выборов и назначение третьего тура, в ходе которого оппозиционный кандидат Ющенко одержал победу, улучшив свой результат на один миллион голосов. Данный факт может свидетельствовать не только о корректном подсчете бюллетеней в рамках третьего тура, но и о повышении популярности Ющенко после поддержки деятелями культуры, в том числе «лидером мнений», журналистом Гордоном.

На наш взгляд, основной заслугой Гордона является характер его риторики, направленной на сохранение гражданского мира на Украине. Именно благодаря влиянию журналиста-посредника политические элиты смогли найти компромисс, а рядовые сторонники не допустили насилия на улицах революционного Киева.

Источники

Биннендийк А.Л., Марович И. (2006). Власть и убеждение: ненасильственные стратегии воздействия на силы государственной безопасности в Сербии (2000) и Украине (2004) // Коммунистические и посткоммунистические исследования. Вып. 39. № 3. С. 411–429.

Борейко А.А. (2011). Истоки протестных настроений украинской молодежи в украинской «оранжевой революции» 2004 года // Russian Journal of Education and Psychology. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoki-protestnyh-nastroeniy-ukrainskoy-molodezhi-v-ukrainskoy-oranzhevoy-revolutsii-2004-goda> (дата обращения: 19.01.2021).

Васьковская Я. (2004). Две Украины // Новая газета. 18–21 ноября.

Ветренко И.А. (2018). «Революция» и «цветная революция» как теоретические конструкты политической науки // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. № 1. С. 118–121.

Витебский М. (2004). Реалити-шоу «Предвыборный голод» // Lenta.ru. 29 октября. URL: <https://lenta.ru/articles/2004/10/29/tv5/> (дата обращения: 19.01.2021).

Воронина А., Никольский А., Симаков Д. (2004). Украина раскололась // Ведомости. 23 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2004/11/23/ukraina-raskololas> (дата обращения: 19.01.2021).

Восканян Э.С., Бычкова Н.С. (2020). «Цветные революции» в современном мире: мнения исследователей // РСМ. № 1 (106). С. 242–248.

Дмитрий Гордон призывает украинцев выйти на Майдан (2013) // YouTube. 23 ноября. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U4L1cLHkzto> (дата обращения: 19.01.2021).

История 5 канала (2013) // 5 канал. 22 августа. URL: <https://web.archive.org/web/20140310213216/http://www.5.ua/about5/item/329664-istoriia> (дата обращения: 19.01.2021).

Карабущенко П.Л. (2014). Политические элиты Украины 2000-х годов: «триумф» и крах майданной демократии // Современная научная мысль. № 3. С. 116–140.

Козлов С.В. (2010). Роль средств массовой коммуникации в установлении повестки дня «оранжевой революции» // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. № 6. С. 71–77.

Кынев А.В. (2002). Институт президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис. Политические исследования. Т. 2. № 2. С. 126–137.

Кынев А.В. (2005). Эффекты «Майдана»: политическая система Украины после кризиса 2004 г. // Полис. Политические исследования. № 1. С. 63–71.

Попова О.В. (2011). Политический анализ и прогнозирование: учебник. М.: Аспект Пресс.

Соколов М. (2020). Пять вопросов Зеленского // РИА Новости. 20 октября. URL: <https://ria.ru/20201020/zelenskiy-1580525332.html> (дата обращения: 19.01.2021).

Сторонники Ющенко устанавливают палатки на Крещатике (2004) // Ведомости. 22 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/library/news/2004/11/22/storonniki-yuschenko-ustanavlivayut-palatki-na-kreschatike> (дата обращения: 19.01.2021).

Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Цепцов В.А. (2000). Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб.

Холоденко О. Дмитрий Гордон: «Я люблю выполнять законы. Когда ты выполняешь законы, ты неуязвим» (2017) // Детектор медиа. 1 ноября. URL: <https://detector.media/community/article/131482/2017-11-01-dmytryy-gordon-ya-lyublyu-vypolnyat-zakony-kogda-ty-vypolnyaesh-zakony-ty-neuzyavym/> (дата обращения: 19.01.2021).

Пегушева Александра

Парижские соглашения как игра «перетягивание каната» в политической жизни США

Пегушева Александра – студентка 4-го курса направления «Политология» факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
pegushevaal@gmail.com

Для цитирования:
Пегушева А. Парижские соглашения как игра «перетягивание каната» в политической жизни США // Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.7

Аннотация

В данном исследовании дан анализ работы администраций двух президентов Соединенных Штатов – Барака Обамы и Дональда Трампа – над Парижскими соглашениями. С помощью теории двухуровневой игры Роберта Патнэма в работе проводится анализ того, каким образом складывались выигрышные коалиции на национальном и международном уровнях и какую роль играл в обоих случаях главный переговорщик. Оба случая имеют отличительные черты. У Обамы была слабая коалиция на национальном уровне. Тем не менее его личная заинтересованность и заинтересовать мирового сообщества в том, чтобы США подписали соглашения, позволили не только добиться выгодных условий по соглашениям, но и ратифицировать их на национальном уровне без одобрения Конгресса. У Трампа также имелась личная заинтересованность в выходе из Парижских соглашений, но была и прочная выигрышная коалиция на национальном уровне, которая во многом и вынудила его объявить о выходе.

Ключевые слова: Парижские соглашения, двухуровневая игра, Роберт Патнэм, США, Барак Обама, Дональд Трамп.

Введение

Изменение климата, в целом и Парижские соглашения в частности являются темой споров в политической жизни Соединенных Штатов. Это подтверждает и то, что в 2015 г. Барак Обама, президент от Демократической партии, подписал данные соглашения¹. Это было одно из главных достижений его президентского срока. В то же время в 2017 г. Дональд Трамп, президент от Республиканской партии, объявил о выходе США из Парижских соглашений², а уже в первый день своего президентского срока Джон Байден, который был вице-президентом при Обаме, подписал указ о возвращении в них³. Более того, он пригласил в свою администрацию Джона Керри в качестве специального представителя президента по вопросам климата⁴, который сыграл одну из ключевых ролей в подписании соглашений при Обаме.

Данное исследование будет сконцентрировано на том, как шла работа над подписанием Парижских соглашений в 2015 г. при Обаме, и на причинах, почему Трамп объявил о выходе в 2017 г. Если говорить в целом, то внешняя политика двух администраций значительно отличается друг от друга. Во внешней политике Обамы в числе многих других достижений можно назвать подписание важных международных договоров: в 2015 г. соглашения по иранской ядерной программе, создание Тихоокеанского партнерства, подписание Парижских соглашений⁵. В то же время определяющей чертой политики Трампа стали выходы из множества международных соглашений, которые были в том числе подписаны и во время президентства Обамы⁶.

Исследовательский вопрос данной работы звучит так: *какие группы интересов и влияния принимали участие в работе над подписанием Парижских*

¹ Обама: соглашение по климату достигнуто благодаря «лидерству» США // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20151212/1341044432.html> (дата обращения: 23.01.2021).

² Trump Serves Notice to Quit Paris Climate Agreement // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/04/climate/trump-paris-agreement-climate.html?searchResultPosition=16> (дата обращения: 25.10.2020).

³ Байден подписал указ о возвращении США в Парижское соглашение по климату // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/746111> (дата обращения: 23.01.2021).

⁴ Biden prioritizes climate crisis by naming John Kerry special envoy // Edition.cnn.com. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/23/politics/john-kerry-biden-climate-envoy/index.html> (дата обращения: 30.03.2021).

⁵ Внешняя политика Барака Обамы: провал или прорыв? Чем запомнится 44-й президент США // Meduza.io. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/30/vneshnyaya-politika-baraka-obamy-proval-ili-proryv> (дата обращения: 26.10.2020).

⁶ The Wreckage of Obama's Legacy // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-wreckage-of-obamas-legacy.html?searchResultPosition=28> (дата обращения: 25.10.2020).

соглашений в 2015 г. при Обаме и в принятии решения о выходе из них в 2017 г. при Трампе? Для ответа на исследовательский вопрос автор будет использовать теорию двухуровневой игры анализа внешней политики Роберта Патнэма.

Данная работа построена следующим образом: в первой части дан краткий обзор теоретической рамки и важных для анализа концепций. Вторая часть посвящена анализу процесса переговоров Обамы по Парижским соглашениям, тогда как третья часть – процессу выхода из них Трампа. В финальной части даются как общий анализ политики двух администраций, так и выводы исследования.

Теоретическая рамка: двухуровневая игра

Роберт Патнэм выделяет два уровня ведения переговоров во внешней политике: национальный и международный. Главный переговорщик (*chief negotiator*) действует на обоих уровнях. На национальном уровне он находится под давлением парламента, партий, различных групп интересов и групп влияния, чьи требования ему надо удовлетворить. «На международном уровне он сидит за одним столом с представителями других стран, дипломатами и т. д., которые также имеют свои интересы и интересы акторов их национальных уровней» [Putnam 1988: 434].

Тем самым весь процесс можно разделить на две стадии: 1) проведение переговоров между переговорщиками и достижение соглашения (I уровень, международный); 2) переговоры с акторами внутри государства о ратификации соглашения (II уровень, национальный) [там же: 436]. Этот процесс сложный и долгий, который должен в конечном итоге привести к тому, чтобы соглашение, достигнутое на I уровне, было ратифицировано на II уровне. Это создает связь между уровнями [там же: 436].

Чтобы соглашение было ратифицировано на национальном уровне, акторам в данной ситуации надо прийти к определенной выигрышной коалиции (*win-set*), которая бы также победила и на международном уровне [там же: 436]. При этом, чем шире выигрышная коалиция, тем вероятнее достижение соглашения на международном уровне [там же: 437]. Достигнутый (*relative*) размер соответствующих выигрышных коалиций национального уровня влияет на распределение общей выгоды от международных переговоров [там же: 440].

Размер выигрышных коалиций зависит от трех факторов: 1) от набора игроков на II уровне и их предпочтений; 2) от политических институтов на II уровне; 3) от стратегий, которые используются во время переговоров на I уровне [там же: 442–450].

Главный переговорщик также обладает своими мотивами и интересами. Он может: 1) стремиться повысить свой статус на национальном уровне; 2) с помощью международного уровня реализовывать непопулярные решения на национальном уровне; 3) может реализовать собственную концепцию национальных интересов в международном контексте [там же: 442–450].

При подведении итога при анализе внешней политики с помощью данной теории необходимо проследить причинно-следственные связи влияния двух уровней друг на друга, а также понять роль главного переговорщика в данной конкретной ситуации. При этом процессы на обоих уровнях нужно анализировать одновременно.

Как Обама подписывал Парижские соглашения

Когда Обама в 2009 г. занял пост президента Соединенных Штатов, он объявил одной из своих главных целей возвращение лидерства США в решении климатических вопросов [Parker, Karlsson 2018: 5]. При этом процесс переговоров по новым соглашениям, которые бы заменили Киотский протокол 1997 г., шел уже несколько лет и был затруднен тем, что развивающиеся страны (в особенности Китай и Индия как одни из лидеров по выбросам CO₂ в мире) отказывались принять на себя ответственность наравне с развитыми странами.

Цель Обамы заключалась в том, чтобы Китай (который занимает первое место в мире по выбросам CO₂) согласился принять на себя полную ответственность по новым соглашениям в вопросах изменения климата. Переговоры с Китаем начались с 2009 г., при этом подробные данные о самом процессе отсутствуют в открытом доступе. Известно, что президент привлек к ним специалистов из своей администрации, которые занимаются вопросами изменения климата: министра энергетики Стивена Чу, директора управления Белого дома по энергетике и климатическим изменениям Кэрл Браунер (которую называли “climate czar”, поскольку она имела большое влияние на президента и от нее во многом зависела «зеленая» экономика страны⁷), главу Агентства по охране окружающей среды Лизу Джексон, специального уполномоченного по вопросам изменения климата Тодда Стерна⁸.

⁷ Embattled Van Jones Quits, but ‘Czar’ Debates Rage On // Nytimes.com. URL: <https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/gwire/2009/09/08/08greenwire-embattled-van-jones-quits-but-czar-debates-rage-9373.html> (дата обращения: 26.10.2020).

⁸ U.S.-China Strategic and Economic Dialogue 2011 Outcomes of the Strategic Track // 2009-2017.state.gov. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/05/162967.htm> (дата обращения: 26.10.2020).

Итогом стала совместная резолюция США и Китая в сентябре 2015 г. о сотрудничестве в работе над Парижскими соглашениями. Обе страны выразили готовность работать сообща по вопросам изменения климата [там же: 8].

При этом добиться соглашения с Китаем было особенно важно для Обамы еще потому, что в обеих палатах Конгресса большинство мест было у Республиканской партии, которая находится в тесном сотрудничестве с представителями различных энергетических компаний, а также по своим взглядам больше относится к скептикам в климатическом вопросе [Unger 2016: 13]. Более того, еще в июле 1997 г. перед переговорами по Киотскому протоколу Сенат США единогласно принял резолюцию Берда-Хагеля, которая запрещала ратификацию любых соглашений по климатическому вопросу, если развивающиеся страны не возьмут на себя такие же обязанности в борьбе с изменениями в окружающей среде наравне с США или если эти соглашения нанесут вред экономике страны [Eckersley 2020: 18].

Уже в процессе переговоров по ключевым пунктам Парижских соглашений администрация Обамы столкнулась с новыми проблемами. США пытались добиться отсутствия строгих формулировок в соглашении [Dimitrov 2016: 3]. Они настаивали на том, чтобы каждая страна сама определяла свой вклад в борьбе с климатическим кризисом, исходя из своих национальных особенностей и экономических возможностей [Eckersley 2020: 12]. Китаю, в свою очередь, удалось настоять на сохранении различия вклада развитых и развивающихся стран [там же: 13], а вместе с США они настаивали на нестрогих формулировках соглашения и на уважении суверенитета стран [там же: 13]. Так, Тодд Стерн утверждал: США убеждены в том, что существует несколько стран, которые склонны поставить себе более низкие цели [по уменьшению выбросов CO₂], чем они на это способны (*legally binding nature*) [Clemencon 2016: 6]. Более того, чтобы убедить развивающиеся страны остаться причастными к соглашениям, Билл Гейтс присоединился к администрации Обамы для создания крупнейшей неправительственной коалиции для развития возобновляемых источников энергии [там же: 7], а Джон Керри, в то время государственный секретарь США, согласно источникам, лично звонил многим лидерам развивающихся стран⁹.

В ноябре 2015 г. сенатор Джеймс Инхоф (республиканец, глава комитета по окружающей среде в верхней палате Конгресса и скептик в климатических вопросах) отправил президенту письмо, подписанное еще 35 сенаторами,

⁹ How US negotiators ensured landmark Paris climate deal was Republican-proof // Theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/13/climate-change-paris-deal-cop21-obama-administration-congress-republicans-environment> (дата обращения: 22.01.2021).

с обещанием заблокировать ратификацию Парижских соглашений¹⁰. При этом в США существует несколько возможностей ратификации международных соглашений. Одна из них, согласно Конституции, это ратификация Конгрессом договоров (*treaties*). Зная, что Конгресс, в обеих палатах которого большинство мест было у Республиканской партии, откажет в ратификации, администрация объявила, что Парижские соглашения – это президентские соглашения [Mulligan 2018: 17]. Так, во время переговоров Джон Керри говорил, что новый инструмент по решению климатических вопросов точно не должен быть договором (*treaty*) [Kienast 2015: 318].

Как Трамп выходил из Парижских соглашений

Одним из обещаний Трампа во время предвыборной кампании был выход США из Парижских соглашений, о чем он и объявил 1 июля 2017 г.¹¹

В мае 2017 г. 22 сенатора-республиканца, в том числе лидер республиканского большинства в Сенате Митч МакКоннелл, направили письмо президенту с требованием выполнить его предвыборное обещание¹². Большинство сенаторов, подписавших письмо, были из штатов, для которых важно, чтобы экономика не становилась более устойчивой (*sustainable*). Также стало известно, что они получали деньги от энергетических предприятий на свои предвыборные кампании¹³. С другой стороны, Трампу было также направлено письмо, которое подписали сорок демократов с просьбой остаться в Парижских соглашениях. С таким же заявлением выступили представители многих крупных компаний, таких как Apple, Google и т. д.¹⁴

¹⁰ Obama's Legacy at Stake in Paris Talks on Climate Accord // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2015/11/29/us/politics/obama-takes-second-term-resolve-on-climate-to-paris.html?searchResultPosition=7> (дата обращения: 26.10.2020).

¹¹ Trump Serves Notice to Quit Paris Climate Agreement // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/04/climate/trump-paris-agreement-climate.html?searchResultPosition=16> (дата обращения: 25.10.2020).

¹² 22 GOP Senators Want US to Pull Out of Paris Climate Accord // Nytimes.com. URL: <https://web.archive.org/web/20170603183319/https://www.nytimes.com/aponline/2017/05/25/us/politics/ap-us-united-states-climate-change.html> (дата обращения: 25.10.2020).

¹³ The Republicans who urged Trump to pull out of Paris deal are big oil darlings // Theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jun/01/republican-senators-paris-climate-deal-energy-donations> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁴ 22 GOP Senators Want US to Pull Out of Paris Climate Accord // Nytimes.com. URL: <https://web.archive.org/web/20170603183319/https://www.nytimes.com/aponline/2017/05/25/us/politics/ap-us-united-states-climate-change.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Администрация президента также раскололась по поводу вопроса о выходе из Парижских соглашений. Поддержали президента его главный советник Стивен К. Бэннон и глава Агентства по охране окружающей среды Скотт ПрUIT, который известен отрицанием научных исследований о климатическом кризисе¹⁵.

Против выхода из Парижских соглашений выступали дочь Трампа, Иванка Трамп, государственный секретарь Рекс Тиллерсон, министр энергетики Рик Перри, экономический советник Гэри Кон и старший советник, зять президента, Джаред Кушер¹⁶. Примечательно, что среди тех, кто был против выхода из Парижских соглашений, сохранили должности только Иванка Трамп и Джаред Кушер. Рекс Тиллерсон был уволен по утрате доверия в марте 2018 г., а Рик Перри и Гэри Кон официально ушли по собственному желанию¹⁷.

При этом многие отмечали, что поскольку формулировка Парижских соглашений позволяет странам самим определять нормы, которых они будут придерживаться в уменьшении выбросов CO₂, и что сами соглашения не предполагают санкций за несоответствие поставленным нормам, то выход является совсем не обязательной процедурой. Воспользовавшись достижением прошлой администрации, которая и настояла на таком формате соглашений, Трамп мог бы изменить норму для США. Теперь же выход из Парижских соглашений грозил серьезными дипломатическими последствиями для страны¹⁸. При этом также отмечают, что выход из соглашений имел для президента в первую очередь геополитическое значение, а вопросы изменения климата для него были второстепенными [Jotzo et al. 2018: 814].

Выход из соглашений расколол американское общество. Многие компании объявили о переходе к более устойчивому производству¹⁹. Помимо тех, кто изначально выступал за выход, решение было поддержано вице-президентом Майком Пенсом и многими представителями республиканской

¹⁵ Top Trump Advisers Are Split on Paris Agreement on Climate Change // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/02/us/politics/climate-change-trump.html?searchResultPosition=18> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁶ Trump vs. renewable energy: It's not as bad as it looks // Axios.com. URL: <https://www.axios.com/newsletters/axios-generate-320f26ea-9147-499d-8d6b-f48a70475741.html> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁷ Turnover On The President's 'A Team' // Brookings.edu. URL: <https://www.brookings.edu/research/tracking-turnover-in-the-trump-administration/> (дата обращения: 24.10.2020).

¹⁸ Top Trump Advisers Are Split on Paris Agreement on Climate Change // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/02/us/politics/climate-change-trump.html?searchResultPosition=18> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁹ Quitting Paris could have muted effect in U.S. industry // Detroitnews.com. URL: <https://www.detroitnews.com/story/business/2017/06/02/us-paris-accord-companies/102435244/> (дата обращения: 24.10.2020).

партии²⁰. Угольное лобби (Американская коалиция за чистое угольное электричество) поддержало решение президента, подчеркнув, что следование Парижским соглашениям привело бы к еще большему регулированию экономики и высоким ценам на энергию²¹.

С призывом поддержать соглашения выступили губернаторы штатов Нью-Йорк, Калифорния, Вашингтон. Впоследствии многие штаты объявили о создании Климатического Альянса Соединенных Штатов, который будет поддерживать Парижские соглашения, несмотря на выход Трампа из них²².

Заключение

В данной работе с помощью двухуровневой игры была проанализирована внешняя политика двух президентов Соединенных Штатов – Барака Обамы и Дональда Трампа – на примере их работы над Парижскими соглашениями.

В первом случае, проводя анализ процесса переговоров и подписания Парижских соглашений во время президентства Обамы, можно сделать несколько выводов. Во-первых, на обоих уровнях администрация президента одновременно столкнулась с несколькими трудностями. На II уровне они оказались в ситуации, когда Конгресс, полностью контролируемый Республиканской партией, а также сильное энергетическое лобби боролись против любых «зеленых» инициатив президента. Так, например, к 2012 г. Конгресс блокировал половину законопроектов, касавшихся борьбы с изменением климата [Kienast 2015: 317], а в 2016 г. Верховный суд временно приостановил важную часть политики администрации Обамы по борьбе с климатическим кризисом – регулирование выбросов CO₂ с производств. И хоть Парижские соглашения получили широкую поддержку среди крупных американских компаний и демократических штатов, тем не менее на II уровне Обаме не удалось создать прочной выигрышной коалиции.

На I уровне администрация президента пыталась добиться наиболее гибких формулировок в соглашении, преследуя в этом две цели одновременно: с одной стороны, попытаться ратифицировать соглашения в Конгрессе, с другой – вернуть США лидерство в решении климатических вопросов. Для

²⁰ Vice President Mike Pence says climate change is just an issue for the left // Independent.co.uk. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/mike-pence-climate-change-us-vice-president-paris-agreement-issue-left-some-reason-donald-trump-a7769081.html> (дата обращения: 24.10.2020).

²¹ As it happened: US quits Paris climate pact // Bbc.com. URL: <https://www.bbc.com/news/live/world-us-canada-40123293> (дата обращения: 24.10.2020).

²² Three US states rebel against Trump's Paris climate agreement withdrawal // Theverge.com. URL: <https://www.theverge.com/2017/6/1/15726974/california-new-york-washington-climate-change-coalition-paris-deal-trump> (дата обращения: 24.10.2020).

этого высокопоставленные представители Белого дома, включая самого Обаму, лично вели переговоры с развивающимися странами. Однако, когда стало понятно, что ратификация Парижских соглашений в Конгрессе невозможна, Белый дом благодаря условным формулировкам, а также тому, что документ носил характер не договора (*treaty*), а соглашения (*agreement*), смог ратифицировать их как президентские соглашения. Более того, по словам представителя Европейского союза, развитые страны были готовы пойти на уступки США из-за обеспокоенности, что, если страна откажется ратифицировать соглашения, они не будут глобальными [Dimitrov 2016: 3].

Таким образом, главный переговорщик – Обама – одновременно пытался и повысить статус США на международном уровне, и продвинуть непопулярные на национальном уровне международные решения.

В случае же Трампа можно сделать вывод, что, хоть он как главный переговорщик и преследовал личные интересы, объявляя о выходе из Парижских соглашений, он находился под давлением Республиканской партии на II уровне. Это заметно также и по внутренней политике президента: Скотт Пруит после своего назначения на должность главы Агента по охране окружающей среды начал сворачивать программу Обамы по регулированию выбросов CO₂ на производствах. Также президент уменьшил влияние самого Агентства (которое при Обаме имело большое влияние и вводило множество «зеленых» инициатив), а Конгресс, контролируемый Республиканской партией, урезал его финансирование [Farber 2018: 101].

Тем самым Трамп, находясь во многом под давлением Республиканской партии и энергетического лобби, сформировал на II уровне широкую и прочную коалицию. Поскольку интересы коалиции заключались в прекращении как международных соглашений по переходу к более устойчивому (*sustainable*) развитию, так и «зеленых» инициатив во внутренней политике, это привело к тому, что на I уровне президент вышел из Парижских соглашений. Также в его администрации были отдельные представители, которые пытались уговорить президента учесть I уровень переговоров, поскольку Парижские соглашения являются важным дипломатическим решением, а выход из них может иметь негативные последствия. Тем не менее прочность выигрышной коалиции на II уровне доказывает и то, что все противники выхода в администрации Дональда Трампа, за исключением членов его семьи, в конечном итоге покинули Белый дом.

Таким образом, в случае президентства Обамы можно проследить следующую модель: сильная заинтересованность администрации и лично самого президента в решении климатического кризиса нашла отражение как и в формировании команды, причастной к проведению «зеленой» политики, так и в настойчивости в вопросе Парижских соглашений. Тем не менее они были

ратифицированы при слабой выигрышной коалиции на II уровне. Модель при Трампе заключается в том, что, имея сильную коалицию внутри страны, президент смог без особых препятствий выйти из соглашений. Однако, продолжая политику Обамы, новый президент США, Джо Байден, сделал одним из главных приоритетов вопрос решения климатического кризиса. Это доказывает как возвращение страны в Парижские соглашения, так и создание новой должности в администрации (специальный представитель президента по вопросам климата), которую занял Джон Керри, активный участник переговоров по Парижским соглашениям при Обаме²³.

Источники

Clemencon R. (2016). The Two Sides of the Paris Climate Agreement: Dismal Failure or Historic Breakthrough? // *Journal of Environment & Development*. Vol. 25. N 1. P. 3–24.

Dimitrov R. (2016). The Paris Agreement on Climate Change: Behind Closed Doors // *Global Environmental Politics*. Vol. 16. N 3. Doi: 10.1162/GLEP_a_00361.

Eckersley R. (2020). Rethinking leadership: understanding the roles of the US and China in the negotiation of the Paris Agreement. *European Journal of International Relations*. June. Doi: 10.1177/1354066120927071.

Farber D. (2018). U.S. Climate Policy: Obama, Trump, and Beyond // *Revista de Estudos Constitucionais, Hermenêutica e Teoria do Direito*. Vol. 10. N 2. P. 96–108.

Jotzo F., Depledge J., Winkler H. (2018). US and international climate policy under President Trump // *Climate Policy*. Vol. 18. N. 7. P. 813–817. Doi: 10.1080/14693062.2018.1490051.

Kienast A. (2015). Consensus Behind Action: The Fate of the Paris Agreement in the United States of America // *Carbon & Climate Law Review*. Vol. 9. N 4. P. 314–327.

Mulligan P. (2018). Stephen. Withdrawal from International Agreements: Legal Framework, the Paris Agreement, and the Iran Nuclear Agreement // *Congressional Research Service*. May. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44761.pdf>.

Parker C., Karlsson C. (2018). The UN climate change negotiations and the role of the United States: assessing American leadership from Copenhagen to Paris // *Environmental Politics*. Doi: 10.1080/09644016.2018.1442388.

²³ Biden prioritizes climate crisis by naming John Kerry special envoy // *Edition.cnn.com*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/23/politics/john-kerry-biden-climate-envoy/index.html> (дата обращения: 30.03.2021).

Putnam R.D. (1988). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. Vol. 42. N 3. P. 427–460. URL: www.jstor.org/stable/2706785.

Unger D. (2016). The Foreign Policy Legacy of Barack Obama // *The International Spectator*.

22 GOP Senators Want US to Pull Out of Paris Climate Accord // *Nytimes.com*. URL: [https:// web.archive.org/web/20170603183319/https://www.nytimes.com/aponline/2017/05/25/us/politics/ap-us-united-states-climate-change.html](https://web.archive.org/web/20170603183319/https://www.nytimes.com/aponline/2017/05/25/us/politics/ap-us-united-states-climate-change.html) (дата обращения: 25.10.2020).

Байден подписал указ о возвращении США в Парижское соглашение по климату // *Интерфакс*. URL: <https://www.interfax.ru/world/746111> (дата обращения: 23.01.2021).

Внешняя политика Барака Обамы: провал или прорыв? Чем запомнится 44-й президент США // *Meduza.io*. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/30/vneshnyaya-politika-baraka-obamy-proval-ili-proryv> (дата обращения: 26.10.2020).

Обама: соглашение по климату достигнуто благодаря «лидерству» США. // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20151212/1341044432.html> (дата обращения: 23.01.2021).

As it happened: US quits Paris climate pact // *Bbc.com*. URL: <https://www.bbc.com/news/live/world-us-canada-40123293> (дата обращения: 24.10.2020).

Biden prioritizes climate crisis by naming John Kerry special envoy // *Edition.cnn.com*. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/23/politics/john-kerry-biden-climate-envoy/index.html> (дата обращения: 30.03.2021).

Embattled Van Jones Quits, but 'Czar' Debates Rage On // *Nytimes.com*. URL: [https:// archive.nytimes.com/www.nytimes.com/gwire/2009/09/08/08greenwire-embattled-van-jones-quits-but-czar-debates-rage-9373.html](https://archive.nytimes.com/www.nytimes.com/gwire/2009/09/08/08greenwire-embattled-van-jones-quits-but-czar-debates-rage-9373.html) (дата обращения: 26.10.2020).

How US negotiators ensured landmark Paris climate deal was Republican-proof // *Theguardian.com*. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2015/dec/13/climate-change-paris-deal-cop21-obama-administration-congress-republicans-environment> (дата обращения: 22.01.2021).

Obama's Legacy at Stake in Paris Talks on Climate Accord // *Nytimes.com*. URL: [https:// www.nytimes.com/2015/11/29/us/politics/obama-takes-second-term-resolve-on-climate-to-paris.html?searchResultPosition=7](https://www.nytimes.com/2015/11/29/us/politics/obama-takes-second-term-resolve-on-climate-to-paris.html?searchResultPosition=7) (дата обращения: 26.10.2020).

Quitting Paris could have muted effect in U.S. industry // Detroitnews.com. URL: <https://www.detroitnews.com/story/business/2017/06/02/us-paris-accord-companies/102435244/> (дата обращения: 24.10.2020).

The Republicans who urged Trump to pull out of Paris deal are big oil darlings // Theguardian.com. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2017/jun/01/republican-senators-paris-climate-deal-energy-donations> (дата обращения: 25.10.2020).

The Wreckage of Obama's Legacy // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/20/opinion/sunday/the-wreckage-of-obamas-legacy.html?searchResultPosition=28> (дата обращения: 25.10.2020).

Three US states rebel against Trump's Paris climate agreement withdrawal // Theverge.com. URL: <https://www.theverge.com/2017/6/1/15726974/california-new-york-washington-climate-change-coalition-paris-deal-trump> (дата обращения: 24.10.2020).

Top Trump Advisers Are Split on Paris Agreement on Climate Change // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2017/03/02/us/politics/climate-change-trump.html?searchResultPosition=18> (дата обращения: 25.10.2020);

Trump Serves Notice to Quit Paris Climate Agreement // Nytimes.com. URL: <https://www.nytimes.com/2019/11/04/climate/trump-paris-agreement-climate.html?searchResultPosition=16> (дата обращения: 25.10.2020).

Trump vs. renewable energy: It's not as bad as it looks // Axios.com. URL: <https://www.axios.com/newsletters/axios-generate-320f26ea-9147-499d-8d6b-f48a70475741.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Turnover On The President's 'A Team' // Brookings.edu. URL: <https://www.brookings.edu/research/tracking-turnover-in-the-trump-administration/> (дата обращения: 24.10.2020).

U.S.-China Strategic and Economic Dialogue 2011 Outcomes of the Strategic Track // 2009-2017.state.gov. URL: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/05/162967.htm> (дата обращения: 26.10.2020).

Vice President Mike Pence says climate change is just an issue for the left // Independent.co.uk. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/us-politics/mike-pence-climate-change-us-vice-president-paris-agreement-issue-left-some-reason-donald-trump-a7769081.html> (дата обращения: 24.10.2020).

Протасова Софья

Исследование методов лоббирования групп интересов в сфере бизнеса в Государственной Думе РФ (на примере бизнес-ассоциации «Деловая Россия»)

Протасова Софья –

студентка 4-го курса факультета политологии СПбГУ.

Для связи с автором:
sofi.protasova@yandex.ru

Для цитирования:

Протасова С. Исследование методов лоббирования групп интересов в сфере бизнеса в Государственной Думе РФ (на примере бизнес-ассоциации «Деловая Россия») // *Generation PP* – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.8

Аннотация

На сегодняшний день лоббистская деятельность в РФ активно осуществляется группами интересов в сфере российского бизнеса. Обладая серьезным ресурсным потенциалом, бизнес формирует группы интересов для дальнейшего влияния на политический процесс на всех уровнях государственной власти для того, чтобы требования бизнеса находили свое отражение в принимаемых политических решениях.

Наиболее влиятельными группами интересов в сфере российского бизнеса являются бизнес-ассоциации, благодаря деятельности которых крупный, средний и малый бизнес стал обладать возможностью отстаивать свои права и быть законодательно защищенным. Бизнес-ассоциации

располагают широким спектром методов, которые применяются для продвижения и отстаивания интересов предпринимательского сообщества в органах госвласти.

Ключевым объектом лоббирования бизнес-ассоциаций является Государственная Дума РФ. Это обусловлено тем, что агрегация и артикуляция интересов бизнес-сообщества осуществляется в большей мере посредством законодательных механизмов: внесением поправок к законопроектам, принятием новых законопроектов, утверждением бюджетов и др.

Таким образом, в настоящей работе были проанализированы методы лоббизма, которые использует бизнес-ассоциация «Деловая Россия» для продвижения и отстаивания интересов предпринимательского сообщества в Государственной Думе РФ.

Ключевые слова: лоббизм, методы лоббирования, группа интересов, бизнес-ассоциация, Государственная Дума РФ.

Теоретико-методологические подходы к анализу лоббизма

Лоббизм – явление многогранное и свойственное всякой политической системе независимо от уровня демократизации. Существует множество подходов, призванных объяснить устройство властных отношений и работу механизмов влияния на них.

Важной группой концепций является **элитистская**. Элитистский подход отводит ключевое место в лоббизме элитным группам, включенным в процесс управления и имеющим в своем распоряжении необходимые ресурсы. В случае демократии важной ее чертой выступает конкуренция политических элит, являющаяся основой лоббизма.

Проблему элитного взаимодействия и лоббизма также рассматривают с помощью **структурно-функционального (институционального) подхода**: лоббизм здесь – институт политической системы, обеспечивающий взаимодействие субъектов политики для поддержания равновесия в обществе. Р. Миллс, Р. Даль, Д. Рисмен и другие исследователи рассматривают лоббизм с учетом институциональных и ролевых ограничений представителей политических элит и структуры последних. Таким образом, согласно данному взгляду, сам процесс принятия решений весьма сложен и затрагивает интересы множества групп.

С данным подходом созвучно видение известного теоретика **плюралистического подхода** – Р. Даля, который признавал воздействие на принятие решений не только официальных лиц и полагал, что плюрализм – это тип представительства интересов, при котором группы давления организуются по мере необходимости. При этом они многочисленны и конкурируют между собой, ни одна из них не имеет монополии на представительство интересов и на оказание влияния на государство.

Недостаток институционального анализа заключается в том, что он уделяет слишком много внимания формальным правилам и процедурам принятия решений, но упускает из виду неформальную сферу лоббизма. Это упущение учитывает **неоинституциональный подход**, представителями которого являются Д. Норт и Д. Найт. Такой подход показывает основных участников лоббистской деятельности как рациональных акторов, преследующих частные интересы и заинтересованных в уменьшении неопределенности. Для этого они создают институты и устанавливают правила игры.

Согласно широко распространенной **плюралистической концепции власти и управления**, демократические общества открыты для борьбы за влияние разных групп интересов. Так называемая **теория заинтересованных групп** в политической науке была сформулирована А. Бентли в работе «Процесс управления». По его мысли, основа политического процесса –

это постоянное соперничество и взаимодействие групп интересов. Результатом этого становится давление на госорганы для достижения их целей. При этом посредничество групп интересов как бы позволяет достигать компромисса и поддерживать согласие в обществе и государстве.

А вот в соответствии с **корпоративистским подходом** социально-политическая организация общественной жизни есть нацеленные на принятие решений отношения между группами интересов и политической системой, реализуемые через структурированное представительство групп интересов. Таких групп здесь немного, и они имеют иерархическую структуру. Государство же играет активную роль во взаимодействии с ними и в оформлении решений.

Однако это приводит к тому, что интересы не всех групп интересов находят свое отражение в принимаемых решениях: лишь наиболее влиятельные группы могут иметь рычаги влияния на принимаемые решения и, следовательно, лоббировать свои интересы.

Список подходов можно продолжать. Например, можно выделить также **инструментальный подход**, рассматривающий лоббизм только как набор методов и технологий влияния на процесс выработки решений, или **процедурный подход**, где лоббизм выступает как элемент системы бюрократических правил и процедур.

Данная статья посвящена анализу лоббизма с точки зрения инструментального подхода – предмет исследования составили методы лоббирования бизнес-ассоциации «Деловая Россия» в Государственной Думе РФ.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что, несмотря на наличие большого объема работ, посвященных лоббизму, в современной отечественной литературе выбранное направление исследования – методы лоббистской деятельности – представлено крайне ограниченно, очевидна недостаточная научная разработанность данной проблематики. Существующая сегодня научная литература по указанной теме датируется 1995–2000 гг. и посвящена исследованию олигархической модели взаимодействия бизнеса и органов госвласти. Не вызывает сомнений тот факт, что данная модель ушла в прошлое, а на ее место пришли новые механизмы лоббирования. Произошла трансформация политической системы РФ, изменились политические реалии и социально-политические отношения, и методы лоббирования, соответственно, приняли иные формы.

Таким образом, вклад данного исследования в научную литературу заключается в поиске и описании основных методов лоббирования групп интересов в сфере бизнеса в Государственной Думе РФ, что позволит выявить наиболее эффективные методы лоббизма в законодательных органах власти, установить характер воздействия политических стейкхолдеров, а также послужит

базой для дальнейших исследований в области анализа различий в лоббировании интересов в разных ветвях власти.

Методические подходы к реализации исследований методов лоббирования

В данной работе будут проанализированы методы лоббирования в Государственной Думе РФ, которые осуществляла одна из главных организаций, являющаяся посредником между бизнесом и государством, – «Деловая Россия».

Выбор Государственной Думы РФ в качестве платформы для анализа методов лоббирования обусловлен тем, что она представляет собой ключевой объект лоббирования. Это связано с тем, что агрегация и артикуляция интересов бизнес-сообщества осуществляется в большей мере посредством законодательных механизмов: внесение поправок к законопроектам, принятие новых законопроектов, утверждение бюджетов и пр.

Как отмечает Е. Махортов, лоббистская деятельность в нижней палате парламента РФ «заключается в целенаправленном воздействии на законодателей и сотрудников аппарата на каждом этапе подготовки законопроекта: от его рассмотрения в профильном комитете до подписания его главой государства» [Махортов 2008: 79]. Поэтому считаем целесообразным рассмотреть Государственную Думу РФ в качестве платформы для применения методов лоббирования в сфере российского бизнеса.

Информационными источниками для анализа являются официальные сайты Государственной Думы РФ и «Деловой России», сеть Интернет и статьи в СМИ. Также ввиду того, что функционирование групп интересов не всегда носит открытый и официальный характер, в работе будут рассмотрены такие источники информации, как заключения экспертов и аналитические работы.

Хронологические рамки исследования – период работы Государственной Думы РФ всех созывов – 1993–2020 гг.

Прежде всего необходимо обратиться к рассмотрению точек доступа для групп интересов в органах законодательной власти. К ним относятся: фракции, комитеты, отдельные депутаты, различные сотрудники аппарата Государственной Думы РФ, комиссии и пр. Из этого можно заключить, что законодательная ветвь власти образует сложную структуру, основная черта которой заключается в отсутствии единого лидера, принимающего политические решения.

Данная особенность процесса прохождения и принятия решений в Государственной Думе РФ предоставляет возможность группам интересов воздействовать сразу на несколько точек доступа, а не ограничиваться одной.

Таким образом, лоббирование в сфере бизнеса в органах законодательной власти происходит в нескольких точках доступа и, соответственно, осуществляется при помощи использования различных методов.

Методы лоббирования бизнес-ассоциации «Деловая Россия» в Государственной Думе РФ

С целью дальнейшего изучения методов лоббизма был проведен на начальном этапе качественный и количественный анализ состава Государственной Думы РФ VII созыва, что позволило выявить депутатов – представителей от «Деловой России». Результаты отражены в табл. 1.

Таблица 1

Члены «Деловой России» – депутаты Государственной Думы РФ¹

№	ФИО ДЕПУТАТА	ПАРТИЙНОСТЬ	КОМИТЕТ ГД	ДОЛЖНОСТЬ В ДР
1	Аскендеров Заур Асеевич	Единая Россия	Член Комитета ГД по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству	Председатель Дагестанского республиканского регионального отделения
2	Веремеенко Сергей Алексеевич	Единая Россия	Член Комитета ГД по транспорту и строительству	Член тверского отделения
3	Зубарев Виктор Владиславович	Единая Россия	Член Комитета ГД по бюджету и налогам	Советник президента «Деловой России» Титова П.Б.
4	Марданшин Рафаэль Мирхатимович	Единая Россия	Заместитель председателя Комитета ГД по государственному строительству и законодательству	Председатель Башкортостанского республиканского регионального отделения
5	Тен Сергей Юрьевич	Единая Россия	Член Счетной комиссии ГД, член Комитета ГД по транспорту и строительству	Председатель Иркутского регионального отделения
6	Юрков Дмитрий Васильевич	Единая Россия	Член Комитета ГД по бюджету и налогам	Председатель Архангельского областного регионального отделения

Из этого следует, что первый метод лоббизма «Деловой России» в Государственной Думе РФ – **наличие встроенных депутатов-бизнесменов**, которые применяют лоббистские методы для влияния на чиновников из разных уровней власти.

¹ Таблица составлена автором по материалам официальных сайтов «Деловой России» и Государственной Думы РФ.

Как можно заметить, между общественной организацией «Деловая Россия» и партией власти «Единая Россия» («ЕР») происходит активное сотрудничество. Важно подчеркнуть тот факт, что между ними ведется постоянный кадровый обмен политической и экономической элитой. Последствием данного взаимообмена своими сотрудниками является формирование встроенных групп интересов от «Деловой России» в органах государственной власти – и в частности, в Государственной Думе РФ.

Достаточно показательным является соглашение о взаимодействии и сотрудничестве, которое заключили между собой политическая партия «ЕР» и объединение предпринимателей «Деловая Россия» 17 октября 2007 г. Данное «электоральное соглашение предполагало реализацию программы совместных действий в период подготовки и проведения кампании по выборам депутатов Госдумы 2007 г. и в течение электорального цикла 2007–2011 годов»². Очевидно, что благодаря подобным двусторонним обязательствам «ЕР» стремится получить поддержку и завоевать доверие предпринимателей крупного и среднего бизнеса, а «Деловая Россия», в свою очередь, получает определенные лоббистские ресурсы.

Остановимся на следующем методе лоббизма – **установление личных контактов с лоббистами-суперпрофессионалами**. В данном случае речь пойдет о председателе Совета основателей «Деловой России» Б.Ю. Титове. Он, занимая высокий пост Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, а также будучи связанным с «Деловой Россией» посредством формальных (председатель Совета основателей, член Президиума Генерального Совета) и неформальных контактов, является важным субъектом лоббизма, содействующим данной бизнес-ассоциации в оказании воздействия на принятие политических решений в РФ. Фактически мы можем говорить о клиентельных отношениях между государственными чиновниками (патрон) и группами интересов в сфере российского бизнеса (клиент), основанных на взаимовыгодном сотрудничестве: для Б.Ю. Титова это является способом «повышения эффективности своей работы через привлечение бизнеса к реализации властных полномочий» [Шевцова 2017], а для «Деловой России» – «механизмом поддержания устойчивых позиций на рынке и повышения предсказуемости среды в условиях высокой степени неопределенности» [там же].

Кроме того, как отмечают политические аналитики, «в самой организации бытует мнение, что без Титова функционирование “Деловой России”

² «Деловая Россия», «Опора России» и «Единая Россия» заключили соглашение о сотрудничестве и взаимодействии // Деловая Россия. URL: <https://deloros.ru/delovaya-rossiya-opora-rossii-i-edinaya-rossiya-zaklyuchili-soglashenie-о-sotrudnichestve-i-vzaimodejstvii.html> (дата обращения: 01.02.2021).

было бы невозможно, так как только он своими связями с высшими эшелонами власти способен решать проблемы бизнеса и обеспечивать работу представительства интересов бизнеса»³.

Таким образом, именно Б.Ю. Титов является тем лоббистом-суперпрофессионалом, который дает возможность «Деловой России» осуществлять лоббистскую деятельность в органах госвласти РФ и вносит значительный вклад в формирование отношений между бизнесом и государством.

Третий метод лоббизма – **распространение и освещение «полезных» статей из СМИ** в комитетах и комиссиях нижней палаты Федерального Собрания РФ.

Большинство организаций крупного бизнеса в РФ владеют контрольными пакетами акций влиятельных и авторитетных отечественных телевизионных каналов и печатных изданий.

При анализе пакета акций «Деловой России» было выявлено, что она взаимодействует с такими СМИ, как «Коммерсантъ», «ВВС», «РИА Новости», «Ведомости», «Известия», «ТАСС» и др., однако пакетом акций ни в одном массмедиа не владеет.

Но вместе с тем у данной бизнес-ассоциации есть свой федеральный журнал «Деловая Россия: промышленность, транспорт, социальная жизнь», который «признан властными структурами Российской Федерации как интегрирующее звено бизнес-сообщества страны»⁴. Как указано на официальном сайте журнала, он сотрудничает со многими федеральными и региональными органами власти, в число которых входит Государственная Дума РФ.

Осуществление данного метода лоббирования происходит следующим способом: в журнале публикуется статья, в которой отражена выгодная для лоббиста («Деловой России») информация. Далее готовый материал распространяется в нижней палате Федерального Собрания РФ (в комитетах, комиссиях, фракциях) и оказывается в руках депутатов, после ознакомления с которым у них формируются соответствующие взгляды на выдвинутые проблемы. Через некоторое время «Деловая Россия» приглашает депутатов из профильных комитетов на конференции, семинары и круглые столы по поднятому вопросу. И в результате, как отмечает Л.Е. Ильичева, «во время хорошо организованных “шоу” можно добиться значительных результатов в решении тех или иных проблем» [Ильичева 2002].

³ «Деловая Россия» в российской системе представительства интересов бизнеса // Политком.ru. URL: <http://politcom.ru/5984.html> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴ Официальный сайт «Деловой России». URL: <https://deloros.ru/yurev-evgenij-leonidovich.html>.

Перейдем к рассмотрению следующего метода лоббизма – **законодательная инициатива**. В качестве примера проанализируем законопроект «Об альтернативных способах привлечения инвестиций», инициируемый и лоббируемый сопредседателем БРО «Деловой России» Р.М. Марданшиным. Данный проект закона регулирует отношения по привлечению инвестиций юрицами или ИП посредством инвестиционных платформ, а также определяет правовые основы деятельности операторов инвестиционных платформ по организации розничного финансирования (краудфандинга).

Общеизвестно, что в настоящее время стремительно развиваются альтернативные финансовые платформы, которые открывают новые возможности для инвесторов, финансистов и предпринимателей.

Ценность данного закона для «Деловой России» заключается в том, что его принятие даст возможность субъектам малого и среднего предпринимательства, в особенности высокотехнологическим компаниям, легально привлекать инвестиции, взаимодействовать в упрощенном порядке с зарубежными партнерами, что выразится в увеличении прибыльности предприятий. При этом ввиду юридической регламентированности данной деятельности, а соответственно, и правовой защищенности, все больше и больше предприятий «Деловой России» будут применять данный способ инвестирования.

Однако наиболее применяемым методом осуществления лоббистской деятельности в Государственной Думе РФ по сравнению с предыдущим является **внесение поправок в законопроекты**.

Рассмотрим поправки, которые были предложены С.Ю. Теном к статье 5 Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике».

Предлагается внести следующие изменения: предоставить возможность бюджетным научным учреждениям без получения согласия собственников их имущества с уведомлением только федерального органа исполнительной власти, осуществляющего деятельность по выработке государственной политики в области научно-технической деятельности, быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности⁵.

Заинтересованность бизнес-ассоциации «Деловая Россия» в принятии обозначенных поправок заключается в том, что одной из уставных задач данного объединения является создание условий для экономического роста

⁵ Федеральный закон о внесении изменений в статью 103 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и статью 5 Федерального закона «О науке и научно-технической политике». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/799046-7> (дата обращения: 01.02.2021).

и предпринимательства в РФ. Принятие предложенных С.Ю. Теном поправок в образовательное законодательство будет способствовать развитию ГЧП, повышению активности инновационной деятельности в субъектах РФ, эффективности участия в ней образовательных организаций и научных учреждений, создаст благоприятные условия для взаимодействия хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств и университетов в работе по практическому применению результатов интеллектуальной деятельности, а также в целом для развития инновационной инфраструктуры.

Прямая выгода для «Деловой России» в принятии данной поправки заключается в том, что предприятия, входящие в нее, смогут наращивать свой экономический рост, улучшать качество продукции, предотвратить спад производства посредством взаимовыгодного использования изобретений, технологий, созданных конкретными учебными организациями.

Шестой метод – **выступление лоббистов в качестве экспертов на заседаниях** нижней палаты Федерального Собрания РФ. Как пример, рассмотрим выступление Елены Бочеровой в качестве эксперта от «Деловой России» на заседании Комитета Государственной Думы РФ по бюджету и налогам 7 ноября 2016 г. В ходе встречи руководитель исполкома «Деловой России» озвучила предложения организации по вопросу утверждения проекта Федерального закона № 15455-7 «О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов».

Кроме того, было выражено несогласие с некоторыми пунктами обсуждаемого бюджета. Она отметила, что, несмотря на то что бюджет соответствует экономическому положению страны, в нем не указано, благодаря каким мерам планируется повысить темпы роста экономики в 2017–2019 гг. Напротив, по многим пунктам разработанного бюджета предполагалось снижение поддержки бизнес-сообщества, функционирование которого и приводит к экономическому росту.

В частности, Бочеровой была озвучена следующая позиция «Деловой России»: «Мы считаем, что нельзя снижать уровень финансирования Фонда развития промышленности, а проект предполагает его сокращение в 2017 году на 4 млрд руб., сокращение планируется и дальше. Хотя все современные промышленные компании “Деловой России” подавали заявки в ФРП как в наиболее реальный и эффективный институт развития для промышленности»⁶.

⁶ Елена Бочерова представила в Госдуме позицию «Деловой России» по проекту федерального бюджета // Деловая Россия. URL: <https://deloros.ru/elena-bocherova-predstavila-v-gosdume-poziciyu-delovoj-rossii-po-proektu-federalnogo-byudzhetu.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Таким образом, выступление в качестве экспертов на заседаниях Государственной Думы РФ представляет собой эффективный метод лоббистского воздействия, так как в ходе официальных слушаний бизнес-ассоциации могут озвучить свои предложения тем лицам, от которых зависит решение обсуждаемого вопроса.

Предоставление экспертной оценки также может быть дополнено таким методом осуществления воздействия, как **организация и проведение круглых столов, конференций и встреч** с участием бизнесменов и представителей власти.

Данный метод можно рассмотреть на примере встречи московского регионального отделения «Деловой России» с депутатом Государственной Думы РФ Рифатом Шайхутдиновым, проходившей 9 августа 2019 г. в формате делового завтрака «Открытый диалог».

В ходе встречи депутатом были обозначены основные мероприятия по поддержке среднего и малого бизнеса, которые реализует Государственная Дума РФ.

Далее, после выступления Шайхутдинова, предпринимателями «Деловой России» были названы волнующие их проблемы, которые препятствуют развитию благоприятной экономической среды и осуществлению эффективной предпринимательской деятельности в РФ. Также они «озвучили предложения по их решению для дальнейшей работы с Экспертным советом Госдумы по малому и среднему предпринимательству и самозанятости, главой которого является Рифат Шайхутдинов»⁷.

Кроме того, на встрече были подняты вопросы, актуальные для всего российского бизнеса, среди которых: правовое регулирование экономической деятельности самозанятых и несовершеннолетних граждан, кредитование малого и среднего бизнеса, проблемы популяризации предпринимательства и пр. «По каждой проблеме было выработано решение по дальнейшей ее отработке в рамках рабочих групп Госдумы РФ и деятельности Экспертного совета Госдумы по малому и среднему предпринимательству и самозанятости, функционирующего под руководством Рифата Шайхутдинова»⁸.

Итак, можно сделать вывод, что благодаря применению данного метода лоббизма бизнес-организации осуществляют процесс информационно-го воздействия на депутатов Государственной Думы РФ, а также укрепляют

⁷ В московской «Деловой России» прошла встреча депутата Госдумы с предпринимательским сообществом // Деловая Россия. URL: https://deloros-msk.ru/news/v-moskovskoy-delovoy-rossii-proshla-vstrecha-deputata-gosdumy-s-predprinimatelskim-soobshchestvom/?sphrase_id=4007739 (дата обращения: 01.02.2021).

⁸ Там же.

и увеличивают количество личных контактов с представителями органов государственной власти.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что осуществление лоббистской деятельности групп интересов российского бизнеса является важным элементом функционирования политической системы современной РФ.

Наиболее влиятельными группами интересов в сфере российского бизнеса являются бизнес-ассоциации. Сегодня они представляют собой практически единственные инструменты, дающие наибольший эффект во влиянии предпринимательского сообщества на экономическую политику государства. Они отстаивают права бизнесменов и предпринимателей, борются против коррупции, выступают за развитие свободной конкуренции и способствуют успешному развитию бизнеса.

Методы лоббирования бизнес-ассоциации «Деловая Россия» в Государственной Думе РФ связаны непосредственно с законотворческим процессом. Большинство принимаемых законопроектов создает условия для реализации интересов конкретных бизнес-структур. Лоббистское воздействие в связи с этим ориентировано на целенаправленное влияние на депутатов нижней палаты Федерального Собрания РФ на каждой стадии принятия законопроекта – от его рассмотрения в профильном комитете Государственной Думы РФ до подписания главой государства.

Источники

В московской «Деловой России» прошла встреча депутата Госдумы с предпринимательским сообществом // Деловая Россия. URL: https://deloros-msk.ru/news/v-moskovskoy-delovoy-rossii-proshla-vstrecha-deputata-gosdumy-s-predprinimatelskim-soobshchestvom/?sphrase_id=4007739 (дата обращения: 01.02.2021).

«Деловая Россия» в российской системе представительства интересов бизнеса // Политком.ru. URL: <http://politcom.ru/5984.html> (дата обращения: 01.02.2021).

«Деловая Россия», «Опора России» и «Единая Россия» заключили соглашение о сотрудничестве и взаимодействии // Деловая Россия. URL: <https://deloros.ru/delovaya-rossiya-opora-rossii-i-edinaya-rossiya-zaklyuchili-soglasenie-o-sotrudnichestve-i-vzaimodejstvii.html> (дата обращения: 01.02.2021).

Елена Бочерова представила в Госдуме позицию «Деловой России» по проекту федерального бюджета // Деловая Россия. URL: <https://deloros.ru/>

elena-bocherova-predstavila-v-gosdume-poziciyu-delovoj-rossii-po-proektu-federalnogo-byudzheta.html (дата обращения: 01.02.2021).

Ильичева Л.Е. (2002). Лоббизм в структурах законодательной и исполнительной власти // Государственная служба. № 2 (16).

Махортов Е. (2008). Косвенный лоббизм и особенности его использования в органах судебной власти РФ. Лоббист. № 4.

Официальный сайт «Деловой России». URL: <https://deloros.ru/>.

Федеральный закон о внесении изменений в статью 103 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и статью 5 Федерального закона «О науке и научно-технической политике». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/799046-7> (дата обращения: 01.02.2021).

Шевцова И.К. (2017). «Мы поможем – власть нам поможет»: патрон-клиентские отношения и контроль частных предприятий // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 1.

Рахман Хашими Матиар, Шарагина Арина

Характеристика основных понятий политической философии в российском идеологическом дискурсе на примере выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» в 2014 г.

Рахман Хашими Матиар – студент 4-го курса факультета политологии СПбГУ.

Для связи с автором:
st062026@student.spbu.ru

Шарагина Арина – студентка 4-го курса факультета политологии СПбГУ.

Для связи с автором:
st063717@student.spbu.ru

Для цитирования:

Рахман Х.М., Шарагина А. Характеристика основных понятий политической философии в российском идеологическом дискурсе на примере выступления Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» в 2014 г. // *Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.9*

Аннотация

Настоящая статья является логическим продолжением предыдущей работы авторов, направленной на политико-философский анализ основных категорий Мюнхенской речи Владимира Путина 2007 г. Объектом анализа настоящей статьи является Валдайская речь 2014 г. В работе представлен сравнительный анализ значений, в которых использовались одни и те же категории, в двух ключевых выступлениях Путина. Также для анализа категорий применяется метод когнитивного картирования, позволивший авторам выявить основные логические элементы текста выступления в рамках клуба «Валдай», их взаимосвязь и внутренние противоречия. Политико-философский анализ этих противоречий (антиномий) также представлен в настоящей работе.

Ключевые слова: Валдайская речь, Мюнхенская речь, международные организации, политико-философские категории, антиномии, международное право.

Введение

В предыдущей работе [Рахман Хашими, Шарагина 2020] авторами была сделана попытка проанализировать речь Владимира Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. Для проведения анализа в упомянутом исследовании авторами были выбраны некоторые из категорий политической философии, упоминаемые президентом России в Мюнхенской речи, а также сформулированы определения этих категорий, следующие из контекста речи Владимира Путина. Было проведено сравнение этих определений с классическими политико-философскими определениями. В рамках проведенного сравнения центральное место занимали такие категории, как «сила», «власть», «безопасность», «свобода», взаимоотношения международного сообщества и отдельных государств, «демократия», а также общее для всей речи противопоставление «мы – они» (согласующееся с концепцией «друг – враг» К. Шмитта).

Закономерным образом объектом новой статьи стала Валдайская речь Владимира Путина 2014 г. [Заседание... 24.10.2014], которая, с одной стороны, ознаменовала новую эпоху в российской внешней политике, а с другой – самим ее автором признавалась как сравнимая по значению и по смыслу с речью в Мюнхене [Путин согласился... 24.10.2014].

В настоящей статье для проведения анализа категорий, используемых Путиным, был применен метод *жесткого* когнитивного картирования [Попова 2011]. Авторы графически в виде блок-схемы изобразили основные смысловые категории речи, их связи, а также обозначили характер этих связей (+ (зеленым цветом) или – (красным цветом)). Затем по количеству связей были определены и проранжированы наиболее важные элементы получившейся схемы таким образом, чтобы ключевые категории (с наибольшим количеством связей) располагались выше менее значимых категорий. В результате картирования авторам удалось выявить несколько внутренних логических противоречий Валдайской речи Путина. Эти противоречия, или *антиномии*, были проанализированы в рамках настоящей статьи. Также в статье приводится сравнение значений, в которых Путин упоминает одни и те же категории в 2007 и 2014 гг., что позволяет определить идеологические сдвиги, произошедшие между двумя ключевыми заявлениями президента РФ о характере и положении международных отношений.

Комментарий к когнитивному картированию

В ходе проведения когнитивного картирования авторам удалось выявить 42 основные категории, которыми оперирует Путин в рамках выступления на Валдайском форуме. Результаты картирования представлены в Приложении. Из итоговой блок-схемы видно, что основными категориями речи

выступают «Доминирование на международной арене» (19 связей), «Россия» (18), «Международные институты» (17), «Глобальный хаос» (12), «Локальные конфликты» (11), «США» (11), «Глобализация» (10) и «Экономическое лидерство» (8).

При этом все указанные термины сложно, иногда даже противоречиво связаны друг с другом. Несмотря на то что, исходя из количества логических связей с другими блоками, становится очевидно, что «Доминирование на международной арене» – центральная категория рассуждений Владимира Путина, в речи она жестко критикуется, ей придается негативный, разрушительный характер во взаимоотношениях с другими, одобряемыми категориями: например, с демократией и международными институтами. Более того, Путин устанавливает прочные связи между доминированием на международной арене, с одной стороны, и пропагандой и терроризмом – с другой. Политика страны, обладателя позиции «доминирующего», – США, жестко критикуется, однако справедливо будет заметить, что на ее месте критиковалось бы любое государство, сконцентрировавшее в своих руках такие объемы политических, экономических и культурных ресурсов.

Для легитимации власти доминирующего посредством этих ресурсов конструируется искусственная, не существующая в реальности, по мнению Путина, модель квазидвуполярного мира. Эта модель требует создания образа силы или государства, выступающего врагом цивилизованного (западного) мира. Сегодня таким статусом врага могут наделяться Китай как экономический соперник США, Иран как страна, стремящаяся к разработке ядерного оружия, и Россия как ядерная держава.

Сам же Путин в качестве образа таких врагов использует международный терроризм и локальные конфликты, подрывающие национальный суверенитет как стран Запада, так и стран третьего мира, на чьих территориях такие конфликты происходят.

Обратим внимание, что, исходя из речи Путина, однополярный мир не является миром безопасным, предсказуемым, рациональным или комфортным для существования.

Наличие страны-доминанты также подрывает репутацию международных институтов. Сокращаются возможности для выработки решений с учетом всех стран, участниц конкретных международных процессов, сложнее находить компромиссы, ненасильственные выходы из ситуаций.

Критикуемому квазиоднополярному порядку с единственной доминирующей страной противопоставляется полицентричный мир со множеством центров принятия решений как на региональных, так и на общемировом уровнях. Но и такая система международных отношений не делает сосуществование государств более безопасным и регулируемым. Обозначается угроза

возникновения хаоса и «игры без правил», в которой не остается места для справедливости.

Ключом к разрешению этой проблемы Путин называет кооперацию. В качестве примера данного взаимоуважительного сотрудничества называется ЕАЭС; авторы полагают, что в один ряд с этой организацией можно поставить ШОС и БРИКС – ключевые экономико-политические организации с активным присутствием России. Тем не менее остальные критерии построения желательной или же идеальной системы международных отношений не называются. В определенной степени кооперацию можно назвать единственным элементом позитивной повестки этой речи.

Отдельного внимания заслуживает связь экономического и политического в речи Путина. В самом начале своего выступления Президент РФ заявляет, что «мировая политика – это прежде всего экономическое лидерство...». При этом в речи также несколько раз повторяется тезис о недопустимости принятия политически мотивированных экономических решений (санкций). Экономическая деятельность должна оставаться свободной и строиться исключительно вокруг категорий целесообразности. Авторы предполагают, что, по мнению Путина, именно экономическая ориентированность ЕАЭС как организации способствует ее успешному функционированию. Экономическое лидерство, исходя из анализа Валдайской речи, справедливо. Иными словами, политически спорные экономические решения (например, отказ от поставок российского газа в Украину) являются справедливыми до тех пор, пока остаются политически нейтральными и соответствуют уже упомянутому принципу целесообразности.

В рамках проведенного анализа также был выявлен ряд авторских политико-философских категорий: например, в статье не раз встречается словосочетание «глобальный хаос». Ниже изложен сравнительный анализ особенностей использования ряда категорий Валдайской речи и категорий из Мюнхенской речи, а также разобраны некоторые антиномии Валдайской речи.

Сравнение смыслов категорий политической философии, упомянутых в Мюнхенской и Валдайской речах

В начале сравнения необходимо отметить качественное изменение международного контекста, произошедшее за семь лет. В 2007 г. недовольной статус-кво была Россия – речь российского президента вызывала страны Запада на ответную реакцию, требовала изменений сложившейся в международных отношениях ситуации. При этом резкость тона речи для многих оказалась неожиданной: западные СМИ называли ее «самой агрессивной речью российского лидера со времен холодной войны» (*The Guardian*),

писали о возвращении «старого доброго русского злодея» (*Financial Times*), актуализирующего идеи евроатлантической солидарности, и даже сравнивали ее со стучанием Хрущева ботинком по столу в ООН (*Hamburger Morgenpost*) [Как мировые СМИ... 10.02.2017]. Весной 2014 г. самые большие европейские страхи о «российской агрессии» материализовались в виде присоединения Крыма и начала войны на востоке Украины, а потому резкие формулировки могли уже мало кого удивить. В том же году Китай обогнал США и стал крупнейшей экономикой мира [Китайская экономика... 08.10.2014]. Наступление «нового миропорядка» стало все более очевидно, а потому вместо критики уходящей в историю «однополярности» появилась потребность в ответе на вопрос «Каким будет новый миропорядок и как сделать его стабильнее и справедливее прежнего?». Именно попыткой ответить на этот вопрос (по крайней мере, с точки зрения России) и стала речь Путина на заседании дискуссионного клуба «Валдай».

Это сделало выступление президента России более миролюбивым: противопоставление «мы – они» по-прежнему прослеживается, но скорее в описании «ошибок прошлого». Страны Запада уже не кажутся российскому президенту единым и монолитным блоком – необоснованное и некомпетентное лидерство США противопоставляется истинным европейским интересам, для реализации которых необходимо сотрудничество. Ради построения «нового миропорядка» Владимир Путин призывает к диалогу, «кооперации» (6 связей в когнитивном картировании), уделяет большое внимание общечеловеческим вызовам: «терроризму» (7 связей), «локальным конфликтам» (11 связей), «глобальному хаосу» (12 связей), в противостоянии которым в «мы» уже входят и страны Запада, и Россия.

Очень важной для Мюнхенской речи категории «власти» практически не было уделено внимания в Валдае. Во вступительной речи Путин вообще ни разу не использует слова «власть», а в ответах на вопросы в большинстве случаев оно звучит исключительно в прикладном значении (например, «украинские власти»). Единственный случай его использования в качестве политико-философской категории связан с критикой американской демократии: отсутствием реализации «власти» народа на непрямых президентских выборах.

Нет здесь и подробного комментирования значения «свободы» – в Валдайской речи она сохраняется лишь как формальный атрибут либеральной демократии, наряду с рынком и конкуренцией.

Зато по-прежнему важной остается категория «безопасности» (7 связей). Нового определения не дается, но из контекста ясно, что за 7 лет смысл категории для Путина не изменился. То же самое можно сказать и по поводу «силы» («насилия»): как и раньше, оно напрямую связано с понятием власти и во многом пересекается с трактовкой «насилия» у Х. Арендт.

Наиболее важным с политико-философской точки зрения в Валдайской речи стала заявка на наполнение новым смыслом категории «демократия», которая обозначается российским президентом как один из приоритетов современной России, наряду с традиционными ценностями и патриотизмом. Однако в реальности, ввиду внешнеполитической направленности речи, подробностей о российской версии демократии практически нет – остается довольствоваться лишь ее противопоставлением несовершенной «либеральной демократии».

Антиномии

Антиномии – это противоречие между двумя положениями, каждое из которых одинаково логически доказуемо [Асмус 1957]. В ходе анализа Валдайской речи авторы выявили ряд антиномий.

1. Одновременная критика квазидвуполярной системы международных отношений с единственной доминирующей страной и полицентричного мира

Данное противоречие уже кратко упоминалось нами в рамках комментария результатов когнитивного картирования. Суть этой антиномии будет легче объяснить с привлечением третьей категории – «безопасность». Безопасность, а также ее синонимы в рамках Валдайской речи – «рациональность» и «предсказуемость» – являются ключевыми категориями для Путина.

Президент сам обращается к аудитории с риторическим вопросом о том, является ли мир с единственным реальным центром силы безопасным миром? По мнению Путина, нет. Заигрывание с международным терроризмом, разжигание локальных конфликтов, применение всех возможных рычагов немилитаристского давления на страны вне зоны американского влияния... И такой страной, против которой будут эти инструменты использоваться, может оказаться абсолютно любое государство, что делает подобное мироустройство несправедливым и небезопасным.

Вместе с тем полицентричный мир также не может быть безопасным, ведь в нем ослаблена роль международных институтов, затруднен процесс выработки решений с учетом мнения всех участников международных процессов. Такая модель взаимоотношений государств тесно связана с авторской категорией речи «глобальный хаос», которая, по мнению авторов, отсылает нас к гобсовскому естественному порядку «войны всех против всех» и противопоставляется некой неописанной справедливой системе мирового устройства [Гоббс 1989–1991].

Названные Президентом принципы кооперации и взаимозависимости не могут считаться достаточными для описания справедливой системы

международного взаимодействия государств. Иными словами, в рамках Валдайской речи критикуются две принципиально разные модели функционирования системы международных отношений и некоторые смешанные формы (формирование блоков «против» кого-либо), при этом цельной позитивной альтернативы не предлагается.

2. Отношение политического и экономического в международных отношениях

В рамках выступления на Валдайском форуме Путин несколько раз подчеркивает свою приверженность таким экономическим ценностям, как рынок, свобода торговли, конкуренция и вытекающая из них глобализация. В том числе это иллюстрируется ключевой цитатой из выступления: «Россия свой выбор сделала, наши приоритеты: дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и консолидация общества на основе традиционных ценностей и патриотизма».

Противоречивость категорий политического и экономического в речи Путина можно свести к противостоянию глобализации и национального суверенитета. Исходя из текста выступления, президент придерживается исключительно либеральной точки зрения, когда речь идет о принятии экономических решений: они должны быть свободными, не должны формироваться под воздействием политических факторов и исходить из принципа целесообразности (определяться выгодностью или невыгодностью конкретных предложений).

При этом в сфере политического Путин выступает непреклонным сторонником традиционных ценностей и неустанно подчеркивает важность сохранения национального суверенитета. Иными словами, в международной политике государство может и должно оставаться достаточно консервативным и даже в некотором роде изолированным (избегать вступления в политические блоки «против» кого-то, что в широком смысле может пониматься как любое политическое объединение).

Этим обосновывается несколько шаткое идеологическое положение государства, которое одной ногой должно стоять на процессах глобализации, а другой – опираться на национальный суверенитет. При детальном анализе сказанного становится понятно, что эти и без того непростые отношения политики и экономики являются неравнозначными: использование политических ресурсов для установления экономического преимущества может считаться справедливым, но использование экономических ресурсов для достижения политического лидерства – недопустимо.

Такое экономическое оправдание использования политических (в крайних случаях военных) ресурсов называет справедливым и Г. Гроций в работе «О праве войны и мира» [Гроций 1956].

3. Необходимость модернизации международного права и международных институтов и стремление восстановить и поддерживать институты, сформированные по итогам Второй мировой войны, а позже – холодной войны

На протяжении всего выступления Путин остается апологетом миропорядка, который сложился в результате длительного периода времени благодаря совместным усилиями дипломатов всех стран, участниц очень непростого международного процесса XX в. Прежде всего речь идет о таких международных институтах, как ООН (в частности, Совбез ООН и позже ОБСЕ).

С одной стороны, из текста выступления очевидно, что в настоящем состоянии системы международных отношений решения и инструменты этих институтов, а также иные достигнутые ранее договоренности нередко нарушаются ради достижения сиюминутной политической выгоды, что способствует дестабилизации отношений между государствами. С другой стороны, Путин настаивает на необходимости сохранения этих институтов. Позитивно оценивается их потенциал, существующий опыт работы, приводятся примеры успешного участия данных институтов в рамках международных конфликтов.

Реформация этих институтов должна происходить не путем изменения механизмов их работы, а путем наполнения их новыми актуальными смыслами, соответствующими критериям взаимоуважения и справедливости. Однако в самой речи эти смыслы предложены не были.

Выводы

Таким образом, несмотря на то что выступление Путина в клубе «Валдай» нередко рассматривается как логическое продолжение Мюнхенской речи, оно в значительной степени отличается от него.

Центральной категорией в результате когнитивного картирования выявлено «Доминирование на международной арене» (19): по мнению авторов, эту категорию можно считать основной темой анализируемого выступления. Категория «США» получила значительно меньше связей (11), что в очередной раз подчеркивает, что критикуется в первую очередь статус США на международной арене, а не страна в целом. Этим негативным категориям противопоставляется «Россия», насчитывающая 18 логических связей. Также важными смысловыми элементами являются «Международные институты», «Локальные конфликты», «Глобализация» и «Экономическое лидерство».

Ключевым политико-философским противостоянием речи является взаимодействие «глобального хаоса» и «справедливости».

Гораздо меньше внимания по сравнению с выступлением в Мюнхене уделяется другим базовым политико-философским категориям: например, «сила», «власть», «свобода» и «демократия».

Более того, Валдайская речь наполнена внутренними противоречиями и сложными связями между смысловыми элементами; особенно противоречивыми в тексте выступления являются критика разнообразных моделей политического устройства, соотношения политического и экономического, а также вопросы модернизации политических институтов.

Так или иначе, Валдайская речь, безусловно, выступает знаковым политическим текстом, если не определившим ценности России на международной арене в новейшей истории, то как минимум продекларировавшим их.

Источники

Асмус В.Ф. Философия И. Канта. М., 1957.

Гоббс Т. Избранные произведения: В 2 т. М., 1989–1991.

Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956.

Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Kremlin.ru. 24.10.2014. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/46860> (дата обращения: 15.01.2021).

Как мировые СМИ отреагировали на Мюнхенскую речь Путина 10 лет назад // РБК. 10.02.2017. URL: <https://vk.cc/bXTos8> (дата обращения: 14.01.2021).

Китайская экономика официально стала крупнейшей в мире // РБК. 08.10.2014. URL: <https://vk.cc/bXTozW> (дата обращения: 14.01.2021).

Путин согласился, что его Валдайскую речь можно сравнить с мюнхенской 2007 года // ТАСС. 24.10.2014. URL: <https://tass.ru/politika/1531280> (дата обращения: 14.01.2021).

Попова О.В. Политический анализ и прогнозирование: учебник. М., 2011.

Рахман Хашими М.М. Шарагина А.Д. Характеристика основных понятий политической философии в российском идеологическом дискурсе на примере Мюнхенской речи Владимира Путина // Всероссийская конференция молодых исследователей с международным участием «Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации» (Социальный инженер-2020): сборник материалов. Ч. 6. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина, 2020. С. 63–67.

Шорохова Екатерина

Демократический транзит в Испании 1975–1982 гг.: оценка значения для современности в испанской научной литературе

Шорохова Екатерина –

студентка 4-го курса
бакалаврской программы
«Зарубежное регионоведение»
ИГСУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
catalina2110@yandex.ru

Для цитирования:

Шорохова Е. Демократический транзит в Испании 1975–1982 гг.: оценка значения для современности в испанской научной литературе // *Generation PP – 2021*. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.10

Аннотация

Статья посвящена анализу оценок роли и значения демократического транзита в Испании в 1975–1982 гг. Автор представляет и анализирует разнообразные мнения по поводу перехода к демократии в Испании. В статье рассмотрены работы Хосе Луиса Ибаньеса Саласа, Софи Бэби, Игнасио Сотело, Хорди Гарсии, Грегорио Морана, Салустьяно де Кампо и Хосе Мариа Марин Арсе. Приведено сравнение мнений названных авторов и выявлены основные тенденции по оценке периода демократического транзита в настоящее время.

Ключевые слова: демократический транзит, демократизация, парламентские выборы, политические реформы, диктатура, монархия.

Политический переход к демократии (исп. *Transición*) от франкистской диктатуры является наиболее ярким событием в политике Испании в последние годы. Это одно из немногих событий XX в., в котором Испания привлекла общемировое внимание, что подтверждается и тем фактом, что оно было изучено и проанализировано многими учеными как в Испании, так и в других странах.

Демократический транзит – это процесс перехода от недемократии (авторитаризм, тоталитаризм) к демократической форме правления, которая предполагает либерализацию режима, восстановление или создание гражданского общества и введение свободных выборов [Величко 2015: 6]. Д. Растро рассматривал демократический транзит как этап в историческом развитии страны, говоря, что это «период времени от непосредственно перед переходом до непосредственно после перехода к демократии» [Растро 1996: 3–16].

Для книги Хосе Луиса Ибаньеса Саласа “*La Transición*” Альваро Сото Кармона, профессор современной истории в Автономном университете Мадрида, пишет пролог. Он утверждает, что о демократическом транзите не говорят объективно, так сказывается плохое наследие франкизма. Во время демократического транзита зародились новые ценности и гражданская культура. Реформизм победил, как этого хотели граждане, достаточно обратиться к опросам Института общественного мнения или к результатам выборов в 1977 и 1979 гг. Проведение реформ должно контролироваться государством; в случае Испании – людьми, вышедшими из периода диктатуры. Несмотря на глубокие различия двух режимов, некоторые бывшие франкисты быстро отказались от своего авторитарного мышления. Однако имелись и другие, взгляды которых далеки от демократических. Но в итоге были приняты решения, которые привели к установлению демократии. По мнению Ибаньеса Саласа, есть несколько черт испанского демократического транзита, которые никак нельзя применить к другим процессам демократизации. Первая – это наличие монархии. Хуан Карлос I обязан был сохранить испанскую Корону, и вся политическая система была построена, исходя из факта существования монархии. Таким образом, единственным способом соединить монархию и демократию стало учреждение парламентской монархии, где у монархии на самом деле нет власти. Но есть и другая черта испанского демократического транзита – правление Хуана Карлоса. Парламентская монархия не стала ловушкой для такого сильного правителя. Король стал главой государства, и правительство никак не могло влиять на решения монарха. Еще одна отличительная черта – Союз демократического центра (СДЦ). Сначала он был создан как одна из коалиций на выборах, а затем стал партией наподобие центристских коалиций Западной Европы, в которые вступают либералы, христиане-демократы и социал-демократы. Но в Испании в данную коалицию вошли в основном представители

Национального движения, что позволило СДЦ получить поддержку в различных частях страны на выборах в 1977 и 1979 г. Однако затем в партии начались внутренние противоречия. Это привело к тому, что в октябре 1982 г. данная партия получила всего 11 мест в парламенте, в то время как в 1979 г. – 168 мест. И последняя особая черта испанского демократического транзита – способность объединить процесс демократизации с процессом децентрализации, давая больше свободы Каталонии и Стране Басков, регионам с сильным чувством национальной идентичности, и Канарам, с собственными экономическими особенностями, однако не теряя власти над этими регионами¹.

Софи Бэби, автор книги “El mito de la transición pacífica”, которая используется в сборнике “La transición española: nuevos enfoques para un viejo debate”, призывает отойти от типичных суждений о демократическом транзите и обратить внимание на то, чего не замечали другие, – например, на жестокость и насилие в этот период. Политическая борьба не прошла бескровно, существовал определенный «цикл насилия» [La transición española... 2015: 76]. В период с ноября 1975 г. по октябрь 1982 г. произошло не менее 3500 актов насилия, из которых 714 привели к смертельному исходу. Это были вторые по кровавости времена после периода репрессий первых годов правления Франко. В испанском протестном движении в основном участвовали радикальные марксисты-ленинисты, отколовшиеся от Коммунистической партии. Радикальные националисты боролись за независимость своих земель, причем их действия можно было считать легитимными, так как они защищали себя от произвола тирании. Так было с группировкой ЭТА, созданной в 1959 г., однако основная их деятельность развернулась уже в период демократического транзита. Их жертвами стали 376 человек в период между 1975 и 1982 гг. Также существовали похожие группировки на Канарских островах и в Каталонии [там же: 78]. Ситуацию во многом спасла Конституция 1978 г., которая заставила многие группировки прекратить свою деятельность. Однако ЭТА и ГРАПО убили примерно 130–140 человек лишь за один год (1979–1980-е гг.). Наличие террористических группировок способствовало репрессиям со стороны государства, примерно 178 человек были убиты стражами правопорядка, из которых большей частью были гражданские. Попытка переворота 23-F привела к резкому уменьшению количества преступлений, а выборы 1982 г. окончательно стабилизировали демократическую систему в Испании. Пришедшие к власти социалисты объявили нелегальными все левые радикальные группировки, чтобы они не смогли очернить их имя. Правые также не смогли вести альтернативную левым политику. Спротивление продолжало оказывать лишь ЭТА. Для борьбы с ней социалистическое правительство

¹ La Transición // Nuevatribuna.es. URL: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/historia/transicion/20160309084241126230.html> (дата обращения: 02.02.2019).

создало Антитеррористическую группу освобождения, которая совершила 28 убийств в период с 1983 по 1986 г.

Однако, по мнению Софи Бэби, все эти преступления в конечном итоге не помешали успеху демократического транзита. Во-первых, выступающих против режима было слишком много для того, чтобы выступить единым фронтом против системы, так что государству удалось справиться с этими разрозненными группировками. Во-вторых, радикальные группировки не поддерживались ни крупными партиями, ни обществом. В-третьих, у государства был ответ на деятельность этих радикальных группировок в виде репрессий, то есть государство никогда не теряло контроль над происходящим в стране. Но все же эти акты насилия оказали определенное влияние на процесс демократизации. Испания стала правовым государством, однако правительству пришлось изменить некоторые его принципы для того, чтобы обеспечить безопасность внутри страны. Так, были приняты некоторые антитеррористические законы уже при действии демократической Конституции 1978 г., которые противоречили правам, гарантированным ею, таким как неприкосновенность частной жизни и свобода слова. Большим заблуждением является тот факт, что жертвами становились только террористы или полицейские, гвардейцы и военные. Примерно 30% всех жертв – это обычные испанские граждане [там же: 84]. Испанское общество было обеспокоено этим. 77% опрошенных считали, что криминальность в период демократического транзита возросла [там же: 85]. Они боялись военного переворота, «красной» революции или новой Гражданской войны. Однако у государства все же хватило сил остановить разрушительные тенденции внутри страны и стабилизировать демократический курс. Таким образом, Софи Бэби говорит о том, что демократический транзит достиг своих целей, однако цена этого была велика.

Игнасио Сотело, доктор социологических наук, написал статью для “El País”², в которой утверждает, что демократический транзит – не такая уж неожиданность для Испании. После смерти диктатора случилось предвиденное: король клянется Основными Законами Испанского Королевства, гарантируя продолжение режима, который был установлен в 1946 г. Не сменяются ни председатель правительства, ни глава парламента, хотя они оба знали, что важные реформы будут проведены, но до какой степени демократизации и главное – с какой скоростью, оставалось загадкой. Реформистская фракция франкизма добились того, чтобы кортесы приняли закон о политической реформе, преобразующей традиционную монархию в парламентскую монархию, при избрании двух палат парламента всеобщим тайным голосованием. Это было единственным

² El mito de la Transición consensuada // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/elpais/2013/06/10/opinion/1370864831_116440.html (дата обращения: 03.02.2019).

способом не только спасти монархию, но и не разрушить другие государственные институты, хотя это также означало дать отпор еще не забытому франкизму, уже ослабевшему, но поддерживаемому армией, которая стремилась сохранить основы старого режима. Охарактеризовать первые демократические выборы, проведенные 15 июня, довольно сложно. Несмотря на то что выборы назывались демократическими, демократического в них было мало. Автор считает, что эти выборы стали основой коррупционной схемы на ближайшие 30 лет. Правительственная партия становится кандидатом, даже не сместив своего главу, действовавшего еще в франкистский период. 18 марта 1977 г. с целью обеспечить абсолютное большинство своей партии Адольфо Суарес издает новый избирательный закон, не выполняющий минимальных требований справедливых демократических выборов: закрытые бюллетени, пропорциональная система с ограничением в 350 депутатов от провинции, которая помогала районам с маленьким населением и мешала крупным избирательным округам. Таким образом, на национальном уровне поддерживались две наиболее успешные партии, а на региональном – националистские партии, которые с наименьшим количеством голосов могли получить больше мест в парламенте, чем националисты с третьего места на национальном уровне. Результаты этих первых выборов после введения данного закона были вдвойне удивляющими: Суарес с 34,4% голосов не получил абсолютного большинства, а второе место заняла не Коммунистическая партия, а Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), только что обновленная и, казалось, способная привнести свежий взгляд в испанскую демократию. ИСРП набрала 29,3% голосов. Игнасио Сотело утверждает, что демократический транзит был признан легитимным, позволяя сохранить институты власти, однако то, что поколение, пережившее эти годы, считает данное время торжеством испанской демократии, не означает, что отношение к этому периоду у их детей и внуков не изменится.

Хорди Гарсия, эссеист и профессор Мадридского автономного университета, считал, что цели франкизма провалились тогда, когда угасли революционные юношеские движения, которые не поддерживались основной массой населения, проголосовавшей за Суареса и не мечтавшей о революции. Гарсия отмечает, что слово «демократия» вошло в обиход еще до смерти Франко, однако ему придавались совершенно разные значения. Ни о какой стабильной демократической базе, которая есть в современности, тогда речи не шло. Демократия воспринималась как нечто радикальное, что могло в конечном итоге привести к революции. Молодые люди, увлеченные демократическими идеями еще с 1960-х гг., не верили в демократию, которая в то время зарождалась в Испании. Они считали, что только революция – единственный способ установить настоящую демократию, потому что это не договоренность, а принуждение. Молодежь считала, что только насильно можно

сместить, с одной стороны, франкистов, а с другой – буржуазные слои, готовые прогнуться под европейской демократией. Хорди Гарсия считает, что демократический транзит стал жестоким подавлением революционных молодежных движений со своей литературой, идеологией, в основном коммунистическими взглядами и культурой хиппи. Основная масса населения голосовала за Суареса и игнорировала мнение прогрессивной молодежи. Движения потерпели сокрушительное поражение, так как население не грезило ни о какой революции, а поддерживало европейские демократии. В то же время не стоит считать, что демократический транзит можно критиковать только с точки зрения провала революционных идей, Гарсия призывает обратить большее внимание на слабые стороны политики социал-демократов³.

По мнению Грегорио Морана, написавшего книгу “El precio de la transición”, демократический транзит не был так безоблачен, как хотелось бы. Триумфаторов этого периода объединяла вовсе не Конституция 1978 г., а бизнес и дальнейший расцвет коррупции. В качестве аргумента автор приводит период правления социалистов с 1982 по 1996 г., в который происходит экономический спад. Автор связывает это с засильем во власти двух партий: Испанской социалистической рабочей и Народной. Основа новой демократии – политический класс, происходящий из диктатуры и нелегальной оппозиции. Общество не было готово для радикальных изменений, поэтому «все было сделано для общества, но без него» [Morán 2015: 17]. Интересна точка зрения Морана по поводу начала демократического транзита. Он утверждает, что наилучшим способом быстрее построить демократию в стране стало забвение эпохи Франко. Народ очень быстро принял короля, как будто деспотичного прошлого не существовало. «Демократический транзит должен был стать рождением мира» [там же: 71], в котором нет жестокости, боли и разочарований. За счет исчезновения прошлого устанавливалось всеобщее равенство.

Салустьяно де Кампо, автор одной из глав книги “La transición española: nuevos enfoques para un viejo debate”, утверждает, что экономический успех демократического транзита привел к экономическому развитию Испании в целом и ее полной трансформации. Увеличилось количество городского населения, также наблюдалось увеличение потока иммигрантов. Если в 1980 г. их было 200 000, то в 1991 г. – уже 600 000 [La transición española... 2015: 20]. Сельского населения становилось все меньше: если в 1970 г. оно составляло 25%, то уже в 1987 г. – лишь 14%, в то же время сектор услуг за это же время возрос с 37% до 46%. Увеличилось количество учеников средней школы с 320 000 до 1 371 000 с 1950-х до 1970-х гг. Количество студентов также возросло с 77 000 до 192 000 с 1960-х до 1970-х гг. [там же: 21]. ВВП на душу

³ La Transición trágica // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/elpais/2017/06/08/opinion/1496915063_108847.html (дата обращения: 05.02.2019).

населения увеличился. Но, естественно, были и минусы в установлении демократического общества. Риску подвергались традиционные ценности, увеличилось количество преступлений, однако автор отмечает, что, несмотря на это, институт семьи остался для испанцев в приоритете, а политика волновала их меньше всего. Далее Салустьяно де Кампо говорит об изменениях в жизни Испании, которые были бы невозможны без перехода к демократии. Например, при Родригесе Сапатеро были приняты статуты об автономии, которые были бы невозможны без Конституции 1978 г. Также демократизация способствовала быстрой модернизации общества, которое догнало другие западные страны за короткий срок. В 2003 г., когда праздновалось 25-летие Конституции, социальная, экономическая и культурная сферы испанского общества кардинально изменились по сравнению с прошлым. Это позволило Испании войти в десятку стран мира с наивысшим Индексом человеческого развития. Население возросло до 45 млн человек, по данным января 2007 г., а средняя продолжительность жизни достигла 82 лет [там же: 25]. Демократизация внесла коррективы и во внешнюю политику Испании, которая вступила в ЕС и в целом стала более открытой для взаимодействия с внешним миром.

Хосе Мария Марин Арсе в сборнике *“La transición treinta años después”* пишет о том, что испанский демократический транзит стал процессом политических реформ, реализованных в первую очередь благодаря твердой руке нового монарха Хуана Карлоса I, который смог разрешить непримиримые противоречия между демократической оппозицией и реформистским сектором франкизма. На Испанию также давил тот факт, что она оказалась последней европейской страной с диктаторским режимом, поэтому ей было необходимо быстро модернизировать систему власти после смерти Франко. Важным этапом в этом процессе автор считает подписание Пактов Монклоа 25 октября 1977 г., которые стали способом для различных парламентских сил договориться. Пакты помогли СДЦ продолжить свою деятельность, имея при этом конституционную поддержку. Коммунистическая партия Испании благодаря Пактам Монклоа также усилила свое влияние во власти и окончательно подтвердила свою легитимность. Таким образом, Пакты Монклоа стали «уверенным шагом в стабилизации демократического режима». Также они позволили преодолеть ряд экономических проблем, таких как повышенная инфляция, малые обороты внешней торговли, растущая безработица и падение инвестирования испанской экономики.

Таким образом, все вышеназванные авторы сходятся во мнении о том, что переход к демократии был нелегким для Испании, так как ей пришлось изменять все внутренние структуры, политическую систему и внешнеполитический курс. Также Хосе Луис Ибаньес Салас и Хосе Мария Марин Арсе отмечают большую роль Хуана Карлоса I в установлении демократии, так как его

решительность и вовремя принятые меры позволили Испании избежать новой Гражданской войны. Альваро Сото Кармона и Софи Бэби отмечают, что в период демократического транзита активизировались многие националистические и радикальные группировки, что негативно сказалось на обстановке в стране. Игнасио Сотело и Грегорио Моран воспринимают период перехода к демократии как начало расцвета коррупции в Испании. Они считают, что ИСРП и Народный фронт узурпировали власть на многие годы, что нельзя считать нормальным демократическим режимом. Хорди Гарсия утверждает, что переход к демократии был произведен неправильно, ведь, по его мнению, это было возможно лишь путем революции. Салустьяно де Кампо и Хосе Мария Марин Арсе считают, что демократический транзит для Испании стал способом преодоления экономических и политических проблем, а также возможностью полноценного участия в европейской политике.

В школе и в университетах принято говорить о смене диктатуры демократией как огромном шаге вперед для Испании, потому что из закрытой страны с авторитарным режимом Испания превратилась в демократическую монархию, играющую большую роль на европейской арене. Однако в испанских СМИ в настоящее время есть много как положительных, так и отрицательных мнений о демократическом транзите. Авторы призывают читателей задуматься о последствиях событий тех лет для Испании и трезво оценить нынешнюю обстановку в стране.

Источники

Величко С.А. К вопросу о соотношении понятий «демократия», «модернизация», «демократический транзит» // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 4.

Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. Политические исследования. 1996. № 5. С. 3–16.

El mito de la Transición consensuada // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/elpais/2013/06/10/opinion/1370864831_116440.html (дата обращения: 03.02.2019).

La Transición // Nuevatribuna.es. URL: <https://www.nuevatribuna.es/articulo/historia/transicion/20160309084241126230.html> (дата обращения: 02.02.2019).

La transición española: nuevos enfoques para un viejo debate // Marie-Claude Chaput, Julio Pérez Serrano. Madrid: Biblioteca Nueva, 2015.

La Transición trágica // EL PAÍS. URL: https://elpais.com/elpais/2017/06/08/opinion/1496915063_108847.html (дата обращения: 05.02.2019).

Morán G. El precio de la transición. Madrid: Ediciones Akal, 2015.

Яковлева Екатерина

Образ политического лидера Республики Корея в сознании молодежи

Яковлева Екатерина –

студентка 4-го курса
бакалавриата факультета
политологии СПбГУ.

Для связи с автором:
jakowlkate@gmail.com

Для цитирования:

Яковлева Е. Образ
политического лидера
Республики Корея в сознании
молодежи //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.11

Аннотация

Политическое сознание оказывает огромное влияние на социально-политические процессы, происходящие в обществе, а значит, и на восприятие института политического лидерства в стране. Современные трансформации, происходящие в южнокорейском обществе, свидетельствуют о неустойчивости народной поддержки нынешнего президента. Это связано с множеством причин, одними из которых являются недовольство экономической политикой в стране, «потепление» отношений с Северной Кореей, успешная реализация стратегии борьбы с COVID-19. В статье проанализированы результаты интернет-опроса молодых граждан Южной Кореи, посвященного восприятию образа политического лидера. Автор рассматривает качества идеального президента для южнокорейской молодежи, их отношение к экс-главам государства и к действующему лидеру, формулирует значение исследований политического сознания корейцев в контексте приближающейся электоральной кампании.

Ключевые слова: Республика Корея, политический лидер, лидерство, выборы в Корею, политическое сознание, COVID-19.

Введение

Начиная с 2016 г., все мировое сообщество с интересом наблюдало на-стоящий «политический сериал»¹, развернувшийся в Южной Корее. Пак Кын Хе, экс-президент Республики Корея и бывший лидер консервативной партии «Свободная Корея», была арестована по обвинению во взяточничестве, злоупотреблении властью, а также передаче секретной информации людям, не являвшимся госслужащими [Иванова 2017]. В марте 2017 г. Конституционный суд утвердил ее импичмент и снял с нее президентские полномочия, а год спустя госпожа Пак была приговорена судом первой инстанции к 24 годам лишения свободы и штрафу в размере 18 миллиардов вон.

В период судебного разбирательства исполняющим обязанности президента Республики Корея был назначен Хван Гё Ан, который ранее занимал пост премьер-министра. После экстренной президентской кампании 2017 г. его сменил новый избранный глава Южной Кореи Мун Чжэ Ин, лидер Совместной демократической партии².

Однако в 2022 г. планируются новые выборы, исход которых будоражит как граждан Кореи, так и весь мир. Кто станет новым президентом, представитель какой партии сможет удержать свои лидирующие позиции, будет ли это мужчина, или в очередной раз женщина сможет сломать гендерные стереотипы и стать главой государства, – эти вопросы стоят первыми в политической повестке и заключают в себе фундаментальные проблемы общества. Президент олицетворяет собой народ, который выбрал его в ходе электоральной кампании [Ачкасов, Гуроров 2012]. Его решения отражают ценности страны. Но важно также знать, каким президента представляют его сограждане – какой образ сформирован в сознании людей и каким они хотят видеть лидера своей страны [Мартыанов 2015]. На эти вопросы помогут ответить представители южнокорейской молодежи, которые и стали респондентами для проведенного исследования.

Политическое лидерство: типология М. Дж. Херманн

Политическое лидерство – одна из важнейших категорий, составляющих политическую деятельность. В большинстве случаев главным актором политического процесса является политический лидер, занимая должности главы государства, возглавляя политическую партию или общественную организацию. Для изучения природы лидерства большое значение имеет их

¹ «Карточный домик»: кто будет новым президентом Южной Кореи? // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/kartochnyy-domik-kto-budet-novym-prezidentom-yuzhnoy-korei/.

² 리얼미터 10월 5주차 주중동향 문재인 대통령 대통령 // Real meter. URL: <https://goo-gl.su/1yXkl>.

типологизация. Одной из таких классификаций является типология политического лидерства американского политолога М. Дж. Херманн. В ней исследовательница опирается на имиджевые характеристики (характер лидера, свойства его последователей, способы взаимосвязи лидера с его сторонниками, конкретная ситуация, в которой осуществляется лидерство) и выделяет следующие типы: лидер-знаменосец, лидер-служитель, лидер-торговец, лидер-пожарный. Политолог также подчеркивает, что чаще всего встречается «смешанный тип», который совмещает в себе признаки остальных.

Данная типология была выбрана автором не случайно. Классификация М. Херманн относится к числу поведенческих моделей лидерства. Они акцентируют внимание на характерных приемах и методах, используемых руководителем в процессе управления. Стиль лидерства отражает используемый тип власти, способы и методы работы с внешней средой. От того, какой стиль управления выберет лидер той или иной страны, будет зависеть отношение граждан и восприятие его фигуры в обществе. Нередко политический лидер ассоциируется с представляемой им политической партией или элитой, что также оказывает значительное влияние на его образ. В связи с этим выбранная классификация политического лидерства сможет отлично охарактеризовать политических лидеров Республики Корея.

Специфика корейской модели политического лидерства

Говоря о модели политического лидерства в Республике Корея, стоит начать с истоков и формирования политической культуры в стране. В эпоху сюзеренства Китая позиции конфуцианской идеологии в Корею укрепились. Это проявлялось, к примеру, в культе чиновничества, который прослеживается и в современном корейском менталитете. А.С. Прозоровский пишет: «Борьба велась не за смену династии или формы правления, а за место в бюрократическом аппарате» [Прозоровский 2009: 87].

Еще одной особенностью является важность образования. Государственная служба считалась единственным занятием, которого были достойны корейские дворяне (*янбаны*). В случае, если кто-либо из янбанов на протяжении трех сословий отказывался служить в госаппарате, его лишали дворянского чина. Поэтому дворяне проходили специализированное обучение в рамках конфуцианской идеологии, сдавали государственные экзамены и получали места подле покровителей по рекомендациям высших гражданских чиновников [Ланьков 1995: 35].

К отличительным чертам корейской политической культуры, унаследованным из конфуцианства, относится и безропотное отношение к традициям (конфуцианству была присуща идеализация прошлого). Например, А.С. Прозоровский подчеркивает: «корейский монарх, будучи почти неограниченным

в своей власти... тем не менее был вынужден прислушиваться к мнению многочисленных советников» [Прозоровский 2009: 84].

Эти характеристики не обошли стороной корейцев и после падения Чосона. Так, в XX в. первый президент Республики Корея Ли Сын Ман являлся представителем аристократического рода и дальним родственником последнего корейского монарха, что значительно выделяло его среди других кандидатов. На его лидерскую позицию также повлияла и образовательная деятельность (бакалавр искусств Университета Дж. Вашингтона, магистр искусств Гарварда и доктор философии Принстонского университета). В период его управления страной он стремился превратить Корею в президентскую республику, имея перед собой успешный опыт Соединенных Штатов. Для президента Ли как для поборника независимости Кореи Корейская война сыграла только на руку: несмотря на огромные потери и разрушительные последствия, она позволила ему повысить свой политический престиж и сплотить соотечественников, подчинив себе бюрократию и полицию.

Иной политики придерживался военный диктатор Пак Чон Хи. Лидер присваивал негативный характер присущему корейцам стремлению к разделению, клановости. Поэтому его политика вошла в историю не только как «корейское экономическое чудо» и «диктатура развития», но и как политика постановки ориентиров на достижение национального самосознания и перехода на экспортную экономику с привлечением иностранных инвестиций [там же: 88]. Это послужило причиной смены модели, установленной при Ли Сын Мане – придерживаться конфуцианской этики и при этом оставаться лояльным к бизнесу. Как отмечает А.С. Прозоровский, военное образование Пака также положительно повлияло на его авторитет. Политическая программа президента основывалась на плановой экономике и четкой централизации, поэтому Паку требовались ученые для успешной реализации этих планов. Это «оживило конфуцианские традиции династии Ли, где ученые играли большую роль в государственных делах» [Park Chung Hee... 1971: 107].

Рассматривая Пак Кын Хе, дочь экс-президента Пак Чон Хи, исследователи из СПбГУ И.С. Ланцова и Д.А. Ланко в своей работе предлагают размышления: «...красной нитью проходит идея о том, что у Пак нет ни собственной семьи, ни ребенка и всю свою жизнь она хочет посвятить процветанию и развитию Республики Корея. Пак явно стремилась к формированию имиджа “жертвы”, не сломленной, вместе с тем с уготованными ей невзгодами» [Ланко, Ланцова 2017: 254]. Симпатия народа к ее персоне могла основываться как раз на сочувствии к Пак как к жертве обстоятельств – гибель отца и матери, «одна против всех». Помимо этого, ее лидерские позиции были значительно выше из-за причастности к работе Партии Великой страны (ныне – «Свободная Корея»), что также нам говорит о преемственности политического опыта.

В ходе президентской кампании 2012–2013 гг. на Пак большое влияние оказала личность ее отца, что ставило ее в непростое положение. Однако она одержала победу, стала первой женщиной президентом в истории Южной Кореи и первым корейским президентом, чьи полномочия были остановлены процедурой импичмента.

Применяя классификацию лидерства М. Херманн, можем сделать вывод, что президент Ли Сын Ман олицетворял в себе черты «лидера-торговца», опираясь на определенных компетентных людей, и «лидера-пожарного», проявляя себя в кризисной для страны ситуации; Пак Чон Хи – «лидер-знаменосец», идейный вдохновитель, самостоятельный, целеустремленный лидер. Пак Кын Хе – специфичная фигура на политической арене. Метафоричные образы «знаменосцев», «торговцев», «пожарных», как правило, наделялись мужскими чертами и характеристиками, что трудно применимо для представителей женского пола. Описанный образ жертвы, которым манипулировали как сторонники госпожи Пак в период электоральных кампаний, так и сама экс-президент, представляет значительный потенциал для исследования [там же: 256].

Проведя анализ изменений и трансформации восприятия бывших лидеров Республики Корея, хотелось бы более подробно рассмотреть имидж и особенности политической деятельности нынешнего президента Мун Чжэ Ина.

Социологическое исследование восприятия политического лидера южнокорейской молодежью

В работе проводится социологический анализ отношения молодежи из Южной Кореи к институту политического лидерства посредством проведения англоязычного интернет-анкетирования. Причины для выбора данного метода социологического исследования было несколько: во-первых, это релевантный способ коммуникации с респондентами с низким уровнем влияния интервьюера. Во-вторых, для получения более точных результатов необходимо прямое взаимодействие с целевой аудиторией, каковыми являются корейцы от 18 до 30 лет. Из-за пандемии COVID-19 коммуникация с респондентами в офлайн-пространстве стала затруднительной. Интернет-анкетирование в данной ситуации обладает неоспоримыми преимуществами – экономия ресурсов, широта охвата и быстрота получения ответов. Еще одним достоинством онлайн-опросов является их анонимность, благодаря чему интервьюер добивается высокого уровня доверия респондентов.

Опрос проводился в англоязычном формате в связи с тем, что не все респонденты обладают необходимым знанием русского языка для его успешного прохождения. В ходе анкетирования было задано 10 вопросов. Приняло

участие 60 респондентов – 50% женщин и 50% мужчин, средний возраст которых составил 21 год (28,3% респондентов). Статистика ответов представлена в Приложениях.

Вопрос об интересе в политических процессах (№ 1) определяет степень вовлеченности респондента в политическую сферу (Приложение 1). Большинство корейцев (46,7%) узнают о политических событиях от друзей или из социальных сетей, 45% целенаправленно читают новостные ресурсы о политике и участвуют в дискуссиях по этой тематике и лишь 8,3% не интересна политика вовсе. Можно увидеть, что уровень абсентеизма среди корейской молодежи ниже политического участия. Это подтверждается высокой явкой на выборах в Корею среди всех возрастных категорий [Чой 2015]. В экзитполле 2017 г. явка составила 77,2% граждан³.

Вопросы № 2, № 4 и № 5 были направлены на формирование имиджа, образа «идеального» политического лидера в сознании корейской молодежи. На вопрос № 2 респонденты ответили, какими индивидуальными чертами должен обладать политический лидер в первую очередь: ответственность и надежность (76,7%), общительность и способность коммуницировать с населением (65%), умение организовать работу подчиненных (38%). Вопрос № 4 показал, какие профессиональные качества считаются важными для корейского политического лидера: значительный опыт в госуправлении (65%), ораторские способности (58,3%), глубокие знания в политических науках (политологии, социологии, философии) (43,3%), навыки организации работы (36,7%). Отвечая на вопрос № 5, 45 респондентов выразили уверенность в том, что подходящий возраст для политического лидера в Корею – 30–55 лет. Тем не менее 15 опрошенных проголосовали за возраст лидера старше 50 лет. Полученные результаты говорят о том, что идеальный политический лидер в Корею, по мнению молодежи, должен быть ответственным, надежным, коммуницирующим с населением человеком средних лет, который способен достойно выступать перед публикой, эффективно организовать работу своих подчиненных и обладает опытом в публичной политике.

Стоит сказать, что к текущему корейскому лидеру у респондентов отношение неоднозначное. Это отлично продемонстрировано в ответах на вопрос № 6 (Приложение 2), где опрашиваемым необходимо было определить, насколько президент Мун Чжэ Ин соответствует перечисленным выше требованиям (в вопросах № 2, № 3, № 4 и № 5) по 10-балльной шкале (где 1 – самая низкая отметка, а 10 – самая высокая). Интересным наблюдением можно считать то, что высшей оценки Мун Чжэ Ина не удостоил ни один респондент.

³ Экзитполлы: на президентских выборах в Южной Корею победил Мун Чжэ Ин // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4239920>.

Важно и то, что не обошлось без категорически негативных оценок 1, 2 и 3, за которые суммарно проголосовали 10 респондентов.

Информация о том, принимает ли корейская молодежь политическую деятельность президента Муна, получена по итогам вопроса № 7. Данный вопрос представляет наибольший для нас интерес в связи с тем, что около половины опрошенных затруднились на него ответить (48,3%). Это значит, что за три года его президентского срока молодежь не смогла определить, в какую именно сторону движется его политический курс. Необходимо отметить, что вариант «да, принимаю» выбрали 30% участвующих в опросе, а «нет, не принимаю» – 21,7%. Это также может быть связано с политическими взглядами южнокорейской молодежи, речь о которых идет в вопросе № 8 (Приложение 3). На графике видно, что равное количество респондентов указали свои политические взгляды как социал-демократические и либеральные; следующим по популярности ответом стал вариант смешанных политико-идеологических воззрений, за который проголосовали 23,3% опрошенных. Количество коммунистов и людей, не причисляющих себя к конкретной группе идеологических взглядов, примерно одинаковое – 8 и 7 респондентов соответственно. Таким образом, можно сделать вывод, что нынешний президент – представитель демократической партии (Совместная демократическая партия) – пользуется поддержкой со стороны либерально и демократически настроенного молодого населения.

Данное положение подтверждают и результаты последнего тематического открытого вопроса (№ 10). В нем представителям корейской молодежи необходимо было выразить собственное мнение – какого южнокорейского лидера они считают наиболее успешным в своих действиях и решениях. Этот вопрос был не обязательным, однако почти половина опрошенных (29 человек) выразили свое мнение. Сравнивая получившиеся результаты, найдем похожую закономерность, как и в случае с ответами из вопроса № 7: 8 респондентов не смогли определить конкретного успешного политического лидера в истории Южной Кореи и затруднились ответить; 5 человек считают нынешнего главу Республики наиболее успешным, приводя следующие тезисы в его защиту:

- создает приятное и правдивое мнение о Корее в мировом сообществе;
- после протестов в Корее 2016–2017 гг. («Революция свечей» – протесты граждан с требованиями импичмента президента Пак Кын Хе; в своих руках они держали свечи в качестве символического жеста, прося Пак прояснить ситуацию)⁴, корейцы потеряли доверие к институту президентства.

⁴ Candlelight vigil focuses on ferry disaster as 1,000th day anniversary approaches // Arirang. URL: http://www.arirang.com/News/News_View.asp?nseq=199683.

Поэтому перед будущим лидером стояли две непосильные задачи – преодолеть осуждение СМИ и вернуть доверие своей нации. В отличие от Пак, которая состояла в партии консерваторов, Мун – демократ, в связи с чем у жителей Южной Кореи появилась надежда на восстановление справедливости и мирную жизнь. По мнению респондентов, президент Мун успешно справился с этими задачами;

- отсутствие наказаний и осуждений за веру, ориентацию, политические взгляды;
- его цель – благосостояние всего южнокорейского народа, потепление отношений с северным соседом (КНДР) и как перспектива – воссоединение корейской нации;
- президент Мун ведет умеренную политику с США и не «становится их рабом» (это выражается, к примеру, в приостановлении Муном размещения американского противоракетного комплекса THAAD в июне 2017 г.).

Помимо этого, корейцы высказывались и о других корейских лидерах, таких как Но Му Хен, Пак Чон Хи, Ким Дэ Джун. По их словам, ни один из экс-глав государства не соответствует образу идеального лидера.

В целом исследования политического сознания южнокорейцев, их отношения к институту президентства и нынешней власти имеют высокий потенциал в контексте значительных политических трансформаций. Одной из таких является пандемия коронавируса, наложившая существенный отпечаток на отношение к главе государства. Принимаемые им и правительством политические решения, связанные с борьбой против COVID-19, в значительной степени влияют на его имидж и исход будущей электоральной кампании. Так, рейтинг правительства вырос до 56% с января по апрель 2020 г., а правящая партия заняла 180 из 300 мест на парламентских выборах.

Значимость исследования также состоит в том, что его результаты могут иметь прикладное и прогностическое значение. Анализ представления корейцев о политическом лидере и их политического сознания может, хоть и не в полной мере, свидетельствовать о рефлексии южнокорейцев относительно «Революции свечей» и Корейской войны, об их национальной идентичности и готовности к унификации и урегулированию конфликта на Корейском полуострове [Петренко, Гладких, Митина 2016]; позволяет оценить уровень политической культуры представителей корейской молодежи, а также проследить динамику изменения их восприятия политических лидеров в будущих исследованиях.

Источники

Ачкасов В.А., Гуторов В.А. Политология. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 230–238.

Иванова А.В. Образ первого президента-женщины Республики Корея Пак Кын Хе в политических карикатурах в период ее правления // Современный ученый. 2017. № 5. С. 150–154.

«Карточный домик»: кто будет новым президентом Южной Кореи? // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/NSO_MGIMO/kartochnyy-domikkto-budet-novym-prezidentom-yuzhnoy-korei/.

Ланко Д.А., Ланцова И.С. Жертвенность как гендерный стереотип в образе политического лидера: сравнение образов «жертв» импичментов 2016–2017 гг. Дилмы Русеф и Пак Кын Хе // СПб.: Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Политология. Международные отношения. 2017. Вып. 3. С. 246–259.

Ланьков А.Н. Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. // СПб.: Петербургское востоковедение, 1995.

Мартьянов Д.С. Политическое сознание, политическое бессознательное и политическая психика: ревизия подходов к структуре и определению // Вестник СПбГУ. Серия 6: Политология. Международные отношения. 2015. № 3. С. 57–69.

Петренко В.Ф., Гладких Н.Ю., Митина О.В. Психосемантический анализ восприятия политических лидеров (на материале выборки студентов из Южной Кореи) // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2016. № 2. С. 64–87.

Прозоровский А.С. Политический лидер и модернизация на Востоке. Опыт Индонезии и Южной Кореи во второй половине XX века // М.: ИМЭМО РАН, 2009.

Чой В.И. История и направления социологических исследований в Корее // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 56–63.

Экзитполы: на президентских выборах в Южной Корее победил Мун Чжэ Ин // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4239920>.

Candlelight vigil focuses on ferry disaster as 1,000th day anniversary approaches // Arirang. URL: http://www.arirang.com/News/News_View.asp?nseq=199683.

Park Chung Hee. To Build a Nation // Washington, Acropolis Books. 1971.

리얼미터 10월 5주차 주중동향 문재인 대통령 대통령. // Real meter. URL: <https://goo-gl.su/1yXkl>.

Приложение 1

How do you assess your interest in political processes?

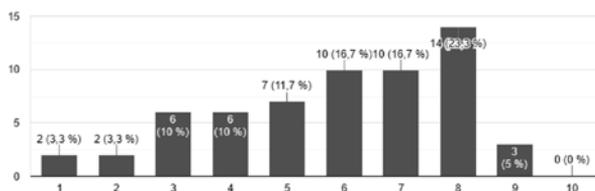
60 ответов

Приложение 2

So, you have described your ideal Head of the South Korea. Estimate how much the current Head meets your requirements based on a 10-points scale (where 1 is the lowest and 10 is the highest)?

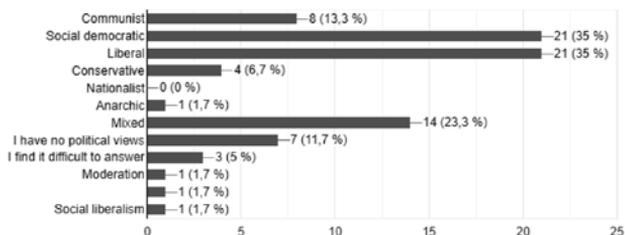
60 ответов

Приложение 3

Tell us, please, what political views are correspond the most with your own?

60 ответов

Savischenko Alena

Ukraine's Decentralization Policy towards the Donbas Region Before and After the Crisis

Savischenko Alena –

the student of the 4th course of the Bachelor program “Political science and World Politics” in the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.

To contact the author:
arsavischenko@edu.hse.ru

Для цитирования:

Savischenko A. Ukraine's Decentralization Policy towards the Donbas Region Before and After the Crisis // Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.12

Abstract

This article presents an analysis of the decentralization policy in Ukraine after it entered the second phase in 2019 towards the Donbas region. The paper compares decentralizing mechanisms before the crisis in Eastern Ukraine erupted and after in order to see how the “regionalization” issue of Ukraine was dealt with by delegating autonomy to the local levels. To analyze the degree of the autonomies delegation Daniel Treisman's model of six mechanisms that constitute decentralization was used. The article concluded with an idea that though fiscal, electoral and vertical mechanisms are considered to be rather successful after the policy was introduced, the decision-making decentralization seems to be lacking. In this light furthermore, deep research should be made on the personnel decentralization to get the full picture in a correct mode.

Keywords: decentralisation, Ukraine, decentralisation reform, Ukrainian crisis.

Introduction

Nowadays Ukraine is considered to be one of 166 UN member-states that have a unitary system of government despite existing and augmenting division within the country¹. It was historically, ethnically and culturally split into two camps since the formation of Ukraine as an independent state in 1991 after the collapse of the Soviet Union². And continued long before the events of 2014, when the rupture between Ukrainians and Russians turned to the critical phase that led to the de facto secession of one of the most important regions of Ukraine – Donetsk and Luhansk, *hereinafter Donbas*. These regions were known as the heartland of the Ukrainian economy that provided the rest of the country with anthracite coal and metals³. Though the effectiveness of the Donbas industries is to be questioned by some scholars, the ongoing conflict introduced reassessment of the regional aspects of the economy in Ukraine⁴.

Moreover, Ukraine is a unitary state with much of the population having identities of Russians and Ukrainians ethnically and linguistically and those identities were formed long ago during the 17th and 18 centuries. Its construction laid the foundation within historical links accession of various parts of the country to Habsburg, Ottoman and Russian empires that also produced an impact on the ethnic configuration in Western and South Ukraine⁵. According to the census of 2001, 0,9% of the population consists of Romanians, Hungarians and poles and 0,5% of the population are Crimean Tatars which in the Crimean context are relatively formidable figures⁶. But the ordinary question should arise: *and so what?* Many multinational and multiethnic countries are under their way and those states function well and are stable in their natures. However, the essence of Ukraine was well-described

¹ Understanding Decentralisation Systems. OECD Library, n.d. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/53013b71-en/index.html?itemId=/content/component/53013b71-en>.

² *Salnykova A.* «Barriers to Inter-Group Deliberation in Divided Ukraine». B Democratic Deliberation in Deeply Divided Societies, ed. Juan E. Ugarriza and Didier Caluwaerts, 89–111. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. Doi: 10.1057/9781137357816_6. P. 89–90.

³ Welle (www.dw.com), Deutsche. The Significance of the Donbas | DW | 15.04.2014 // DW.COM. Viewed 9 December 2020. <https://www.dw.com/en/the-significance-of-the-donbas/a-17567049>.

⁴ *Kirchner R., Giucci R.* The Economy of the Donbas in Figures. Technical Note. Institute for Economic Research and Policy Consulting, 2014. URL: https://www.beratergruppe-ukraine.de/download/TN/TN_04_2014_en.pdf. P. 2.

⁵ *Sasse G.* The “New” Ukraine: A State of Regions. Regional & Federal Studies 11. N 3 (September 2001). P. 69–100. Doi: 10.1080/714004704. P. 69–70.

⁶ The number and composition of the population of Ukraine according to the results of the 2001 All-Ukrainian Population Census. State Statistics Committee of Ukraine, 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.

by G. Sasse where she argued that it is “a state of regions” where “...regional factor was bound to shape Ukraine’s post-Soviet political and economic development...”⁷.

In other words, the history of being a “borderland” space between empires led to the emergence of cleavages and split the country into so-called “pro-European”, “pro-Russian” and central ‘mix’ parts⁸. Political decentralization could be one of the answers to the issue of multiple identities to halt further separation⁹. The Year of 2014, apart from the conflict in Eastern Ukraine and annexation of Crimea, was marked as well by the implementation of the reform on the decentralization of the regions, and in 2019 the plan entered into the second, substantive phase¹⁰. Therefore, this paper aims to trace decentralizing policy of Ukraine towards the Donbas region before 2014 and to compare with what they were are currently negotiating. For that, I will employ the six-dimension typology by D. Treisman to assess the state of affairs with the focus on Donbas. Thus, the research question of the paper is such: *What are the differences between Ukrainian decentralizing policy towards Donbas before the Ukrainian crisis and after?*

Theoretical framework

Understanding decentralization policy of the state towards region implies not only theorization of the term “region”, but also theorization of decentralization. Hence, this part firstly will introduce a discussion of the region, and then a short literature review will be made on decentralization and chosen typology. The notion of the region itself is flexible and vague enough to adjust to the perspective of the researcher to show attributes that relate to such as economy, culture, religion, but the only thing that will be left unchangeable: geographical territory¹¹. In addition to the territory, regions are socially, economically and culturally constructed throughout history, thus they are changing as argued by Bickerton and Gagnon¹². Different theorizations of the term include such as modernization paradigm where regions

⁷ Sasse G. The “New” Ukraine: A State of Regions. *Regional & Federal Studies* 11. N 3 (September 2001). P. 69–100. Doi: 10.1080/714004704. P. 69–70.

⁸ Ibid.

⁹ Treisman D. *Defining and Measuring Decentralization: A Global Perspective*. 2002. P. 24.

¹⁰ Romanova V., Umland A. *Ukraine’s Decentralization Reforms Since 2014 Initial Achievements and Future Challenges*. *Ukraine Forum: The Royal Institute of International Affairs*, september 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-09-24-UkraineDecentralization.pdf>. P. 2.

¹¹ Bickerton J., Gagnon A.-G. *Regions in Caramani, Daniele. Comparative politics: na*. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2020. P. 276.

¹² Ibid.

were fading remnants of the past or Marxist and institutionalist approaches which premises can be easily guessed from their names¹³.

Here we combine the understanding of the region as the geographic space where for regional identity and politics both institutions and cultures are essential, that way combining culturalism and institutionalist approach¹⁴. Appropriateness of such understanding lies within the ethnic composition which promotes “dual” or “multiple” identities as Donetsk region populated with 38,2% of Russians and 56,6% of Ukrainians¹⁵. If to move to central Ukraine, one will see that the Russian population there equals less than 20%¹⁶. So, the ethnic diversity is quite strong in the region and controlling institutions can introduce such as laws and organizations on the language, education and culture policies and those are *vital to the population*.

The autonomy leads us to the consideration of decentralization and how it relates to Ukraine. The notion of decentralization can be either viewed as dichotomous or continuous and the article relies on the latter assumption. That way, the state is located somewhere between being decentralized and centralized depending on the existing system or *set of concepts* and it appears to be “a matter of a degree”¹⁷. Some authors like Faletti claimed for decentralization to be a process because her definition of decentralization is centered around a set of reforms on the allocation of the resources and power authorities (autonomies) to the lower tiers of government¹⁸. For us, this view fits nicely into our empirical framework of decentralization reform in Ukraine. However, in literature many works address the issue of its degree and effectiveness and since decentralization turns out as a popular policy for both federal and unitary states worldwide¹⁹.

First of all, there is a strand of researchers who address the effectiveness of decentralization in frames of virtually similar policy reforms like mentioned above

¹³ Ibid. P. 277–279.

¹⁴ Ibid. P. 277.

¹⁵ The number and composition of the population of Ukraine according to the results of the 2001 All-Ukrainian Population Census. State Statistics Committee of Ukraine, 2001; *Bickerton J., Gagnon A.-G.* Regions in Caramani, Daniele. Comparative politics: na. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2020. P. 280.

¹⁶ The number and composition of the population of Ukraine according to the results of the 2001 All-Ukrainian Population Census. State Statistics Committee of Ukraine, 2001.

¹⁷ *Treisman D.* Defining and Measuring Decentralization: A Global Perspective. 2002. P. 3.

¹⁸ *Falletti T.G.* A Sequential Theory of Decentralization: Latin American Cases in Comparative Perspective. American Political Science Review. 2005. Vol. 99. N 3. Doi: 10.1017/S0003055405051695. P. 3.

¹⁹ *Sharma C.K.* «Decentralization Dilemma: Measuring the Degree and Evaluating the Outcomes // The Indian Journal of Political Science. 2006. Vol. 67. N 1. P. 49.

Faletti. Or some authors actively deal with the issue of indeterminacy of decentralization and comparative measurement of its degree like Sharma (2006). The most famous typology of decentralization involves political, administrative and fiscal decentralization and interaction between these three branches²⁰. Political refers to the political and electoral representation of subnational units while administrative decentralization manifests in the transfer of administrative and social responsibilities (health, education, etc.) and finally, fiscal autonomy includes an increase in units' funding, revenue sharing, a delegation of taxes to sub-national level and many other aspects²¹. Depending on the order of implementation of these three dimensions, Faletti argued for different outcomes of decentralization in terms of autonomy's degree.

But this article perceives Treisman's approach of six types of division as more suitable and it encompasses vertical decentralization, decision-making authority, appointment, electoral, fiscal and personnel decentralization²². This categorization allows for more flexibility and more complex treatment as that way one can isolate decision-making, electoral and personnel from political and administrative decentralization as separate variables as well as to add levels of tier that is known as a vertical decentralization and will be measured by the number of levels. Decision-making authority relates to the ability to take independent decisions on particular policy fields and can be measured by the number of fields where a decision is left for subnational units, while appointment type reveals whether officials at the second tier are appointed/dismissed by the first tier and we will use 1 as an indicator of officials being appointed/elected at the same tier and 0 as the indicator of upper involvement²³.

Electoral dimension, in its turn, indicates the nature of selection whether an official is elected or appointed and it is measured in the same manner as an appointment (1 for elections and 0 for a direct appointment), while fiscal autonomy is considered strong when a subnational unit enjoys a larger portion of total tax revenues and here we apply simple comparison of distributed money²⁴. The last type of decentralization by Treisman relates to the numbers of officials working at

²⁰ For instance, view: Manor, James. 1999. *The Political Economy of Democratic Decentralization*; Penfold-Becerra, Michael. 1999. "Institutional Electoral Incentives and Decentralization Outcomes: Comparing Colombia and Venezuela". Ph.D. Thesis, Political Science, Columbia University, New York, NY. Washington, DC: The World Bank.

²¹ *Faletti T.G. A Sequential Theory of Decentralization: Latin American Cases in Comparative Perspective*. American Political Science Review. 2005. Vol. 99. N 3. Doi: 10.1017/S0003055405051695. P. 3–4.

²² *Ibid.* P. 5.

²³ *Treisman D. Defining and Measuring Decentralization: A Global Perspective.* 2002. P. 6–10.

²⁴ *Ibid.* P. 11–12.

different tiers and correspondingly it will be measured²⁵. That way, I will present in the empirical part a table with a comparative analysis of the decentralization situation in Ukraine towards Donbas, but because of the nature of Treisman's typology evidently one cannot come with an exact grade of the degree of decentralization only with comparison before and after Ukrainian crisis for similar dimensions.

Empirical part

Before the Ukrainian crisis of 2014, no systematic attempts were made towards decentralizing policies, only it did ratify European Charter on Local Self-government in 1997²⁶. That way, Ukraine did not have much experience and history of delegation the autonomy to the lower tiers and the reform for decentralization program started in 2014. The project has few main components: territorial reorganization of power, local self-government and regional policy, its main innovations are modification of the territorial and administrative units and delegation of taxation with the increase in the local budgets²⁷. In the end, the aim was to create 3 tiers of local governance – regional, district and community levels apart from a national level, so we suppose that level of vertical decentralization is significant for the unitary state²⁸. Quite similar was administrative division before 2020 as it included region which was divided into either district or city, and ended at the city, township and village councils²⁹.

However, the situation has changed in a way of 'constitutionalization' of this division and creation of executive self-governance body 'obshchyny', because before that last tier was not clearly regulated and even was placed as a burden for locals due to the poor financing³⁰. Clearly, we can put only 2 tiers Ukraine had before decentralization reforms because of the nominal nature. But, as for decision-making type, if to compare competencies introduced for self-governance tiers, one will see that many fields were given to the *basic* level (social and cultural programs for development, control over local budget and taxes, etc.), but these authorities

²⁵ Ibid. P. 13.

²⁶ Decentralisation in Ukraine Achievements, Expectations and Concerns». International Alert, August 2017. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Ukraine_Decentralisation_EN_2017.pdf. P. 3.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid. P. 4.

²⁹ Kil'kist' administrativno-terytorial'nykh odynyts' na 1 sichnya 2006 roku [Number of administrative-territorial units as of January 1, 2006]». 2021. Viewed 31 March. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/ds/ator/ator2006_u.htm.

³⁰ Pro poperednye shkvalennya zakonoproektu pro vnesennya zmin do Konstytutsiyi Ukrayiny shchodo detsentralizatsiyi vlady [On preliminary approval of the bill on amendments to the Constitution of Ukraine on decentralization of power]. 2021. Official Web Portal of the Parliament of Ukraine. Retrieved March 31. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/656-19>.

did not work due to the absence of direct contact with other tiers and lack of finance, moreover, they had often overlapping responsibilities (local councils and administrations)³¹.

That way, we argue that for now as authorities are still being allocated to these three tiers, the proposed measurement of some competencies will not be reflective at all and hence for not this article lefts out this type of decentralization unless a more appropriate tool for comparison will not become up with³². From another hand, both appointment and electoral decentralization seemed to be strong enough and can be marked as 1 before and after reform started because bodies of self-governance appoint their heads at their tiers and do not involve representatives from other tiers³³. And electoral decentralization as well is marked as 1 before and after reform started in 2014 as all deputies and representatives are elected to self-governance bodies³⁴. For instance, 367 of the communities as of 2016 held local elections in the councils³⁵.

Fiscal autonomy, at first glance, seemed to be the only type of decentralization where under chosen typology changes can be observed. Before the crisis, the financial base for local self-governance was considered to be the only movable and immovable property of this locality and little funding according to Constitution had to be introduced to these local councils³⁶. In contrast, after the introduction of decentralization, the revenues of communities increased by 124 billion of hryvnia in 2017³⁷. Moreover, from now on changes to Constitution encompass "mistsevi podatky i zbory, chastyna zahal'noderzhavnykh podatkov ta inshi dokhody mistsevykh

³¹ Zakonodavstvo Ukrainy [Legislation of Ukraine]. 2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/paran4202#n4202>. (Article 118, 143.)

³² Decentralisation in Ukraine Achievements, Expectations and Concerns. *International Alert*, August 2017. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Ukraine_Decentralisation_EN_2017.pdf. P. 2.

³³ Zakonodavstvo Ukrainy. N.D. [Legislation of Ukraine] Available at. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/paran4202>.

³⁴ Ibid.

³⁵ Sobstvennyye dokhody mestnykh byudzhetov vozrosli na 124 milliarda [Own revenues of local budgets increased by 124 billion]». Viewed 12 December 2020. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-regions/2423256-sobstvennyye-dohody-mestnyh-budzetov-vozrosli-na-124-milliarda.html>.

³⁶ Zakonodavstvo Ukrainy [Legislation of Ukraine]. 2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/paran4202#n4202>. (Article 142.)

³⁷ Sobstvennyye dokhody mestnykh byudzhetov vozrosli na 124 milliarda [Own revenues of local budgets increased by 124 billion]. Viewed 12 December 2020. URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-regions/2423256-sobstvennyye-dohody-mestnyh-budzetov-vozrosli-na-124-milliarda.html>.

byudzhetiv" [local taxes and fees, *part of national taxes* and other revenues of local budgets] as a financing basis for local governance³⁸.

Indeed vital changes into the decentralizing fiscal structures were adopted. Although, personnel decentralization could not be discussed here as the new communities are emerging with new officials and the changes into the Constitution were not yet brought. The issue of Ukrainian changes to decentralizing mechanisms after and before the crisis lies in the fact that at the level of law certain autonomies were existent for councils, but in reality, their 'constitutional' power was weak and almost non-existent in real life. Thus, for a proper comparison, one should further think of additional indicators or way of measurement, especially in case of little appropriate data on decision-making and personnel.

We should view discussed above types of decentralization as direct towards the Donbas region as Ukraine does not have any special conditions on it. One of the points of the actuality of this analysis lies exactly in the well-established position of DNR and LNR on the settlement of the conflict that Ukraine should adopt a special status of these two regions. It should be made together with decentralization which is about the local appointment of judges, own policing services and use a right for language determination³⁹. The history of Donbas's engagement in pursuing its language and cultural interests and Russian self-determination before 2014 can surely be labelled as regionalization. Which meant the active participation or mobilization of the regional population-based on its identity, interests and so on⁴⁰.

³⁸ Pro poperednye skhvalennya zakonoproektu pro vnesennya zmin do Konstytutsiyi Ukrayiny shchodo detsentralizatsiyi vladly [On preliminary approval of the bill on amendments to the Constitution of Ukraine on decentralization of power]. 2021. Official Web Portal of the Parliament of Ukraine. Retrieved March 31. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/656-19>. (Article 142.)

³⁹ Kravchuk otritsayet osoby status dlya Donbassa v Minskikh dogovorennostyakh [Kravchuk denies special status for Donbass in Minsk agreements] // Interfax.ru. Viewed December 2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/720310>.

⁴⁰ Bickerton J., Gagnon A.-G. Regions in Caramani, Daniele. Comparative politics: na. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2020. P. 277.

Types of Decentralization by Daniel Treisman	Decentralization Before Ukrainian Crisis	Decentralization After Ukrainian Crisis (second phase 2019)
Vertical decentralization	3 (including national)	4 (including national)
Decision-making decentralization	–	–
Appointment decentralization	1	1
Electoral decentralization	1	1
Fiscal decentralization	Financial basis: <ul style="list-style-type: none"> – Movable & immovable property of administrative unit 	Financial basis: <ul style="list-style-type: none"> – Movable & immovable property of administrative unit – local taxes and fees, <i>part of national taxes</i> and other revenues of local budgets – ↑ increase in local revenues by 124 billion UAH (2017)
Personnel decentralization	–	–

Ukraine from its side is not eager to grant special statuses, though leaders of the country in 2020 started to speak about “free economic area” in Donbas as a measure of settling the conflict and no concrete decision on that was taken⁴¹. And essentially, after in 2019 law of Ukrainian state language was enforced, the situation with minorities got worse as Russian-taught schools and universities are turning into Ukrainian-taught, etc.⁴² Therefore, there is no evidence, apart from

⁴¹ Svobodnuyu ekonomicheskuyu zonu khotyat sozdat' ne tol'ko na Donbasse, no i v zapadnoy oblasti. Eto dolzhno ob'yedinit' stranu [They want to create a free economic zone not only in Donbass, but also in the western region. It should unite the country]. Viewed 12 December 2020. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/svobodnuyu-ekonomicheskuyu-zonu-hotyat-sozdat-ne-tolko-na-donbasse-no-i-v-zapadnoj-oblasti-eto-dolzhno-obuedinit-stranu>.

⁴² Welle (www.dw.com), Deutsche. God s novym zakonom ob ukrainskom yazyke. Chto izmenilos'? | DW | 16.07.2020 [Year with a new law on the Ukrai-

statements and propositions, that Ukraine is ready for the concessions and autonomy that Donbas wants from the state. Furthermore, what we have seen above from decentralization reform, financial support and 'practical' abilities for self-governance had increased, but Donbas has already higher demands than decentralization reform provides.

Conclusion

This essay presents an outline of the decentralization process both in Ukraine and in the Donbas region in particular. Initially, there was the following research question that was addressed: *What are the differences between Ukrainian decentralizing policy towards Donbas before the Ukrainian crisis and after?* First and foremost, this paper covered the issue of why Donetsk and Luhansk regions are so "regionalized". This is due to the historically established dual ethnicities within Ukraine – of Ukrainians and Russians, bounded by linguistic self-determination that was mainly justified by its "bordering" nature. Secondly, was introduced an understanding of the concept "region" within the theoretical framework of culturalism and institutionalism concerning the Donbas region which can be called a radical "regionalizer".

Thirdly, decentralization and its types were shortly discussed and Ukrainian reform on decentralization was analyzed with the usage of Treisman conceptual framework. In the end, one can see that before 2014 there were some decentralizing mechanisms overall and towards Donbas, however, almost all autonomies were 'paper' and had poor budgets. While the level of decentralization increased and consolidates dramatically with the new reform for the fiscal, vertical decentralization and decision-making, electoral and appointment types seemed to stay the same by chosen indicators. Finally, there is little correlation nowadays between what Donbas wants and what Ukraine suggests, since it is not ready to grant special statuses. The results can be used in future research for the more comprehensive analysis of this reform to produce more proposer indicators for comparison of decision-making and personnel decentralization.

nian language. What changed? | DW | 07/16/2020] // DW.COM. Viewed 12 December 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D1%81-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%BC-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%BE%D0%B1-%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC-%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%8C/a-54199514>.

Sources

Bickerton J., Gagnon A. -G. Regions in Caramani, Daniele // Comparative politics: na. 5th ed. New York: Oxford University Press, 2020.

Decentralisation in Ukraine Achievements, Expectations and Concerns // International Alert, August 2017. URL: https://www.international-alert.org/sites/default/files/Ukraine_Decentralisation_EN_2017.pdf.

Falletti T.G. A Sequential Theory of Decentralization: Latin American Cases in Comparative Perspective // American Political Science Review. 2005. Vol. 99. N 3. P. 327–346. Doi: 10.1017/S0003055405051695.

Kil'kisti' administratyvno-terytorial'nykh odynyts' na 1 sichnya 2006 roku [Number of administrative-territorial units as of January 1, 2006]. 2021. Viewed 31 March. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/operativ/operativ2006/ds/ator/ator2006_u.htm.

Kirchner R., Giucci R. The Economy of the Donbas in Figures. Technical Note. Institute for Economic Research and Policy Consulting, 2014. URL: https://www.beratergruppe-ukraine.de/download/TN/TN_04_2014_en.pdf.

Kravchuk otritsayet osobyby status dlya Donbassa v Minskikh dogovorenostyakh [*Kravchuk denies special status for Donbass in Minsk agreements*] // Interfax.ru. Viewed December 2020. URL: <https://www.interfax.ru/world/720310>.

Pro poperednye skhvalennya zakonoproektu pro vnesennya zmin do Konstytutsiyi Ukrayiny shchodo detsentralizatsiyi vlady [On preliminary approval of the bill on amendments to the Constitution of Ukraine on decentralization of power]. 2021. Official web portal of the Parliament of Ukraine. Retrieved March 31. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/go/656-19>.

Romanova V., Umland A. Ukraine's Decentralization Reforms Since 2014 Initial Achievements and Future Challenges». Ukraine Forum: The Royal Institute of International Affairs, September 2019. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/2019-09-24-UkraineDecentralization.pdf>.

Salnykova A. Barriers to Inter-Group Deliberation in Divided Ukraine // Democratic Deliberation in Deeply Divided Societies / ed. by J.E. Ugarriza, D. Caluwaerts. P. 89–111. London: Palgrave Macmillan UK, 2014. Doi: 10.1057/9781137357816_6.

Sasse G. The "New" Ukraine: A State of Regions» // Regional & Federal Studies. Vol. 11. N 3 (September 2001). P. 69–100. Doi: 10.1080/714004704.

Sharma C.K. Decentralization Dilemma: Measuring the Degree and Evaluating the Outcomes // The Indian Journal of Political Science. 2006. Vol. 67. N 1. P. 49–64.

Substvennyye dokhody mestnykh byudzhetov vozrosli na 124 milliarda [*Own revenues of local budgets increased by 124 billion*]. Viewed 12 December 2020.

URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-regions/2423256-sobstvennye-dohody-mestnyh-budzetov-vozrosli-na-124-milliarda.html>.

Svobodnuyu ekonomicheskuyu zonu khotyat sozdat' ne tol'ko na Donbasse, no i v zapadnoy oblasti. Eto dolzhno ob'yedinit' stranu [They want to create a free economic zone not only in Donbass, but also in the western region. It should unite the country]. Viewed 12 December 2020. URL: <https://hromadske.ua/ru/posts/svobodnuyu-ekonomicheskuyu-zonu-hotyat-sozdat-ne-tolko-na-donbasse-no-i-v-zapadnoj-oblasti-eto-dolzhno-obuedinit-stranu>.

The number and composition of the population of Ukraine according to the results of the 2001 All-Ukrainian Population Census // State Statistics Committee of Ukraine. 2001. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>.

Treisman D. Defining and Measuring Decentralization: A Global Perspective. 2002. P. 1–38 (unpublished).

Understanding Decentralisation Systems. OECD Library, n.d. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/53013b71-en/index.html?itemId=/content/component/53013b71-en>.

Welle (www.dw.com), Deutsche. God s novym zakonom ob ukrainskom ya-zyke. Chto izmenilos'? | DW | 16.07.2020 [Year with a new law on the Ukrainian language. What changed? | DW | 07/16/2020]. DW.COM. Viewed 12 December 2020. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B3%D0%BE%D0%B4-%D1%81-%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%BC-%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC-%D0%BE%D0%B1%D1%83%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B5-%D1%87%D1%82%D0%BE-%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BB%D0%BE%D1%81%D1%8C/a-54199514>.

Welle (www.dw.com), Deutsche. The Significance of the Donbas | DW | 15.04.2014 // DW.COM. Viewed 9 December 2020. URL: <https://www.dw.com/en/the-significance-of-the-donbas/a-17567049>.

Zakonodavstvo Ukrainy [*Legislation of Ukraine*]. 2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80/paran4202#n4202>.

Shepeleva Anastasiia

The shift in Germany's political landscape: explanation, why the right-wing forces became more popular, based on the results of the Bundestag elections 2017 and the European Parliamentary elections 2019 in Germany

Shepeleva Anastasiia –

the student of the 4th course of the Bachelor program “Political science and World Politics” in the National Research University “Higher School of Economics” in St. Petersburg.

*To contact the author:
amshepeleva@edu.hse.ru*

Для цитирования:

Shepeleva A. The shift in Germany's political landscape: explanation, why the right-wing forces became more popular, based on the results of the Bundestag elections 2017

Abstract

Over the past few years in the European countries, we can see a clear shift to the right side in the political landscape. The right-wing parties in Europe are usually proclaiming the ideas of the national identity, traditional family values, policy against immigration, and Islamization. This phenomenon is quite extraordinary because of the high level of democracy and tolerance among European states, that is why the reasons of the votes' raising for the right political parties is a very hotly debated issue in the recent political discourse. In this essay, the situation in Germany and its right party “Alternative

and the European Parliamentary elections 2019 in Germany // Generation PP – 2021.

Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.13

für Deutschland“ (AfD) will be analyzed, which is gaining with years more and more popularity of the German population since its foundation in 2013 for understanding the reasons of popularity to the AfD and the future projections according to Germany’s political landscape.

Keywords: right-wing parties, Alternative for Germany, Bundestag elections, European Parliamentary elections.

Introduction

Over the past few years in the European countries, we can see a clear shift to the right side in the political landscape. The right-wing parties in Europe are usually proclaiming the ideas of the national identity, traditional family values, policy against immigration, and Islamization. This phenomenon is quite extraordinary because of the high level of democracy and tolerance among European states, that is why the reasons of the votes' raising for the right political parties is a very hotly debated issue in the recent political discourse. The goal of this essay is to analyze the situation in Germany and to explain, why its right party "Alternative für Deutschland" (AfD) is gaining with years more and more popularity of the German population since its foundation in 2013. The case of Germany is interesting, firstly, due to the German historical background. Beginning with the end of the Second World War, when the German state had Nazism as an official ideology and implemented the racist policy, this country became one of the most active campaigners against national discrimination and even every little open manifestation of nationalism. I have personally participated one year ago in the memorial ceremony of the Bundestag, which was dedicated to the victims of National Socialism and was organized for the young people, who are interested in politics and the topics of national identity, racism, and history. And this event helped me to understand that both the German government and society try to apologize for their violent past and to educate the future generation of tolerance and respect to every culture and nation on the example of previous mistakes. And, at the first glance, the policy of tolerance seems to be very successful, but if we will look at the political arena and, for instance, at the elections to the Bundestag in 2017 and the last European Parliamentary elections in Germany in 2019, we can notice that people are getting more conservative and the AfD with its strict anti-immigration and national identity attitudes wins the significant number of votes. And the questions, which I want to pose in my essay, are: what are the reasons for the popularity of the AfD? What are the results of the last European Parliamentary elections in Germany? What kind of future projections according to Germany's political landscape there are? To have answers to these questions is important not only for a better understanding of the situation today in Germany but also in the whole European Union.

Main part

Germany as a country with a high level of loyalty to immigrants and good standards and conditions of living gets, especially since the beginning of 2015 (the European refugees' crisis), large number of people, who are coming there for working, studying, or as asylum seekers. Christin Hess and Simon Green write in their article about migration in Germany that "Germany has become one of the world's principal destinations for immigration as well as Europe's top destination

and now it is a de-facto country of immigration, marked by rich ethnocultural diversity" [Hess, Green 2016: 315]. If in the past, in the times after World War II, migration was mostly motivated by labor issues, nowadays it is the result of civil wars and terrorism in the countries of the Middle East and Northern Africa. So, refugees, who are leaving such parts of the world, have different from European part culture and religious background. As a result, it is difficult for them to integrate into European society, accept its traditions, and be accepted by their own views and values. According to the Migration and migrant population statistic by Eurostat, the European Union got 2.4 million immigrants from non-member countries in 2017 [Eurostat 2019: 1–2]. The statistic of immigrants for Germany to this year was 917.1 thousand people, which means that Germany has the largest total number of immigrants comparing with other European states [ibid.]. Even for tolerantly-raised Germans, such a big percentage of immigrants has caused concern about the future of their nation in terms of saving historical traditions and Christianity. This problem can be a good reason why the right party AfD, which has in its manifesto the idea about decreasing the number of immigrants to Germany, gained a lot of votes from Germans, hoping to stop the process of migration, in the Bundestag elections 2017. But before analyzing the other reasons, it needs to briefly describe the party "Alternative für Deutschland" for better understanding, which party is it and what kind of political program attracts the German population in the last years.

Alternative für Deutschland (AfD) was founded in February 2013 and right after its foundation gets a lot of attention and discussions by the society and media [Berbair, Lewandowsky, Siri 2015: 154]. The initial issue of the party program was, firstly, skepticism about staying of Germany in the eurozone [ibid.: 155]. Politicians of AfD would like to turn back DM (Deutsche Mark) as the currency of the state. Moreover, the crucial part of its policy is criticism towards other German political parties and system in general, as well as discontent with the European Union [ibid.]. AfD's program differs significantly from the other German parties. Its success was, in the opinion of Berbair, Lewandowsky, and Siri, due to the establishment of the regional branches in all 16 Bundesländer and wide media coverage that, as a result, made AfD "one of the most successful newly founded parties in Germany since the 1950s" [ibid.: 154–155]. From the start of the European migration crisis, the party caught the sentiment of Germans about the tightening of migration policy and began to raise this issue. The sympathizers of AfD are mostly politically-interested men (80%) in the middle age and secondary educated (approximately 50%) from the working class, who have a salary between 2000 and 5000 Euros monthly [ibid.: 168]. This fact can be understood as the next reason for voting for AfD: German people are not only afraid to lose their ethnic and religious identity but also worrying about their employment. Immigrants can get their working places and Germans will stay out of work [Bergmann, Diermeier, Niehues 2017: 59]. So to say,

the economic situation of the country plays a huge role in the preferences of the electorate along with the cultural values.

As the third reason for the AfD's popularity can be named its successful strategy in social media. Mass media are very powerful in our time and can be somehow called actors in the political sphere of every state. Politicians are easily manipulating people's political views and opinions using TV, Radio, Internet, and print media, and those, who are smart enough to find the right tool can strongly influence the voters. It is not said in vain that the media are "the Fourth Estate". And according to the authors of the article "The Rise of Germany's AfD: A Social Media Analysis" the online presence of the AfD was a key to its success [Carlos et al. 2019: 215]. The party achieved effectiveness in mass media because it was using alternative media such as social media platforms like Facebook, Twitter, Instagram, and YouTube for spreading its messages [ibid.]. Moreover, the AfD does not just use social networks for delivering the information it is also doing it very active and with the help of provocative rhetoric and online manipulations as the creation of "automated fake accounts that are fashioned to look like real users and whose purpose is to virtualize topics, manipulate public opinion and amplified the online reach of the AfD's message" [ibid: 216]. Maybe all these methods sound like unfair behavior in electoral competition for gaining more votes, but it works and gives a lot of freedom to such populist parties like Alternative für Deutschland for dissemination of its ideology, messages, and attraction of social media users.

As a summary for all reasons for the rising of votes for the party AfD from the reviewed articles, which were mentioned above, can be the research article "The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany". It confirms the previous causes like economic condition of the state, Eurosceptic and nationalistic sentiments of the electorate, the desire to save ethnic identity and religion, and the successful media policy of the AfD, and add a new one: political dissatisfaction of the current ruling party and politicians represented by the Bundeskanzlerin Angela Merkel and the party "Christlich Demokratische Union Deutschlands" (CDU) [Gorres, Spies, Kumlin 2017: 13]. The supporters of right-wing parties "are voting usually "against things", which means that they want to show discontent for "those up there" [ibid.] – think the authors of this work. They claim that populist rhetoric attracts this part of the electorate because it is distrustful and critical to the ruling politicians, political institutions, and media. AfD's sympathizers believe that elites are corrupted or too arrogant, and do not solve the problems of the state and do not react to their demands [ibid: 14].

After analyzing the possible reasons for the popularity of Alternative for Germany, it would be useful to move to the second part of the essay and to demonstrate the statistical data.

The elections to the Bundestag in 2017 were more successful for AfD comparing with the elections to the European Parliament in 2019. In Bundestag elections 2017 the party made a big breakthrough from the elections in 2013 and got 94 seats when in 2013 it got nothing [Der Bundeswahlleiter 2017] (Fig. 1):

CDU	200 seats (2013: 255),
SPD	153 seats (2013: 193)
AfD	94 seats (2013: -)
FDP	80 seats (2013: -)
Die Linke	69 seats (2013: 64)
Grüne	67 seats (2013: 63)
CSU	46 seats (2013: 56)

Fig 1. From *Der Bundestagleiter. 2017. "Bundestagswahl 2017: Endgültiges Ergebnis"* (was translated to English)

It happened because all the names in the first part of this essay reasons have significantly influenced on Germans and the near elections, where they could show the shifting of their political consciousness, were the Bundestag elections and it obviously reflected the changes and surprised the government with the gaining of the right party with nationalistic views so many seats from the long period (the war-times).

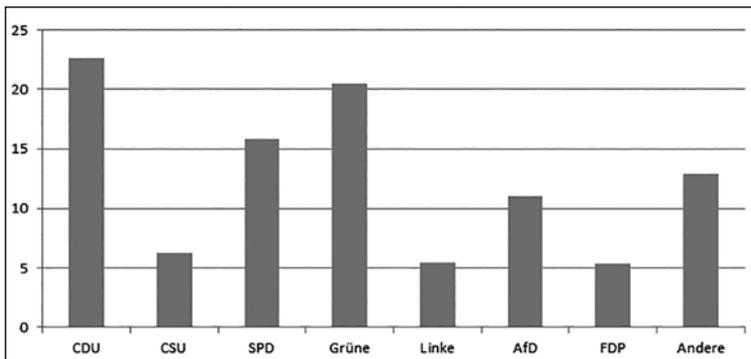

Fig. 2. From *Der Bundeswahlleiter. 2019. "Europawahl 2019: Endgültiges Ergebnis"*

But the last elections to the Parliament, which names in Germany as Europawahl 2019, represents the current situation on Germany's political landscape and shows that the AfD is still a strong party after 2 years of its resounding rising of popularity. The party gained 11% of the votes and took fourth place, which is more than the results of the Left party, CSU and FDP [Der Bundeswahlleiter 2019] (Fig. 2).

Although, the news source "The Local.de" writes about it in a bit negative perspective: "The party took about 10 percent of the vote in Germany, signaling that it's still a strong force, although it arguably didn't do as well as many were expecting (earlier polls put the AfD at around 12 percent)" [Loxton 2019]. It is connected with the fact that the party "Grüne" beat out the AfD and gained more votes. But such tendency is easily explainable: Greta Thunberg from Sweden reminded with her speech about the environmental problems of our world and mobilized electorate (especially its young part) from the whole European Union for voting for the parties, which manifestos are about the safety of nature [ibid.]. That is why the German electorate also moved from the issue of ethnic identity to the question about the preservation of the environment. However, such a result of the "green" rise is not equal for every Bundesland. According to the German news channel "Tagesschau" in Sachsen and Brandenburg, the AfD is the most popular party by voters, which got the biggest percentage of votes during the Europawahl 2019 [Tagesschau 2019]. So, it can be concluded that some Bundesländer are more or less "sensitive" to ethnic and environmental problems. It could be assumed that their citizens differ to the economic and cultural levels and that is why it influences their political preferences, according to the reasons of different voting behavior on the example of AfD supporters from the literature part.

Speaking about future predicting of political changes in Germany, it is hard to forecast what awaits this country. The Socialist party became less popular that can affect the ruling coalition; the AfD still got public support and the CDU is also not in its best position [Amaro 2019]. The question about Angela Merkel's leaving of the political arena is a hotly debated issue in mass media and no one knows the best option for Germany now. But there are problems, which the German government wants to deal with: climate change, higher minimum wages, and different fiscal rules, the wider policies of the European Union are staying away for now [ibid.].

Conclusion

Germany is not in the best time in terms of its political situation. Some reasons as the crisis of ethnic identity, the high number of immigrants, propaganda of mass media, and some economic causes, which were discussed in this work, influences the emergence of political uncertainty and the discontent of German society towards ruling politicians and parties. In the last years, we can see the rise of the popularity of the right party AfD, which is promoting the opposite policy to the current

and promises to improve the country and to deal with festering issues. The analyses of the literature and mass media sources with statistical data help to understand the reasons for the party's success and the whole political landscape in Germany so far. But it can be argued that the main cause, which triggered the electorate for supporting the parties with nationalistic views in European countries in general, was the European migration crisis 2015. Now it is interesting to follow the changes in Germany and to see whether the political uncertainty became more acute. The current situation with the pandemic, which was difficult for every government in the world, showed some difficulties inside the party AfD and with its previous years' supporters. During the crisis, the main parts of the Alternative for Germany political directions were implemented by the ruling party with Angela Merkel as its head. For example, greater stress on German interests, closing the borders, and support of local industries [Schütz 2020] that is why there is no more a need to support right-wing parties to make it happen for those who are likely to follow more nationalistic policies. Moreover, the own speeches of the party's representers about COVID-19 were quite controversial for their supporters (for instance, statements about conspiracy in all the pandemic's issues) and sounded populists which were unattractive for their "moderate" former [ibid.]. But, despite the problems that appeared because of COVID-19, there are internal challenges in the party. "The AfD's attempts to reposition itself have exposed deep splits in the party and its leadership, and confusion about what its policies really are" [ibid.] as it was stated in one of the recent articles about the AfD's popularity in pandemic times. According to it, it can be supposed, that in the next elections the party will be not so successful as in the elections that were discussed in this essay. But, anyway, the situation in Germany, as in every country in the world, is unclear, and the exact outcome cannot be predicted, but the internal problem in the party, if it will not solve it before elections, and the results of the pandemic can be a serious problem to gain the same number of votes as before.

Sources

Amaro S. (2019). How Germany could be set for a new political direction // CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2019/12/02/how-germany-could-be-set-for-a-new-political-direction-as-spd-chooses-new-leadership.html>.

Berbuir N., Lewandowsky M., Siri J. (2015). The AfD and its Sympathisers: Finally a Right-Wing Populist Movement in Germany? // *German Politics*. Vol. 24. N 2. P. 154–178.

Bergmann K., Diermeier M., Niehues J. (2017). Die AfD: Eine Partei der sich ausgeliefert fühlenden Durchschnitts-verdiener? // *ZParl Zeitschrift für Parlamentsfragen*. P. 57–75.

Carlos J., Serrano M., Shahrezaye M., Papakyriakopoulos O., Hegelich S. (2019). The Rise of Germany's AfD: A Social Media Analysis // International Conference on Social Media and Society, Toronto, ON, Canada. P. 214–223.

Der Bundeswahlleiter (2017). Bundestagswahl 2017 // Der Bundeswahlleiter. URL: [fromhttps://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/bund-99.html](https://www.bundeswahlleiter.de/bundestagswahlen/2017/ergebnisse/bund-99.html).

Der Bundeswahlleiter (2019). Europawahl 2019 // Der Bundeswahlleiter. URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/europawahlen/2019/ergebnisse.html>.

Eurostat (2019). Migration and migrant population statistics // Statistics Explained. P. 1–24.

Goerres A., Spies D., Kumlin S. (2017). The Electoral Supporter Base of the Alternative for Germany: an Analysis of a Panel Study of German Voters in 2015–16 // The annual conference of the Specialist Group on Political Economy of the German Political Science Association (DVPW) at the WSI Düsseldorf. P. 1–34.

Hess C., Green S. (2016). Introduction: The Changing Politics and Policies of Migration in Germany // German Politics. Vol. 25. N 3. P. 315–328.

Loxton R. (2019). The winners and losers: Six things to know about the EU elections in Germany // The local.de. URL: <https://www.thelocal.de/20190527/the-winners-and-losers-six-things-to-know-about-the-eu-elections-in-germany>.

Schütz S. (2020). How The Pandemic Dented The Popularity Of Germany's Far-Right AfD Party // NPR. URL: <https://www.npr.org/2020/12/29/950860206/how-the-pandemic-dented-the-popularity-of-germanys-far-right-afd-party>.

Tagesschau (2019). Wahlen in Ostdeutschland: AfD hofft auf blauen Herbst // Tagesschau. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/afd-osten-wahlen-101.html>.

Sidorov Nikita

Democratic Backsliding in European Union: Who's to Blame, What's to Be Done?

Sidorov Nikita –

*3rd year BA student of
“Political Science & World Politics”
at the National Research University
“Higher School of Economics”
in St. Petersburg.*

*To contact the author:
nidorov@edu.hse.ru*

Для цитирования:

*Sidorov N. Democratic Backsliding
in European Union: Who's to Blame,
What's to Be Done? //
Generation PP – 2021.*

*Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.14*

Abstract

This article discusses the notion of the democratic backsliding in the European Union from the three different perspectives. Firstly, it emphasises the theoretical limitations of the term backsliding. Secondly, it briefly describes the two most prominent cases of backsliding within the EU – Hungary and Poland, pinpointing their differences and similarities. And thirdly, it examines the array of possible solutions to curb the further backsliding. It is argued that a combination of both judicial and political means can help protect democracy, but they must be applied with the necessary precautions so as not to delegitimise the EU in the eyes of its citizens.

Keywords: European Union, democracy, backsliding, Hungary, Poland.

It is stated in the Lisbon Treaty that, “The [European] Union is founded on the values of respect for human dignity, freedom, *democracy*, equality, the rule of law and respect for human rights, including the rights of persons belonging to minorities”¹ (emphasis added), however in recent years there are concerns regarding the democratic quality in some Member States. This paper is dedicated to the analysis of the phenomenon of democratic backsliding in Europe, highlighting the two prominent cases of Hungary and Poland, while mostly focusing on the question of how to safeguard democracy in the EU and prevent any further the backsliding.

In the first section, I will elaborate on the theoretical basis of the “democratic backsliding”, then proceed to the discussion of relevant cases. The remainder of the paper would be dedicated to the possible solutions to the democratic deficit in the EU.

I. Democratic “Backsliding”?

Generally, democratic backsliding can be identified as “the state-led debilitation or elimination of any of the political institutions that sustain an existing democracy” [Bermeo 2016]. However, two caveats shall be considered: 1) as Nancy Bermeo herself notices, due to the abundance of different combinations of actors and measures at their disposal, the concept becomes too broad to have a real practical usage (without further specification); 2) semantically speaking, there are problems associated with the term “backsliding”, elaborated by Lührmann and Lindberg [Lührmann, Lindberg 2019]; in short: a) it does not catch the notion of ‘autocratic consolidation’ – when an already autocratic country moves towards a more closed authoritarian regime, b) also, as there are different types of autocratic rule – a regime can transform into something else, and c) “sliding” makes it sound like an involuntary process, which does not do justice to conscious actions political actors take in order to change a regime” [ibid.]. However, as I am concerned with exactly the situation when democracies undergo an authoritarian transformation, I believe the use of the term “backsliding” is justified.

II. Who’s to blame?

Unlike in the eponymous novel of A. Herzen, there are plenty of answers to the question regarding the blame for the democratic backsliding in the EU. Thus, I am going to just briefly sketch the framework of democratic backsliding in the EU.

Usually, scholars focus on “the two most dramatic cases: Hungary and Poland” [Cianetti, Dawson, Hanley 2018: 243]. And while there are been calls to “re-think”

¹ European Union, Treaty of Lisbon Amending the Treaty on European Union and the Treaty Establishing the European Community, 13 December 2007, 2007/C 306/01. URL: <https://www.refworld.org/docid/476258d32.html> (date of access: 21.11.2020).

[ibid.] democratic backsliding in the region and re-conceptualise it, I would stick to these particular cases as they are the most striking examples of deterioration of promising democracies (especially, in context of Hungary) into the 'grey zone' of hybrid regimes.

Before the backsliding, Hungary was "considered a post-communist success story" [Herman 2016: 252], with a respect to the rule of law and democracy (as required by the Copenhagen criteria). The situation began to change in 2010, when the Fidesz party led by Viktor Orbán (in coalition with Christian Democratic People's Party) won more than 2/3 of the seats in the elections, ensuring a comfortable majority in the Parliament. Then a new Constitution came into force in 2012 with "several symbolic and ideological changes... introduced" [Sadecki 2014]. Together with the weakening of the independent institutions, it allowed the regime to "be described with one of the degraded concepts of democracy" [Bozóki, Hegedűs 2018: 1174]. Then, the Constitutional Court has been reformed: *actio popularis* has been abolished, the parliament was allowed to nominate the presiding judge and also "the governing majority subsequently cemented the prohibition of amendment review into the FL [Fundamental Law], making it even more difficult for the Court to reverse it in the future" [Kelemen, Steuer 2015]. However, one particular characteristic of the Hungarian regime is the irreversibility of changes. It means that if the Fidesz loses elections, a new government would be limited in scope of the actions available to it. For example, a number of 'cardinal acts' (sarkalatos törvények) [Sadecki 2014] have been adopted, that are not subject to constitutional review and require a two-thirds majority to be amended. Additionally, the government prolonged tenures for the officials, so that their positions would be secured even after the defeat of Fidesz. All these developments allowed scholars to call the Hungarian regime "only, completely developed hybrid regime within the EU" [Bozóki, Hegedűs 2018].

The Polish case is a bit more complex. First of all, the illiberal course of actions was taken five years later than in Hungary – in 2015, when the government "started a process to take control or to systematically eliminate all checks and balances or any potential source of opposition" [Pech, Platon 2017]. Moreover, the "*legislative dimension of constitutional capture*" [Bozóki, Hegedűs 2018: 1177] (emphasis by the author) in Poland is fragile, as no statutes are requiring a supermajority to pass (i. e., analogous to the 'cardinal acts in Hungary'). Summing up, it is possible to conclude that the trajectories of these regimes are pretty similar – and aimed at dismantling the system of checks and balances and curbing the powers of the Constitutional Courts, however, "the dismantling of democracy and rule of law in Poland is still in progress, while in Hungary the hybrid regime is already entrenched and stabilised" [ibid.].

III. What's to be done?

How exactly might the EU prevent further backsliding and safeguard democracy? There exists a set of measures that can help to stop democratic backsliding. They can be divided into two general categories: judicial and political.

Judicial safeguards typically consist of two mechanisms: infringement procedure, when the European Commission may bring cases to the European Court of Justice (ECJ), and private litigation, which is a “decentralized litigation by private parties before national courts, potentially involving preliminary references from national courts to the ECJ” [Blauberger, Kelemen 2017: 3].

Regarding the infringement procedure, it can be said that, although there is some critique of the so-called “selective enforcement” [ibid.] – a practice when a Commission decides to go with the procedure only if it is more likely to win – it has a high potential of preventing the backsliding because it enjoys the substantial level of public support (as well as ECJ) exceeding those of national governments [ibid.: 5].

As for the private litigation, while the copious amount of ‘preliminary rulings’ sent to the ECJ by the national courts (used as a benchmark for measuring the development of private litigation) is encouraging [ibid.: 6–8], there is a broader problem with using this judicial mechanism for preventing backsliding, as “[g]overnments that are inclined to restrict liberal democracy and the rule of law will be likely to limit the independence of the judiciary and to impede the work of civil society organizations that might bring such litigation” [ibid.: 8–9].

Apart from the existing ways of law enforcement, scholars have advocated for the introduction of new judicial mechanisms. One of the proposed tools is the so-called systemic infringement action. It was proposed by Kim Scheppele, and the idea is that “the Commission could bundle together a set of infringing practices of an offending Member States” [Kim Lane Scheppele 2014]. The reasoning behind this proposal is to point out the *systemic* violations, “showing that the Member State has systematically breached EU law in multiple, connected ways” [ibid.] and not only on that particular occasion. Consider the example: in 2011 the office of the data privacy ombudsman in Hungary was abolished and the then ombudsmen dismissed in the middle of his term. Then, in 2012 the new office was created, and a new ombudsman appointed. After the removal of the former ombudsman, the European Commission took the case to the ECJ, and Hungary lost². However, Scheppele argues, under the systemic infringement action the ECJ and the Commission could have had a broader view on the issue, especially regarding the data protection in Hungary. And the view could have resembled the following, “Before he [ombudsman] was fired, Jóri [ombudsman] had alleged that the government of Hungary had violated EU law and the implementing Hungarian legislation by

² C-288/12, European Commission v. Hungary, 2014.

distributing personally identifiable questionnaires to Hungarian citizens asking for their political opinions” [Kim Lane Scheppelle 2014]. And after the ombudsman has been fired, the government continued this practice. In general, the situation could have looked much worse for Hungary, as “If the ECJ agrees that all these actions occurred as alleged and that there have been repeated breaches of the Data Protection Directive, then the ECJ could also find that Article 4 (3) had been violated by this systematic campaign of infringement” [ibid.].

However, as this mechanism aims at depoliticising “conflicts over fundamental values by pushing them into the courts” [Blauberger, Kelemen 2017], they risk politicising the judiciaries and “thus undermining their legitimacy and authority” [ibid.]. Furthermore, this proposal steps into the unknown legal field, that could easily disrupt the balance of power among the institutions of the EU.

As we can see, while the traditional judicial mechanisms could be deployed “more aggressively” [ibid.], there is a large room for improvement: for example, “Secondary legislation on the basis of Article 2 TEU would greatly enhance the force of these existing judicial instruments” [ibid.] by providing the much-needed clarity to the language of the TEU. However, judicial tools alone could not prevent the backsliding, so let us turn to the next set of mechanisms.

The second set of mechanisms to safeguard democracy in the EU are political tools. They usually include material sanctions and social influence.

Material sanctions are typically understood as a power of the EU, stated in the Article 7 of the TEU, to sanction a Member State if “there is a clear risk of a serious breach by a Member State of the values referred to in Article 2”. The scale of the sanctions, provided by the Article 7 is quite large: e. g., EU can “suspend certain of the rights... including the voting rights of the representative of the government of that Member State in the Council”. However, since it was included into TEU after the Amsterdam Treaty and up to today – it was not used at all. There are several reasons for this: first of all, “Article 7 requires very demanding majorities in EU institutions for the use of sanctions” [Sedelmeier 2017]; secondly, probably “isolating individual member states, and... alienating a government through applying sanctions would be detrimental to co-operative decision-making in the EU” [ibid.]. Also, there is a possibility that “material incentives are insufficient when used towards illiberal governments” [ibid.]. On the contrary, external pressure might produce ‘rally-round-the-flag’ effect, “as citizens are more likely to follow the lead of their élites in situations framed as crises...” [Schlippshak, Treib 2017]. On the other hand, if sanctions were more “specific”, i. e., “if ... [they would] not mean giving up all of their [governors] (illiberal) levers of power” [Sedelmeier 2017] “they [governors] might be more inclined to acquiesce to changing specific aspects of their illiberal system of governance” [ibid.]. Thus, it is possible to conclude that, 1) the sanctions that could have been imposed under the Article 7 of the TEU are too hard to

implement and would entail additional political costs for the isolation of the member of the EU; 2) “specific” sanctions might work if the trust in the EU institutions is not compromised (in such case the possibility of ‘rally-round-the-flag’ scenario is lower).

Another political mechanism to counter democratic backsliding is social pressure. It can be conceptualised as “influence without material leverage” [ibid.]. An example of the usage of social pressure by the EU can be found in the EU’s handling of the political crisis in Romania in 2012 during the impeachment process of President Basescu. EU reacted quickly, as both Commissioner and Council President “held a meeting with Ponta and obtained his commitment to comply with a list of 11 measures to restore the rule of law” [ibid.], thus showing the success of the social pressure mechanism. However, there are some nuances in this story that are worth considering. Firstly, the domestic factors, such as “a set of political miscalculations and coalition disagreements before the impeachment referendum, along with the USL’s opportunistic actions post-referendum” [Iusmen 2015: 600], and “a high legitimacy [of the EU] both with[in] the broader public and the main political parties” [Sedelmeier 2017] played an important role in acquiescing to the EU demands. Secondly, the EU did reinforce its pressure with the prospects of withholding Romania’s membership in the Schengen area (as a material sanction), which might have played a role.

Additionally, in 2014 the Commission adopted a new framework to strengthen the rule of law to “prevent the emerging of a systemic threat to the rule of law in that Member State that *could* develop into a “clear risk of a serious breach” within the meaning of Article 7 TEU” [European Commission 2014] (emphasis added). It is a “promising innovation” [Sedelmeier 2017] that can supply the Commission with “a more formal and structured procedure” [ibid.], that “should enjoy greater legitimacy than informal practice” [ibid.]. The idea is that if the rule of law is compromised in a Member State, the Commission would engage in a process consisting of “three stages: a Commission assessment, a Commission recommendation and a follow-up to the recommendation” [ibid.]. And while it may create the aforementioned formal and more legitimate way in dealing with the threats to the rule of law, it does not create any new powers for the Commission and “the Commission can ultimately still only resort to proposing the use of Article 7 if the process fails, it considers the rule of law mechanism a ‘pre-Article 7’ procedure” [Sedelmeier 2017].

IV. Conclusion

Summing up, the following paper attempted to a) discuss the practical limitations of the term backsliding, b) highlight the two most prominent cases of democratic backsliding within the EU – Hungary and Poland, and c) examine the possible options to prevent further backsliding. Regarding the former, it is possible to

conclude that while the trajectories of these two regimes are similar, Hungary is way ahead of Poland in the dismantling of the democratic institutions. And thus, the EU has to take a more active stance to prevent the further deterioration of the regime in Poland. But the question of *how to* prevent the backsliding remains vibrant. I argued that a lot could be done to prevent the democratic backsliding in the EU even with the existing toolkit. However, a set of ‘precautions’ must be considered. Firstly, the legitimacy of the EU institutions remains a necessary (although, maybe not sufficient) condition for successful prevention of backsliding; secondly, while material sanctions may prove to be efficient in discouraging illiberal intentions of the governments, they shall be applied with caution and target just the responsible persons and not the population (to avoid ‘rally-round-the-flag’ effect); thirdly, judicial mechanisms shall also be deployed in such a way to avoid politicisation of the judiciary (and prevent the undermining of the judicial authority); fourthly, the applicability of the sanctions under Article 7 of the TEU remains largely in question: as they can be considered ‘a nuclear option’. Lastly, I believe that in the best-case scenario, the joint application of mechanisms is the best way to prevent the backsliding and safeguard democracy.

Sources

Bermeo N. (2016). On Democratic Backsliding // *Journal of Democracy*. Vol. 27. N 1. P. 5–19. URL: <https://doi.org/10.1353/jod.2016.0012>.

Blauberger M., Kelemen R.D. (2017). Can Courts Rescue National Democracy? Judicial Safeguards against Democratic Backsliding in the EU // *Journal of European Public Policy*. Vol. 24. N 3. 9 March. P. 321–336. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1229357>.

Bozóki A., Hegedűs D. (2018). An Externally Constrained Hybrid Regime: Hungary in the European Union // *Democratization*. Vol. 25. N 7. 3 October. P. 1173–1189. URL: <https://doi.org/10.1080/13510347.2018.1455664>.

Cianetti L., Dawson J., Hanley S. (2018). Rethinking “Democratic Backsliding” in Central and Eastern Europe – Looking beyond Hungary and Poland // *East European Politics*. Vol. 34. N 3. 3 July. P. 243–256. URL: <https://doi.org/10.1080/21599165.2018.1491401>.

European Commission (2014). A New EU Framework to Strengthen the Rule of Law. 11 March.

Herman L.E. (2016). Re-Evaluating the Post-Communist Success Story: Party Elite Loyalty, Citizen Mobilization and the Erosion of Hungarian Democracy // *European Political Science Review*. Vol. 8. N 2. May. P. 251–284. URL: <https://doi.org/10.1017/S1755773914000472>.

Iusmen I. (2015). EU Leverage and Democratic Backsliding in Central and Eastern Europe: The Case of Romania: EU Leverage and Democratic Backsliding //

JCMS: Journal of Common Market Studies. Vol. 53. N 3. May. P. 593–608. URL: <https://doi.org/10.1111/jcms.12193>.

Kelemen K., Steuer M. (2015). Constitutional Court of Hungary (Magyarország Alkotmánybírósága) // In Max Planck Encyclopedia of Comparative Constitutional Law. Oxford University Press.

Kim Lane Scheppele (2014). Making Infringement Procedures More Effective: A Comment on Commission v. Hungary, Case C-288/12 (8 April 2014) (Grand Chamber) // Eutopialaw (blog). 29 April. URL: <https://eutopialaw.wordpress.com/2014/04/29/making-infringement-procedures-more-effective-a-comment-on-commission-v-hungary-case-c-28812-8-april-2014-grand-chamber/>.

Lührmann A., Lindberg S.I. (2019). A Third Wave of Autocratization Is Here: What Is New about It? // Democratization. Vol. 26. N 7. 3 October. P. 1095–1113. URL: <https://doi.org/10.1080/13510347.2019.1582029>.

Pech L., Platon S. (2017). Systemic Threats to the Rule of Law in Poland: Between Action and Procrastination // European Issues Policy Paper. Vol. 451. N 11.

Sadecki A. (2014). In a State of Necessity. How Has Orban Changed Hungary. Óródek Studiów Wschodnich im. Marka Karpia.

Schlipphak B., Treib O. (2017). Playing the Blame Game on Brussels: The Domestic Political Effects of EU Interventions against Democratic Backsliding // Journal of European Public Policy. Vol. 24. N 3. 9 March. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1229359>.

Sedelmeier U. (2017). Political Safeguards against Democratic Backsliding in the EU: The Limits of Material Sanctions and the Scope of Social Pressure // Journal of European Public Policy. Vol. 24. N 3. 9 March. P. 337–351. URL: <https://doi.org/10.1080/13501763.2016.1229358>.

**ГЛОБАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

Парусова Елена

Закрывать нельзя эксплуатировать: как Литва боролась с Евросоюзом за свою энергетическую независимость

Парусова Елена –

студентка 4-го курса факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
helenparusova@yandex.ru

Для цитирования:

Парусова Е. Закрывать нельзя эксплуатировать: как Литва боролась с Евросоюзом за свою энергетическую независимость // *Generation PP – 2021.*

Приложение к журналу «Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.15

Аннотация

В статье рассмотрен процесс согласования продолжения эксплуатации Игналинской АЭС с Евросоюзом. Литва, вступающая в Евросоюз, обязалась ее закрыть. Однако, осознав последствия этого решения, президент Литвы попытался не привести страну к энергетическому кризису. Темой данной статьи стало поведение президента В. Адамкуса на разных уровнях переговоров: с Евросоюзом, французскими и американскими энергокомпаниями и акторами на государственном уровне. Для объяснения сложившейся ситуации и провала переговоров на всех уровнях была использована одна из теорий анализа внешней политики – двухуровневая игра.

Ключевые слова: атомная энергетика, Европейский союз, Литва, Игналинская АЭС, анализ внешней политики, двухуровневая игра.

Введение

В данной статье рассмотрен процесс переговоров о закрытии или продолжении эксплуатации Игналинской атомной электростанции (обеспечивала электроэнергией 75% всего спроса страны), сопровождавший вступление Литвы в Европейский союз. Хотя описанные ниже события происходили в 2000-х гг., Игналинская АЭС до сих пор остается камнем преткновения во взаимодействии Литвы и Евросоюза из-за вопроса финансирования полного вывода АЭС из эксплуатации.

Евросоюзу был обеспокоен наличием у некоторых стран «новой Европы» – Литвы, Словакии и Болгарии – атомных реакторов советского типа (конкретнее, реактора большой мощности канального (РБМК), который был также установлен на Чернобыльской АЭС, где в 1986 г. произошла крупная авария). Поэтому, помимо Копенгагенских критериев, ЕС выдвинул дополнительное условие вступления – закрытие таких АЭС. Соглашение было подписано, но после остановки первого энергоблока в 2004 г. руководство Литвы осознало последствия скоростного решения. Президент Литвы Валдас Адамкус поспешил начать переговоры о возможности продления работы второго блока или о строительстве новой АЭС, уже без советского типа реактора.

Согласие на заключение договора, а потом почти сразу последовавшая за ним попытка пересмотра только что заключенного соглашения позволяет предположить, что на решение президента Литвы оказывали влияние разнообразные факторы, действие которых и являются объектом данного исследования. Что или кто повлиял на президента Литвы, раз он изменил свою позицию по закрытию Игналинской АЭС (ИАЭС)?

Автор высказывает предположение, что давление на президента могли оказать литовские электрические компании, так как они заинтересованы в продолжении эксплуатации или строительстве новой АЭС. А также европейское атомное лобби, в особенности главный лоббист атомной энергетики в Евросоюзе, Франция, предложившая строительство АЭС «Игналина-2», оснащенной французскими реакторами. Изменение позиции по вопросу закрытия АЭС может быть связано с внутренними противоречиями бюрократических структур, а также попыткой Адамкуса повлиять на уровень своей политической поддержки.

Чтобы ответить на поставленный исследовательский вопрос, автор рассмотрит двухуровневую игру (*the Two-Level Game*) как одну из теорий анализа внешней политики.

Теоретическая рамка

Двухуровневая игра (*the Two-Level Game*) сформулирована для того, чтобы включить в анализ внешнеполитического события внутривнутриполитические

факторы [Noone 2019: 167]. Игра предполагает наличие двух уровней ведения переговоров: национального и международного. На национальном уровне политический курс выстраивается под давлением разных акторов на правительство или лидера. На международном – уже последние оказывают разное давление для усиления своей власти и влияния, а также удовлетворения интересов внутренних игроков [Putnam 1998: 434].

Переговоры на втором, национальном уровне предполагают обсуждение между разными группами влияния позиции по конкретному политическому вопросу. Это обсуждение должно привести к созданию победной коалиции (*win-sets*), то есть к созданию набора приемлемых для каждой из сторон решений. Ее размер зависит от нескольких факторов: предпочтений игроков на национальном уровне, институциональных ограничений и стратегий переговорщиков (глав государств) [ibid.: 442].

Переговоры на первом, международном, уровне представляют вполне обычную процедуру продвижения актором решения, принятого на втором уровне.

При анализе внешнеполитического события с точки зрения двухуровневой игры важно одновременно рассматривать процессы, происходящие на национальном и международном уровне.

Основные акторы и их предпочтения

На международном уровне можно выделить несколько стран, помимо Литвы, заинтересованных в решении вопроса: Европейский союз, в отдельности Германия и Франция, США и Россия.

Франция и США были заинтересованы с экономической точки зрения – навязывания своего проекта АЭС. Этим активно занимались компании “Westinghouse” (США) и “AREVA”¹ (Франция). Германия также преследовала экономические интересы, немецкая компания “Nukem Technologies”² в 2005 г. получила право на создание хранилища отработавшего ядерного топлива³.

Однако в 2009 г. компания была выкуплена российской госкорпорацией «Росатом»⁴ (именно в тот год, когда стало очевидно, что ИАЭС закрывается полностью). Как отмечает генеральный директор “Nukem Technologies”, решение было вызвано необходимостью «Росатома» быстро освоить технологии,

¹ После 2018 года – “Orano S.A.”.

² Как заканчивается жизненный путь АЭС на примере Игналинской станции // Хабр. URL: <https://habr.com/ru/post/404351/> (дата обращения: 19.01.2021).

³ Далее как ОЯТ.

⁴ Ядерными отходами «Росатома» займется немецкая «дочка» // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/ядерными-отходами-росатома-займется-немецкая-дочка/a-4595095> (дата обращения: 19.01.2021).

которыми раньше госкорпорация не занималась. Из-за чего проще купить компанию, чем развивать новую самой⁵.

Зачастую звучит позиция, что ИАЭС зависела от поставок российского урана⁶ (хотя ряд исследователей считает, что Россия сама была вынуждена закупать уран за рубежом [Сливяк 2010: 19]). Если уран действительно поставлял «Росатом», то представляется возможным, что госкорпорации было невыгодно терять ИАЭС и отсутствие контракта на уран там предпочли заменить контрактом на строительство хранилища ОЯТ. Тем не менее очевидно то, что «Росатом» расширил свое присутствие на рынке ядерных технологий и остался на литовском рынке.

ЕС на протяжении всего конфликта придерживался одной позиции: закрытие ИАЭС необходимо из-за устаревшего небезопасного типа реактора. Представлялось, что закрытие ИАЭС и впоследствии независимость от российского урана позволит Литве полноценно войти в энергосистему ЕС.

На национальном уровне вопрос о будущем ИАЭС был поднят в 2007 г., когда сразу несколько представителей власти в Литве (премьер-министр Гедиминас Киркилас, председатель парламентского комитета по экономике Бируте Весайте, затем депутат сейма Юлиус Веселка и министр хозяйства Витас Навицкас – первые трое из Социально-демократической партии, последний – из Партии крестьян-народников) отметили надвигающийся энергетический кризис: надежды на кабель с Польшей не оправдались. Премьер-министр создал рабочую группу, поручив ей найти возможность для создания диалога с ЕС. И она действительно была: в договоре на вступление Литвы в ЕС было отмечено, что при особых экономических условиях, когда закрытие станции будет невозможно, могут быть приняты особые меры⁷. Но определены они не были.

Из выше отмеченных политиков важным на национальном уровне представляется премьер-министр Киркилас. Именно он начал рассматривать возможность переговоров с ЕС и, как отмечают СМИ, был лоббистом строительства новой АЭС⁸.

Еще одним заинтересованным актором является компания “LEO LT”, созданная президентом в 2006 г. Ее акции были разделены между государством

⁵ Там же.

⁶ Литва вывела из строя Игналинскую АЭС и обрела энергетическую независимость // Bellona. URL: <https://bellona.ru/2010/01/01/litva-vyvela-iz-stroya-ignalinskuyu-aes/> (дата обращения: 19.01.2021).

⁷ Литва оказалась на грани энергетического кризиса // Известия. URL: <https://iz.ru/news/410320> (дата обращения: 20.01.2021).

⁸ Печальная судьба лидеров Литвы не спасет регион от энергокатастрофы // СеверИнформ. URL: <http://www.severinform.ru/?page=newsfull&date=10-10-2008&newsid=79273> (дата обращения: 20.01.2021).

(61,7%) и частной компанией “NDX Energija” (38,3%). Нужно отметить, что сделка прошла с важным условием: после двух лет с ее подписания “NDX Energija” сможет с согласия правительства Литвы увеличить число своих акций⁹. Именно “LEO LT” стала оперировать ИАЭС, и планировалось, что она же будет строить «Игналину-2»¹⁰, что говорит о ее экономических целях.

Президент Литвы Адамкус, похоже, был заинтересован в совместной работе с “NDX Energija”. Противники создания “LEO LT” заявили, что власти «продались олигархам»¹¹, десятки людей вышли на акцию «окровавленных рубашек», показывая, что репутация президента испачкана¹².

Таким образом, от решения проблемы ИАЭС хотела финансово выиграть большая часть отмеченных акторов.

Динамика переговоров

Начав переговоры с ЕС о своем вступлении, Литва почти сразу рапортовала о соблюдении всех международных норм безопасности на ИАЭС [Вербальная нота Постоянного представительства Литвы... 2004: 12]. Тогда же последовали проверки ИАЭС от МАГАТЭ, Международной консультативной службы по физической защите (ИППАС) и др. Нарушений выявлено не было. Литва надеялась, что итоговые документы международных организаций о состоянии ИАЭС смогут доказать ЕС безопасность конструкции. Однако ЕС этого было недостаточно.

Во время переговоров с Союзом президент Литвы называл происходящее «односторонним давлением» (“*unilateral pressure*”), но на переговорах в Великобритании в 2002 г. отмечал, что все-таки готов закрыть Игналину полностью¹³.

О каком конкретно давлении говорил Адамкус, найти не удалось. В целом в открытых источниках представлено мало информации о том, как именно

⁹ V. Adamkus tikisi, kad derybose su “NDX energija” Lietuvos interesai buvo apginti // Tv3. URL: <https://www.tv3.lt/naujiena/lietuva/177614/v-adamkus-tikisi-kad-derybose-su-ndx-energija-lietuvos-interesai-buvo-apginti> (дата обращения: 25.10.2020).

¹⁰ Печальная судьба лидеров Литвы не спасет регион от энергокатастрофы // СеверИнформ. URL: <http://www.severinform.ru/?page=newsfull&date=10-10-2008&newsid=79273> (дата обращения: 20.01.2021).

¹¹ Президент Литвы утвердил новый закон о строительстве АЭС // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/12/nps/> (дата обращения: 25.10.2020).

¹² У дворца президента Литвы – десятки «окровавленных рубашек» // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/956722.html> (дата обращения: 25.10.2020).

¹³ Mite V. (2002). Lithuania: EU Urges Closure Of Ignalina Nuclear Plant // RadioFreeEurope. URL: <https://www.rferl.org/a/1099288.html> (дата обращения: 25.10.2020).

происходили первые переговоры Литвы и ЕС. Участники тех событий отмечают лишь факт скоростного необдуманного решения¹⁴, обусловленного желанием как можно быстрее войти в ЕС.

Как отмечалось выше, начало переговоров о будущем второго энергоблока связано с пониманием всеми органами власти надвигающегося энергетического кризиса. Одновременно стали разрабатываться несколько сценариев решения проблемы:

План А. Переговоры с ЕС о продлении сроков эксплуатации второго энергоблока ИАЭС.

План Б. Строительство АЭС «Игналина-2» с иностранным инвестором.

План В. Соединение энергосистем Литвы и Польши.

Последний план почти сразу провалился: Польша не была заинтересована в проекте без гарантий новой АЭС¹⁵. Более того, еще до подписания каких-либо контрактов Литва определила, что 34% акций новой АЭС будут принадлежать ей, а Польше достанется только 22%, когда она требовала не менее трети¹⁶.

Для строительства новой «не чернобыльской» АЭС необходимы были большие финансовые вложения, которых не имелось ни у одной из стран Восточной Европы [Офицеров-Бельский 2009: 108]. Исследователи считают, что у Литвы были неофициальные договоренности с французами о строительстве АЭС, где последние выступили бы гарантом и бенефициаром [Сафонова 2010: 49]. Однако французская компания «AREVA» выступила с официальным заявлением о том, что желаемые Литвой сроки сдачи «Игналины-2» в эксплуатацию (то есть 2015 г.) являются «нереальными» и можно говорить лишь о 2020–2025 гг.¹⁷ Столько времени на ожидание у Литвы не было.

Адамкус поспешил найти другой более выгодный вариант строительства новой станции, поэтому начал переговоры с американскими компаниями. Но цена, предложенная «Westinghouse», была слишком высока. По аналогии с известными событиями в Болгарии, где генеральный секретарь США Хиллари Клинтон предлагала дорогой проект «Westinghouse» с «приятным бонусом» в виде льготных цен на американские истребители [Боровский 2017: 120],

¹⁴ Просьба об отсрочке // Энергетика и промышленность России. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/88/6394.htm> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁵ Литва и Польша возобновляют диалог о соединении электросистем двух стран // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/economy/896771.html> (дата обращения: 20.01.2021).

¹⁶ Ярошинская А. (2008). Прибалтика: политическая ядерная реакция // PROatom. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&id=1245> (дата обращения: 21.01.2021).

¹⁷ Там же.

можно предположить, что и в Литве “Westinghouse” не собирался выступать гарантом и предлагать какие-либо другие бонусы.

Осенью 2007 г. переговоры с Францией из-за попыток Адамкуса договориться с американцами, провалились окончательно. Проект АЭС «Игналина-2» осуществлен не был. Исследователи отмечают, что президент Литвы, потеряв договор с французами, лишил себя поддержки в разговоре в ЕС [Сафонова 2010: 51].

Осознав, что новой АЭС не будет, литовцы еще больше начали думать о реализации первого плана. ИАЭС по документам могла работать еще 12 лет. Руководитель конфедерации профсоюзов Литвы Альгирдас Кведаравичус инициировал сбор подписей для внесения вопроса продления эксплуатации ИАЭС в повестку парламента; активисты надеялись, что смогут спасти страну от «кабального обязательства, навязанного ЕС»¹⁸.

Риторика президента и премьер-министра в разговоре с представителями ЕС сводилась к одному аргументу: если Литва закроет второй энергоблок ИАЭС, она станет зависимой от газа, поставляемого из России, который к тому же очень вырос в цене¹⁹. На что глава Европарламента отметил лишь то, что «аргументы Литвы об угрозах энергетической безопасности после закрытия ИАЭС должны быть хорошо продуманы»²⁰. Даже на заседаниях сейма у депутатов присутствовала риторика недопущения зависимости от «коммунистических режимов»²¹.

Адамкус начал шантажировать ЕС: на заседании Еврокомиссии он заявил, что в случае отказа Литва не будет голосовать в вопросах, требующих единогласного одобрения [там же: 63]. Президент также пытался защититься уже якобы сделанными первыми шагами в создании электромоста с Польшей²². Но Союз был непоколебим. Так, еврокомиссар по энергетике Андрис

¹⁸ Там же.

¹⁹ Валдас Адамкус: Литве надо заново оценить энергетическую безопасность // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1012849.html> (дата обращения: 21.01.2021).

²⁰ Президент Литвы Валдас Адамкус (Valdas Adamkus) информировал председателя Европарламента Ганса-Герта Поттеринга о проблемах, которые возникнут, если его страна в 2009 году остановит Игналинскую АЭС // The Baltic Course. URL: <http://www.baltic-course.com/rus/energy/?doc=1236&output=d> (дата обращения: 21.01.2021).

²¹ Там же.

²² Президент Литвы Валдас Адамкус, находящийся с рабочим визитом в Брюсселе, обратил внимание участников саммита Евросоюза на уязвимость Литвы и всего Балтийского региона. В. Адамкус дал понять, что опасается: Литва станет следующей «жертвой» «Газпрома» // Delfi. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/vadamkus-opasaetsya-chno-litva-stanet-zhertvoj-gazproma.d?id=16309210> (дата обращения: 21.01.2021).

Пиебалгс отмечал, что решение о продлении эксплуатации ИАЭС невозможно²³.

Одновременно с описываемыми событиями сейм инициирует проведение референдума о будущем ИАЭС. Литовцам было предложено (не)согласиться с утверждением: «Я одобряю продление работы Игналинской АЭС на технически безопасный период, но не более чем завершение строительства новой атомной электростанции»²⁴. Решение сейма Адамкус не поддержал и назвал «пропагандистским трюком», потому что «результатов он не даст, но может отрицательно повлиять на наши отношения с Евросоюзом»²⁵. В свою очередь, сейм надеялся, что представление народного мнения станет неразрушимым аргументом в борьбе Литвы с решением ЕС²⁶.

Более 90% проголосовавших дали положительный ответ. Однако референдум был признан несостоявшимся из-за низкой явки. Почему Адамкус не поддерживал референдум, который должен был обеспечить аргументацию его главной позиции, непонятно. Можно только предположить, что президент действительно был заинтересован в кооперации с «NDX Energija» и боялся, что сейм сможет влезть, изменить или как-либо иначе повлиять на их союз.

Скандалы вокруг незаконности формирования компании «LEO LT» и не-успехи в реализации всех отмеченных планов привели к остановке второго энергоблока ИАЭС 31 декабря 2009 г.

Заключение. Или почему все-таки все планы провалились

Вывод ИАЭС из эксплуатации представлялся большой возможностью для крупнейших атомных компаний мира из-за открытия потенциального рынка. Компании пытались разными способами заполучить лакомый кусочек: российский «Росатом» купил немецкую компанию, занимающуюся созданием хранилища ОЯТ, французская «AREVA» и американская «Westinghouse» пытались разными бонусами заполучить Литву, которая, в свою очередь, не могла потянуть дорогой проект.

Стратегия президента Литвы на международном уровне представляется вполне логичной: он пытался заполучить наиболее выгодный вариант.

²³ Валдас Адамкус: Литве надо заново оценить энергетическую безопасность // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/1012849.html> (дата обращения: 21.01.2021).

²⁴ Resolution on the Announcement of a Referendum on Extension of Operation of the Ignalina Nuclear Power Plant // Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/en/TAD/TAIS.327623> (дата обращения: 22.01.2021).

²⁵ Глава Литвы выступает против проведения референдума по Игналинской АЭС // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20080701/112638050.html> (дата обращения: 22.01.2021).

²⁶ Там же.

Оказавшись под давлением “NDX Energija”, вошедшей в скандальную “LEO LT”, Адамкус надеялся любым способом выторговать новую АЭС, оперированием которой занялась бы “LEO LT”. Более того, он настолько был уверен в создании «Игналины-2», что до каких-либо соглашений успел поделить акции новой АЭС. Но Адамкус не учел факта времени строительства и ввода в эксплуатацию. В надежде, что американцы успеют быстрее французов, потерял вторых и отказался от первых из-за дороговизны их проекта. Упустив все возможности строительства новой АЭС, президент ожесточился и шантажом пытался выторговать продление срока эксплуатации второго энергоблока ИАЭС, также защищая интересы “LEO LT” и пытаясь выторговать для них хоть что-то.

Таким образом, в ходе переговоров менялись предпочтения только у Адамкуса. ЕС оставался на своей первоначальной позиции о необходимости закрытия АЭС с «советскими типами» реакторов. Возможно, ЕС не изменил позицию из-за лоббирования интересов европейских компаний заполучить литовский рынок электроэнергии. Сами иностранные инвесторы действительно желали заполучить еще один рынок, но были разочарованы перебежками Адамкуса от одних к другим. Польша была готова поддержать Литву в вопросе создания электромоста, но, осознав плачевность ситуации со строительством «Игналины-2», отказалась от всех проектов и не поддержала Адамкуса в переговорах с ЕС.

Как отмечается в теории двухуровневой игры, увеличение победной коалиции на национальном уровне может привести к манипуляции лидером [Noone 2019: 169]. Именно это мы увидели на примере создания “LEO LT” и последующей радикализации позиции Адамкуса на международном уровне ведения переговоров. Сейм, как еще один игрок на национальном уровне, надеялся не допустить энергетического кризиса. Представляется, что их устраивал любой план, но создание “LEO LT” вызвало ряд претензий в сторону президента и законности его действий.

Спустя десять лет ни один атомный проект на территории Литвы реализован не был, а сама страна активно выступает против Белорусской АЭС, построенной близко к их границам. Однако с трудом можно говорить об антиядерной позиции литовцев. Закрытие ИАЭС не привело к позитивным последствиям, а лишь увеличило счета за оплату электричества в несколько раз.

Источники

Боровский Ю.В. (2017). Международное соперничество в энергетике: на примере восточноевропейского рынка атомной энергии // Вестник МГИМО. 2017. № 5 (56). С. 114–129.

Вербальная нота Постоянного представительства Литвы при Организации Объединенных Наций от 27 октября 2004 года на имя Председателя

Комитета (2004) // Комитет Совета Безопасности, учрежденный резолюцией 1540. URL: [https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/AC.44/2004/\(02\)/26](https://undocs.org/pdf?symbol=ru/S/AC.44/2004/(02)/26) (дата обращения: 20.01.2021).

Офицеров-Бельский Д. (2009). Пределы энергетической зависимости Восточной Европы // *Международные процессы*. Т. 7. № 2 (20). С. 107–115.

Сафонова Ю.А. (2010). Проблема согласования интересов стран «Новой Европы» и наднациональных институтов ЕС в сфере атомной энергетики (на примере Литвы) // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. № 4. С. 45–69.

Сливяк В. (2010). Российская атомная промышленность через 25 лет после Чернобыля – безопасность и экономичность остаются мифами // *Мифы об атомной энергии*. Издание Фонда им. Генриха Бёлля. С. 5–50.

Noone H. (2019). Two-Level Games And The Policy Process: Assessing Domestic–Foreign Policy Linkage Theory // *World Affairs*. Vol 182. Issue 2. P. 165–186.

Putnam R. (1998). Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // *International Organization*. Vol. 43. N 3. P. 427–460.

Интернет-СМИ:

Валдас Адамкус: Литве надо заново оценить энергетическую безопасность // *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/1012849.html> (дата обращения: 21.01.2021).

Глава Литвы выступает против проведения референдума по Игналинской АЭС // *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20080701/112638050.html> (дата обращения: 22.01.2021).

Как заканчивается жизненный путь АЭС на примере Игналинской станции // *Хабр*. URL: <https://habr.com/ru/post/404351/> (дата обращения: 19.01.2021).

Литва вывела из строя Игналинскую АЭС и обрела энергетическую независимость // *Bellona*. URL: <https://bellona.ru/2010/01/01/litva-vyvela-iz-stroya-ignalinskuu-aes/> (дата обращения: 19.01.2021).

Литва оказалась на грани энергетического кризиса // *Известия*. URL: <https://iz.ru/news/410320> (дата обращения: 20.01.2021).

Литва и Польша возобновляют диалог о соединении электросистем двух стран // *Regnum*. URL: <https://regnum.ru/news/economy/896771.html> (дата обращения: 20.01.2021).

Печальная судьба лидеров Литвы не спасет регион от энергокатастрофы // *СеверИнформ*. URL: <http://www.severinform.ru/?page=newsfull&date=10-10-2008&newsid=79273> (дата обращения: 20.01.2021).

Президент Литвы Валдас Адамкус (Valdas Adamkus) информировал председателя Европарламента Ганса-Герта Поттеринга о проблемах, которые возникнут, если его страна в 2009 году остановит Игналинскую АЭС // The Baltic Course. URL: <http://www.baltic-course.com/rus/energy/?doc=1236&output=d> (дата обращения: 21.01.2021).

Президент Литвы Валдас Адамкус, находящийся с рабочим визитом в Брюсселе, обратил внимание участников саммита Евросоюза на уязвимость Литвы и всего Балтийского региона. В. Адамкус дал понять, что опасается: Литва станет следующей «жертвой» «Газпрома» // Delfi. URL: <https://www.delfi.lt/ru/news/politics/vadamkus-opasaetsya-cho-to-litva-stanet-zhertvoj-gazproma.d?id=16309210> (дата обращения: 21.01.2021).

Президент Литвы утвердил новый закон о строительстве АЭС // Лента.ру. URL: <https://lenta.ru/news/2008/02/12/nps/> (дата обращения: 25.10.2020).

Просьба об отсрочке // Энергетика и промышленность России. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/88/6394.htm> (дата обращения: 20.01.2021).

У дворца президента Литвы – десятки «окровавленных рубашек» // Regnum. URL: <https://regnum.ru/news/polit/956722.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Ядерными отходами «Росатома» займется немецкая «дочка» // DW. URL: <https://www.dw.com/ru/ядерными-отходами-росатома-займется-немецкая-дочка/a-4595095> (дата обращения: 19.01.2021).

Ярошинская А. (2008) Прибалтика: политическая ядерная реакция // Proatom. URL: <http://www.proatom.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=1245> (дата обращения: 21.01.2021).

Mite V. (2002) Lithuania: EU Urges Closure Of Ignalina Nuclear Plant // RadioFreeEurope. URL: <https://www.rferl.org/a/1099288.html> (дата обращения: 25.10.2020).

Resolution on the Announcement of a Referendum on Extension of Operation of the Ignalina Nuclear Power Plant // Seimas. URL: <https://e-seimas.lrs.lt/portal/legalAct/en/TAD/TAIS.327623> (дата обращения: 22.01.2021).

V. Adamkus tikisi, kad derybose su "NDX energija" Lietuvos interesai buvo apginti // Tv3. URL: <https://www.tv3.lt/naujiena/lietuva/177614/v-adamkus-tikisi-kad-derybose-su-ndx-energija-lietuvos-interesai-buvo-apginti> (дата обращения: 25.10.2020).

Шаповалов Александр

Оценка специфики тихоокеанского направления в современном внешнеполитическом курсе Японии

Шаповалов Александр –

студент 4-го курса
бакалавриата факультета
политологии ФГБОУ ВО
«Московский государственный
университет
им. М.В. Ломоносова».

Для связи с автором:
aldares13@gmail.com

Для цитирования:

Шаповалов А. Оценка специфики тихоокеанского направления в современном внешнеполитическом курсе Японии // *Generation PP – 2021*. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.16

Аннотация

В данной статье произведена оценка специфики тихоокеанского направления в современном внешнеполитическом курсе Японии. Затрагиваются актуальные вопросы с точки зрения безопасности. Представлено общее стратегическое видение Токио на возможную динамику развития потенциальных угроз. Рассматриваются определенные взаимосвязи между внешнеполитическим курсом Японии, США и Китаем.

Ключевые слова: Япония, Тихоокеанское направление, США, Китай, ИТР.

На нынешнем этапе развития межгосударственной конкуренции особое значение приобретает Тихоокеанское направление. Специфика подобного противостояния сконцентрирована на перераспределении прежних источников влияния и борьбе за ограниченный геополитический капитал, подразумевающий ранее установленные связи с другими странами на соответствующих уровнях межгосударственной коммуникации. Приобретение подобных активов позволяет участникам глобальной игры оказывать определенное влияние на динамику выстраивания диалога между акторами в рамках экономического, технологического и политического направлений и ограничивать влияние иных центров силы на продвижение конкретных инициатив в рамках регионального измерения. Определенный период времени со стороны экспертного и политического сообщества подчеркивалось превалирование постулатов открытости и инклюзивности в вопросах Тихоокеанской кооперации. Однако увеличение динамики геополитической борьбы между ведущими державами нивелирует прежние возможности для поддержки диалога, несмотря на сохранение видимого формата многостороннего сотрудничества. Подобные тенденции затрагивают вопрос о будущем стран Азии, особенно Японии.

Современное положение Токио на международной политической арене зависит от дальнейшей череды действий г-на Ёсихидэ Суги и действующего Кабинета. Япония сталкивается с ситуацией фактического изменения прежней модели регионального порядка в Восточной Азии. Проявление подобных тенденций обостряет риски столкновения интересов с ключевыми и историческими игроками. Актуализация проблем в рамках двусторонних отношений с Китайской Народной Республикой (КНР), Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР), а также сохранение определенных сложностей в ведении диалога с партнерами и ближайшими соседями стимулируют формирование пояса напряженности вокруг территории Японии. Геополитическая поддержка Соединенных Штатов Америки, оказываемая в соответствии с Договором о взаимном сотрудничестве и гарантиях (1960 г.), не может обеспечивать прежний уровень безопасности Токио, что вызывает некоторые сомнения среди политического руководства. Несмотря на изменение подхода США к выстраиванию диалога со своими союзниками и партнерами, Япония занимает более решительную позицию в отношении отстаивания своих национальных интересов. Это предполагает, что внешняя политика будет реализовываться посредством выработки комбинации, подразумевающей использование собственных подходов с опорой на японо-американский союз, рассматривающийся на данный момент как краеугольный камень безопасности¹.

¹ Defense of Japan (Annual White Paper) // Ministry of defence. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html.

Проведение современного анализа действий Токио на международной арене предполагает рассмотрение подобного вопроса через призму текущих геополитических задач, стоящих перед политическим руководством страны. С учетом ранее представленной информации автором поставлена следующая цель – произвести оценку современного внешнеполитического курса Японии в рамках тихоокеанского направления в сочетании с актуализацией развития текущих процессов внутрирегиональной конкуренции. Информация, представляемая в данной статье, основывается на материалах официальных рабочих документов, аналитических и исследовательских трудах российских и иностранных экспертов. Автор стремится сформировать расширенное понимание в отношении проблематики восприятия определенных действий Токио в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и современных тенденций геополитического соперничества. Практическая значимость представляемой статьи заключается в возможностях ознакомления с современными геостратегическими вызовами для Японии в зоне АТР и формирования представления о нынешних особенностях внешнеполитического курса, проводимого г-ном Ёсихидэ Сугой.

Для получения необходимого результата автором используется следующая методология: анализ, синтез, обобщение, работа с документами, моделирование, прогнозирование, описание. Особый акцент делается на применении системного и историко-сравнительного подходов. Применение подобного инструментария отвечает условиям для достижения ранее поставленной цели. Общая актуальность выбранных методов заключается в возможности выработки более обширного представления о специфике реализации Токио собственного внешнеполитического курса в условиях всеобъемлющей нестабильности. Особое значение имеет выявление конкретных взаимосвязей между декларируемой позицией Японии на официальном уровне и фактическими действиями, предпринимаемыми правительством. Необходимость применения системного подхода проявляется в возможностях целостного и комплексного изучения рассматриваемой проблематики в соотношении с текущими событиями международной повестки. Исходя из этого, проявляется актуальность в использовании инструмента, способного выявить отдельные линии действий исторических и внесистемных акторов, которые могут выступать базисом для реализации иной череды политических решений в рамках международного и регионального измерений. Введение историко-сравнительного подхода связано с вопросом выделения определенных причинно-следственных связей. Получение соответствующей информации позволяет сформировать необходимый базис для проведения дальнейшей оценки.

Перед проведением основного анализа современного внешнеполитического курса Японии важно рассмотреть вопросы, связанные с особенностями соперничества и выстраивания диалога в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона. Большинство игроков внутреннего и внешнего контуров предпринимают усилия, направленные на сохранение или изменение действующей системы межгосударственных коммуникаций. Осуществление подобных шагов предполагает, что часть акторов бросает вызов устоявшейся конфигурации сил и поднимает вопросы о состоятельности действующего регионального порядка и эффективности механизмов прежней модели глобального управления.

Понятие «региональный порядок» тесно связано со схемой развития зоны АТР и стратегическим видением Японии. Смысловое значение этого термина указывает на средство организации иной структурной иерархии членов мирового сообщества [Панченко 2010]. Способ поддержания определенного уровня согласованности позиций между конкурирующими сторонами представлен в теории «комплексов региональной безопасности» (ТКРБ), разработанной представителями Копенгагенской школы международных отношений Барри Бузаном и Оле Вэвером [Лукин 2011]. Центральное место занимает категория «секьюритизации», позволяющая выносить общественно-политические вопросы на широкое обсуждение и присваивать им статус потенциальной угрозы. Применительно к зоне Азиатско-Тихоокеанского пространства актуальность использования подобного подхода заключается в возможностях привлечения большего числа игроков и их включения в переговорный процесс. Дополнительно подчеркивается значимость международного и регионального измерений.

Однако возникает несколько вопросов, связанных с определением центрального круга держав, числа участников, формата проведения и основополагающей площадки. Определенный проект решения соответствующего ряда проблем представлен в одной из последних совместных работ Ричарда Н. Хааса и Чарльза А. Купчана «Концерт держав для глобальной эпохи». По мнению авторов, наиболее предприимчивым средством обеспечения безопасности выступает глобальный концерт крупных держав [Хаас, Купчан 2021]. Рассматриваемый феномен обладает двумя характеристиками, которые удовлетворяют запросам текущей геополитической обстановки: политическая инклюзивность и процедурная неформальность. В данном случае подразумевается, что процесс обсуждения должен включать различных акторов вне зависимости от специфики политического развития, а также избегать обязательных процедур, подразумевающих необходимость исполнения соответствующих соглашений. Среди участников современного глобального концерта держав выделяются Китай, Европейский союз, Индия, Япония, Россия и США. Представление позиций иных акторов осуществляется через региональные

организации: Африканский союз, Лига арабских государств, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и Организация американских государств (ОАГ). Этот проект решения предполагает учреждение консультативной площадки. Участники «глобального концерта» делают упор на диалоге и консенсусе как наиболее перспективных инструментах согласования позиций. Предполагается, что среди наиболее обсуждаемых вопросов будет реформирование существующих норм и институтов и преодоление возникающих кризисов.

Применительно к тихоокеанскому направлению подобный формат диалога может служить в качестве центра, задающего определенные тенденции развития для локальных моделей поддержания безопасности и выстраивания межгосударственной кооперации. Однако в работе Ричарда Н. Хааса и Чарльза А. Купчана слабо освещаются вопросы соотношения конкретных проектов регионального порядка с механизмом согласования позиций в рамках площадки «глобального концерта держав». Каждая из стран-участниц придерживается определенного видения в отношении расстановки сил, собственной роли и положения ближайших партнеров и конкурентов в действующей системе межгосударственных коммуникаций. Дополнительные сомнения вызывает наличие подлинной готовности КНР и США идти на сближение по ряду вопросов. Несмотря на наличие общих точек соприкосновения, страны придерживаются различных подходов в выстраивании двусторонней и многосторонней коммуникации, которые основываются на историческом, социально-политическом, цивилизационном опыте и соответствующей ценностно-ориентированной системе.

Более подробная оценка влияния ранее указанных тенденций на специфику выстраивания иной модели регионального порядка в зоне Азиатско-Тихоокеанского пространства в контексте соперничества между США и КНР представлена в работе Тэна Цзяньцзюня «Китайско-американская стратегическая конкуренция: влияние на ситуацию с безопасностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе», которая входит в ежегодную публикацию материалов Совета по сотрудничеству в области безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (CSCAP) «Перспективы региональной безопасности CSCAP». Сегодня США рассматривают Китай в качестве стратегического конкурента. Согласно мнению эксперта, основными факторами, побуждающими сохранение агрессивной риторики в двустороннем диалоге, являются усиление американских опасений по поводу будущего КНР в связи с его внутренней динамикой быстрого развития и укреплением дипломатических позиций, необходимость получения общественной поддержки с целью сохранения возможностей дальнейшей консолидации общей позиции политического руководства страны, проявление беспокойства в отношении увеличения

влияния лоббистских групп на процесс принятия решений. Для отстаивания своих национальных интересов Пекин вводит собственные санкции, снижает дипломатические контакты, наращивает военное присутствие в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Соперничество обеих держав подрывает прежние основы развития диалога между странами в зоне АТР. Игроки внутреннего контура имели двусторонние отношения с двумя крупными державами: США рассматривались как гарант безопасности, Китай – как один из ведущих торговых партнеров. На данный момент Пекин удвоил усилия по наращиванию военно-технологического потенциала, продолжая развивать экономическое сотрудничество. Государства, входящие в зону АТР, осознают угрозы, вытекающие из-за возможностей ограничения стратегической мобильности двумя крупными державами. Балансирование на противоречиях и интересах Китая и США может выступать наиболее перспективным решением подобной проблемы для традиционных акторов. Внутрирегиональные игроки не хотят видеть эскалацию между сторонами.

В ранее рассмотренном материале проявляются предпосылки, побуждающие партнеров США и Китая изменять или адаптировать прежние внешнеполитические подходы. Соответствующая проблематика затрагивает и Японию. Раскрытие текущих запросов Токио в области безопасности осуществляется в работах Дмитрия Викторовича Стрельцова и Джеффри У. Хорнунга – «История внешней политики Японии 1868–2018» и «Союзники становятся ближе. Связи между Японией и Европой в области безопасности в эпоху стратегической конкуренции». Среди вызовов долгосрочного характера, актуальных для Японии, выделяются возрастающая неопределенность в зоне Азиатско-Тихоокеанского региона, изменение Пекином в одностороннем порядке прежнего баланса сил, возможная эскалация конфликта в зоне спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао; совершенствование КНДР своего совокупного ракетно-ядерного потенциала; глобальные проблемы; сохранение некоторого уровня зависимости от действий США [Панов, Саркисов, Стрельцов 2019]. Для обеспечения национальной безопасности Токио стремится сформировать среду стабильности в зоне АТР, систему сдерживания для поддержания мира и обеспечения фактической сохранности государства на мировой политической карте, а также уменьшить динамику роста напряженности посредством укрепления международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах. В последнее десятилетие основной целью внешней политики Японии было расширение партнерских отношений с государствами, разделяющими озабоченность по поводу дальнейшего развития модели глобального управления.

Исходя из ранее представленной информации, становится видно, что обострение конфликтов между членами мирового сообщества и снижение

возможностей для прихода к компромиссу требуют поиска альтернативных способов преодоления противоречий. «Глобальный концерт крупных держав» может выступать в качестве перспективного средства решения ранее указанной проблематики. Инклюзивный и неформальный характер подобной площадки подразумевает способность стран прийти к благоприятному исходу. Однако некоторые члены мирового сообщества придерживаются иной позиции в отношении выбора инструментов для организации международного пространства и преодоления современных вызовов. Сохранение жесткой риторики в американо-китайском диалоге постепенно становится одним из главных факторов в определении будущих тенденций развития системы международных отношений. Значимость регионального измерения подчеркивается посредством включенности институциональной структуры в современную архитектуру безопасности. Установление относительного контроля одной из конкурирующих держав над внутрирегиональными процессами ограничивает возможности других государств в области достижения взаимного консенсуса. В данном случае Япония, как одна из участниц глобальной игры, расширяет сеть своих контактов не только с союзниками, но и конкурентами. Токио стремится получить разностороннюю информацию о специфике изменений и их влиянии на международную обстановку, в особенности в зоне АТР. Для обеспечения безопасности Япония выступает за поддержку международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах, и стремится улучшить среду в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Понимание же современной специфики внешнеполитического курса Токио исходит из оценки условий, приоритетов и особенностей геополитического соперничества между государствами. На нынешнем этапе национальные интересы Японии заключаются в необходимости поддержания собственной безопасности и обеспечения выживания; достижения процветания самого государства и его народа, упрочивая тем самым мир и безопасность; укрепления и защиты международного порядка, основанного на универсальных ценностях и правилах. Региональное измерение для Японии занимает преобладающее значение, так как обстановка безопасности вокруг территории государства становится все более непредсказуемой. Соперничество между державами выходит за традиционные сферы конкуренции. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона продолжают активно совершенствовать свой военно-технологический потенциал. В связи с этим политическое руководство Японии в ходе реализации внешней политики концентрирует свои усилия на таких направлениях, как укрепление японо-американского союза: участие в решении корейского вопроса; развитие коммуникации с соседними странами, такими как Китай, Республика Корея и Россия; участие в разрешении внутрирегиональных вопросов на Ближнем Востоке; экономическая дипломатия;

решение глобальных проблем². В практической плоскости Токио продолжает придерживаться «панорамной дипломатии», делающей акцент на том, что для создания стабильной и предсказуемой международной среды, желательной для Японии, предпринимаются усилия для налаживания доверительных отношений с другими членами мирового сообщества с панорамной точки зрения карты мира в рамках политики «активного вклада в мир», основанной на кооперации между странами³.

Для г-на Ёсихидэ Суги и его команды характерна определенная политическая преемственность в выстраивании соответствующей линии коммуникаций с другими государствами. Особое внимание продолжает уделяться многосторонности в качестве одного из определяющих векторов внешней политики Токио. Японо-американский союз выступает краеугольным камнем в вопросах безопасности и выстраивания двустороннего сотрудничества. Сегодня для Японии продвижение Индо-Тихоокеанской повестки приобретает особую актуальность. Данное направление играет немаловажную роль в стратегическом видении Японии, что вносит соответствующие корректировки в процесс разработки, реализации политических решений, а также предпринимаемых действий на региональном и глобальном уровнях. Особый акцент делается на реализации «Свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии». Действия государства направлены на поддержание и укрепление морского порядка, основанного на верховенстве закона, путем улучшения взаимосвязанности внутри региона и развития качественной инфраструктуры в соответствии с международными стандартами⁴. В рамках данной стратегии Япония выступает за продвижение принципов верховенства закона и свободы судоходства, инициатив по обеспечению мира и стабильности.

Представленная выше информация отражает общее видение Японии в отношении развития современной геополитической обстановки в зоне Азиатско-Тихоокеанского пространства. Однако стоит отметить, что за последние несколько лет Токио поменял свою позицию в отношении ряда вопросов, что также тесно связано с реализацией внешнеполитического курса в рамках тихоокеанского направления. Особенности геополитической обстановки способствуют возникновению неблагоприятной ситуации для действующего Кабинета, которая сводится к усилению давления со стороны Китая, увеличению влияния США на внешнеполитическую линию Японии, обострению

² Diplomatic Bluebook 2020 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000932.html.

³ Diplomatic Bluebook 2018 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 1. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter1/c0102.html>.

⁴ Diplomatic Bluebook 2018 Special Feature: Free and Open Indo-Pacific Strategy // Ministry of Foreign Affairs of Japan.

внутрирегиональной напряженности. Возвращение представителей Демократической партии в Белый дом после инаугурации Джозефа Байдена 20 января 2021 г. создает более благоприятные условия для развития двусторонних отношений между Вашингтоном и Токио. Получение поддержки Вашингтона в отношении спорных островов Сэнкаку/Дяоюйдао, укрепление связей в рамках Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности (Quad), повышение уровня взаимодействия в рамках вопросов определения современной модели регионального порядка свидетельствуют об актуальности развития японо-американского диалога⁵. Однако постепенное сближение с США одновременно снижает возможности Японии для осуществления стратегического маневра. Нормализация отношений с Тайванем, использование антикитайской риторики во внешнеполитической повестке Токио, постепенная интернационализация проблемы территориального спора в Восточно-Китайском море выступают раздражающими факторами в двусторонних отношениях с Китаем.

Учитывая подобную обстановку, Япония продолжает искать стратегические альтернативы для обеспечения баланса сил. Особый акцент делается на налаживании связей с Индией, Австралией, странами АСЕАН с целью снижения влияния КНР в регионе. Японо-американский союз продолжает рассматриваться как один из основных гарантов безопасности. Предполагается возможность укрепления позиций Токио в других регионах. Значение подобного шага заключается в формировании определенного пояса безопасности посредством включения игроков внутреннего и внешнего контуров. Использование определенных аспектов «Свободной и открытой Индо-Тихоокеанской стратегии» рассматривается в качестве идейной основы для сближения с партнерами. Все дальнейшие действия Японии призваны создать благоприятную региональную обстановку. Участие в продвижении повестки Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) является концептуальным ответом на современные угрозы. Формат Quad может рассматриваться в качестве одного из центральных элементов в укреплении иной конфигурации сил. Япония наравне с другими странами-участницами Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности, США, Индией и Австралией, способствует формированию регионального порядка, основанного на международном праве, с целью обеспечения безопасности, процветания и противодействия угрозам в зоне ИТР⁶.

⁵ New U.S. defense chief confirms Senkakus fall under security treat // Japantimes. 2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/01/24/national/politics-diplomacy/us-japan-defense-senkakus/>.

⁶ Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" // Briefing room. The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/>.

Особый акцент делается на взаимодополняемости внешнеполитических подходов Токио и США. Сохранение определенной напряженности среди представителей американского истеблишмента может создавать серьезные ограничения в реализации проектов государственных решений. Несмотря на шаги, предпринятые командой 46-го президента Соединенных Штатов Америки, по укреплению стратегической кооперации между союзниками и партнерами, сохраняются опасения по поводу неспособности Вашингтона в полной мере выступать гарантом безопасности, в особенности в Индо-Тихоокеанском регионе. В данном случае Япония может выступить в качестве одного из центральных акторов. Обеспечение консенсуса с партнерами позволит в некоторой степени распределить уровень геополитической нагрузки в контексте преодоления актуальных вызовов. Конечно, географические и историко-политические особенности могут оказать отрицательное влияние, но участие Токио в значимых международных и региональных событиях способно компенсировать некоторые издержки.

Подводя итоги, стоит отметить:

1. Специфика реализации внешнеполитического курса Японии в рамках тихоокеанского направления проявляется в необходимости осуществления своевременного ответа на возникающие угрозы с целью обеспечения сохранности государства и его выживания в современных условиях соперничества.
2. Токио смещает акцент с концепции Азиатско-Тихоокеанского региона на модель Индо-Тихоокеанского региона.
3. Использование многостороннего подхода позволяет Японии расширить сеть контактов как в рамках регионального измерения, так и за его пределами.
4. Нарастающая степень напряженности в отношениях с Китаем стимулирует команду г-на Ёсихидэ Суги осуществить асимметричные ответы, выраженные в сближении с конкурентами Пекина и наращивании собственного геополитического потенциала.
5. Япония рассматривает формат Четырехстороннего диалога по вопросам безопасности в качестве площадки, способной обеспечить более консолидированную позицию стран-участниц в отношении современных вызовов.
6. Токио может выступать одним из центральных игроков в формировании благоприятной геополитической обстановки и продвижении иной модели регионального порядка.

Источники

Лукин А.Л. (2011). Теория комплексов региональной безопасности и Восточная Азия. Ойкумена // Регионоведческие исследования.

Панов А.Н., Саркисов К.О., Стрельцов Д.В. (2019). История внешней политики Японии 1868–2018 гг. М.: Международные отношения.

Панченко М.Ю. (2010). Понятие «Региональный международный порядок»: межпарадигмальный подход // Власть.

Хаас Р.Н., Купчан Ч.А. (2021). Концерт держав для глобальной эпохи // Project Syndicate.

Defense of Japan (Annual White Paper) // Ministry of defence. URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/index.html.

Diplomatic Bluebook 2018 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2018/html/chapter1/c0102.html>.

Diplomatic Bluebook 2020 // Ministry of Foreign Affairs of Japan. URL: https://www.mofa.go.jp/fp/pp/page22e_000932.html.

New U.S. defense chief confirms Senkakus fall under security treat // Japan-times. 2021. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2021/01/24/national/politics-diplomacy/us-japan-defense-senkakus/>.

Quad Leaders' Joint Statement: "The Spirit of the Quad" // Briefing room. The White House. 2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/12/quad-leaders-joint-statement-the-spirit-of-the-quad/>.

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Полетаева Юлия

Россия между Востоком и Западом: культурно-исторический контекст идеи византийства

Полетаева Юлия –

*кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Уральского государственного
аграрного университета
(Екатеринбург).*

*Для связи с автором:
jpkamch@gmail.com*

Для цитирования:

Полетаева Ю. Россия между Востоком и Западом: культурно-исторический контекст идеи византийства // Generation PP – 2021.

*Приложение к журналу «Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.17*

Аннотация

Утверждается актуальность вопроса о смысле существования России во всемирной истории. Запад для отечественной истории и культуры являлся лейтмотивом самосознания, в котором Россия пытается увидеть собственные истоки. Утверждается, что поиск национальной идентичности совершается на путях определения через посредство отталкивания от Запада, от своего «западного» происхождения, но одновременно и как отрицание его. Особенности данного отношения закладываются в идеи византийства, привнесенные в культурно-историческое пространство в XIV столетии. Византийство существенным образом переосмыляется в российском контексте, которое приводит как к закреплению идеи абсолютизации государственной власти, так и к активному диалогу и взаимодействию с Западом, ориентации на западные формы культуры.

Ключевые слова: национальная идентификация, культура, история, византийство, государственность, культурный диалог.

На переломе национальная культура всегда испытывает необходимость в рефлексии над лежавшей в ее основании традиции, в поиске национальной идентификации. Вот уже не одно столетие актуален вопрос о смысле существования России во всемирной истории. В современной ситуации тема отношения России к Западу особенно актуальна, поскольку решение проблемы национальной идентификации предполагает необходимость диалога культур Запада и России. Запад для отечественной истории и культуры являлся тем зеркальным отражением, в котором Россия пытается увидеть собственные истоки. Возрождение и дальнейшее становление России как самостоятельного национального государства, в свою очередь, предполагает анализ ее места в сложной культурной ситуации современного мира. Наряду с этим мы сталкиваемся с нарастающей проблемой неустанного становления национально-культурной традиции в России. Остающийся актуальным до сих пор, начиная с распада СССР, вопрос национальной идентификации предполагает в первую очередь исследование духовной жизни России, связи современного российского менталитета с предшествовавшей системой духовных ценностей, систематическим образом выражавшейся в этической доктрине «служения Отечеству», зародившейся в эпоху Петровских реформ и имевшей предпосылки в культуре Московского царства.

Что называется Россией? В географическом плане она есть пространство, соединяющее Запад и Восток, на котором разворачиваются закономерности исторического процесса. Пространство Западной Европы, как и в гегелевской философии истории, сохраняет значение смыслового эпицентра Всемирной истории. На всем протяжении своей истории Россия пытается доказать родство с Западом и единство происхождения. При этом следует отметить, что поиск национальной идентичности совершается на путях определения не через себя, но через свое иное, через посредство отталкивания от Запада, от своего «западного» происхождения, своего внутреннего родства с ним, но одновременно и как отрицание его. Источником такого отталкивания является идея, согласно которой западный дух впал в схизму (раскол) и отторгнул Россию, носительницу истинного православного христианства.

Сомнение русских в «истинности» христианства, культуры и цивилизации Запада своими истоками уходит в культуру Московского периода. Появление нового государства в момент гибели мировой державы отозвалось в Московской Руси формированием нового менталитета. Это означало победу византийства (восточного духа) и определило новые условия возвращения России в круг европейских держав. В этой связи необходимо отметить, что специфические культурные черты, перенесенные с Востока, сыграли для России важную роль. Так, ориентация на византийство включало осознание самобытности и уверенности в собственных творческих силах, порождающее

в коллективном сознании чувство превосходства над другими культурами. При этом общей тенденцией исторического развития России становится, по мнению Д.С. Лихачева, собственный, уникальный выбор того или иного культурно-национального партнера. «Совершенный в конце XV в. выбор итальянской модели ориентации на иную культуру привел к конфликту иосифлян и жидовствующих, выбор австрийских Габсбургов в середине XVIII в. – к борьбе никонианских “обновленцев” и “староверов”» [Лихачев 2018: 12]. Иными словами, тема конфессионально-культурной обособленности России с необходимостью порождает прогрессивное по своему духу представление о неоднозначности и уникальности оценки той или иной эпохи русской истории.

Следует рассмотреть следующие отличительные особенности вышеуказанной византийской ориентации отечественной культуры: особый тип государственности, который сформировался в Восточной Римской империи. В основе его лежала идея государственности, характерной чертой которой становится автократическая форма правления и захват больших территорий в Европе и Средиземноморском регионе, во главе которой стоял царь, обладающий самодержавной властью. С неограниченным характером власти царя формируются новые представления о всемирно-историческом значении России. Согласно утверждению В.Е. Вальденберга, единство и целостность России не только как особого типа государственности, но и как особого пространства культуры связывается не с историческими событиями Московского княжества, а с Византией, и «соответственно этому устанавливают ее (России) значение во всемирной истории» [Вальденберг 2015: 54]. Иными словами, формируется новая историческая теория, согласно которой идея последнего христианского царства связывается со всей Россией как наследницей «мирового владычества».

Привнесение идей византийской государственности привело к кардинальной смене парадигмы правления в Северо-Восточной Руси, сложившейся еще в Киевский период истории. Вече как форма организации управления социумом теряет значение, на смену ей приходят этактистские формы управления, сформировавшие специфические представления о власти, воплотившиеся в теократической концепции «Москва – Третий Рим». Данная идея олицетворяет собой византийскую культурную модель реализации власти. С ее помощью, по утверждению Б.А. Успенского, «византийство существенным образом переосмысляется в русском контексте; соответственно, в целом ряде аспектов ориентация на Византию приводит к принципиально новым формам (не известным ранее ни Руси, ни Византии): как это часто бывает, субъективная установка на реставрацию фактически приводит к новаторству» [Успенский 1998: 13]. Однако в московский период истории российской государственности складывается одновременно и защитный комплекс так называемого

антивизантийства. Суть данного установления заключалась в том, что в русском сознании падение Византийской империи понималось в качестве наказания за отступления от исторической формы истинного православия, за «ересь» католицизма. Другим его проявлением было намеренное противопоставление своеобразия русской культуры какому-либо диалогу с западно-европейской цивилизацией.

При этом необходимо отметить, что в своем основании византийская культура не являлась культурой азиатского типа, она вырастала из античной и раннехристианских культур. Византийскую культурную модель можно было бы противопоставлять Западу, но лишь в качестве Европейского Востока, приравнивая модель византийской государственности к римской деспотии, посредством которой «Римская "Вселенная" окончательно превращается в Византию» [Шмеман 2016: 245]. Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что восточная и западная части единой Европы являются не двумя разнородными культурными пространствами, а представляют собой два региона на одной и той же культуры, которые предполагают как вероятность сопоставления и определения специфически разнородных культур, так и их противопоставление. Видимая противоположность России и Запада была также обусловлена обстоятельствами появления Российского государства на общеевропейской политической сцене в XV столетии. Данное политическое и культурное событие обусловило настоятельную объективную необходимость не только трансформации, но и перестройки политических, экономических и культурных отношений в Европе, порождая новый этап в развитии «всемирности» исторического процесса, сделав устойчивой связь с Европой (где Россия становится неотъемлемой частью европейского культурно-исторического региона, подготовившего фундамент для культурного диалога Европы с Россией). «"Старая" Европа в лице Габсбургской монархии, претендовавшей на феодально-католическую версию всемирной империи, в ответ на это занялась возведением границы, долженствующей замкнуть Россию в ее пределах» [Поршнева 1976: 407]. Контекст такого взаимодействия русской и западноевропейской культур был неотделим от его «контекста» – тех идей, в которых получала рефлектированное выражение ментальность, порождаемая культурно-историческими основаниями и условиями диалога.

С течением времени данная ментальность оформилась под именем русской идеи, задавшей специфическую конфигурацию духовно-идеологического пространства, в котором российская сторона искала и находила точку опоры. Русская идея обеспечивала России внутреннюю самостоятельность и независимость в отношениях с западноевропейской культурой, возможность равноправного существования в рамках единой общеевропейской культуры. Следуя вышесказанному, можно сослаться на мнение

отечественного исследователя В.В. Скоробогачко: «С нашей точки зрения, ссылки на “запаздывающий” характер развития русской культуры предшествующего периода (чем будто бы и вызвано ее отставание от европейской культуры в XVIII в.) не очень основательны. Во-первых, потому что концепция отставания методологически основывается на предположении, что в допетровской Руси царило темное средневековье и азиатчина – тезис сам по себе вполне просветительский и сформулированный задним числом, в русле идеологии воинствующего европеизма западнического толка. Во-вторых, реальная история русской культуры допетровского периода свидетельствует о том, что в середине XVII в. русская культура стадильно находилась на уровне общеевропейского развития» [Скоробогачкий 2018: 132]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что формируется особая логика философско-исторического развития России, согласно которой основной закономерностью русского динамизма является изменение «обычной» последовательности этапов ее развития.

Европеизация русской культуры связана с реформами Петра I и Екатерины II. При Екатерине родилась легенда о Петре – мудром царе-преобразователе, который прорубил окно в Европу, открыв для России влияние единственно ценной западной культуры и цивилизации. Несмотря на «декоративные» новшества, которые ввел Петр I, следуя голландским культурным стандартам, современники не восприняли его как нарушителя традиции. Петр резко обрушился на «византийство» в русской государственной жизни, поскольку именно этот дух сыграл значительную роль в обособлении России от Запада в московский период. Но это «византийство» в русской государственной жизни начинало отживать свой век уже при первых Романовых, когда резко возросла интенсивность культурных, политических, экономических связей с Западом. По мнению Н.М. Карамзина, непосредственная связь с Западом начинается в период объединения значительной части русских земель вокруг Москвы Иваном III Калитой. «Тишина Иоаннова княжения способствовала обогащению России. Новгород, союзник Ганзы, отправлял в Москву и в другие области работу немецких фабрик. Восток, Греция, Италия (через Кафу и нынешний Азов) присылали нам свои товары. Уже купцы не боялись в окрестностях Владимира или Ярославля встретиться с шайками татарских разбойников. Открылись новые способы мены, новые торжища в России» [Карамзин 2019: 553]. Этому же мнению придерживается Г. Флоровский: «Для многих в конце XV века Запад представляется уже более реальным, чем разоренная и завоеванная Византия. Часто кажется, что брак Ивана III с Софией Палеолог означал новый подъем византийского влияния на Москву. А в действительности, напротив, это было началом русского западничества» [Флоровский 2009: 12].

Данное событие способствовало сближению России с Италией, в которой формируется ренессансная культура. Свидетельством такому факту является русское искусство (в особенности архитектура), развивающееся в России до эпохи Петровских реформ. Согласно описаниям отечественного историка С. Соловьева, Иван III приглашает архитекторов Северной Италии, владевших прогрессивными для того времени технологиями зодчества, для строительства московского Кремля [Соловьев 2016: 257]. В политике Василия III видно подражание итальянским князьям, во времена Ивана Грозного «западничество» живет под знаком «старины». Но Грозный, придерживаясь традиции «старины», устанавливает широкие контакты с представителями западной цивилизации, и, как ни странно, именно при Грозном начинается массовое взаимодействие представителей западной культуры с Московским государством. Попытки европеизации не прекращались и во времена Бориса Годунова, польского влияния в период Лжедмитрия. После низложения Шуйского на русский престол избирается католик Владислав, именно в этот период Западная Европа становится реальным соседом (военное и культурное давление Польши; европейские посольства при Московской Руси; английские и скандинавские купеческие гильдии). В России, так же как и на Западе, возникли идеи реформаторского толка. В конце XV – начале XVI в. в Москве наряду с такими церковными течениями, как «нестяжатели» и «иосифляне», появилось третье движение, которое по своему существу являлось антицерковным, – это ересь «жидовствующих». Наиболее ярким представителем данного движения был Ф. Косой.

Таким образом, важно понять тот факт, что существующие различия между Западом и Востоком имели историческое значение, но оно не стало решающим в своем действительном содержании. Различие этногеографических условий формирует различие в формах бытования, реализации духовных ценностей восточного христианства в культурных, социальных, экономических и политических институтах этих регионов. По этой причине, христианские ценности, воплощаясь в различных этнических и общественных субстратах, обуславливая их преобразование, видоизменялись под их же влиянием. При этом основанием, в котором укоренялся привнесенный в европейское культурное пространство из малоазийского региона христианский дух, являлись не этнические и природные условия, а культурное многообразие, представляющее собой соотношение римской, германской и автохтонных культур, объединяемых под целостным влиянием христианства. Этнические и географические факторы в большей степени оказали свое воздействие на формирование особенностей социальных и политических институтов западных и восточных частей общеевропейского культурного пространства, которое проявлялось в принципиальном различии базовых ориентаций [Полетаева

2016: 138]. Так, центром западноевропейской социальной жизни были такие административно-территориальные единицы, как коммуна, корпорация, сословие, представляющее собой основу реализации повседневной жизнедеятельности. В восточноевропейской части, в частности в России, общинные формы приобретали характер всеохватывающего целого, способного поработить индивида, подчиняющегося служению «общему делу».

Источники

Вальденберг В.Е. (2015). История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. М.: Дмитрий Буланин.

Карамзин Н.М. (2019). История государства Российского. М.: АСТ.

Лихачев Д.С. (2018). Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука СПб.

Полетаева Ю.Г. (2016). Проблема начала истории: роль социальных систем в становлении цивилизации // Аспирантский вестник Поволжья. № 3–4. С. 137–141.

Поршнева Б.Ф. (1976). Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука.

Скоробогачкий В.В. (2018). По ту сторону марксизма. Свердловск: Издательство Уральского университета.

Соловьев С. (2016). Древнерусские князья. М.: Наука.

Успенский Б.А. (1998). Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Школа «Языки русской культуры».

Флоровский Г. (2009). Пути русского богословия. М.: Институт русской цивилизации.

Шмеман А. (2016). Исторический путь православия. М.: Омфор.

Рогов Игорь

Значение вступления Испании в Европейский союз: точки зрения испанских партий и общества

Рогов Игорь –

студент 4-го курса бакалаврской программы «Зарубежное регионоведение» ИГСУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
igorrogov1999@gmail.com

Для цитирования:

Рогов И. Значение вступления Испании в Европейский союз: точки зрения испанских партий и общества // *Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.18*

Аннотация

В статье проанализирован процесс вступления Испании в Европейский союз на основе точек зрения различных испанских политических партий и испанского населения. Автор рассматривает историческую ретроспективу данного процесса, а также трудности, с которыми сталкивалось правительство Испании на пути к вступлению в ЕС. Ключевым аспектом статьи является отношение местного населения к евроинтеграции, изменение которого демонстрирует анализ национальных опросов. Также немаловажным оказывается сравнение мнения населения Испании и других европейских государств о членстве в ЕС. Главное достоинство данной статьи состоит в использовании ранее не исследованных научных материалов на испанском языке.

Ключевые слова: евроинтеграция, Испания, политические партии, общество, Европейский союз.

История вступления Испании в Европейский союз

На сегодняшний день Испания является полноправным членом Европейского союза, имея представительства в различных общеевропейских институтах. Однако на пути вступления Испанского Королевства в ЕС было множество преград. Рассмотрим историю присоединения Испании к европейскому интеграционному блоку. В 1957 г. между ФРГ, Францией, Италией, Бельгией, Нидерландами и Люксембургом был подписан Римский договор, по которому все преграды на пути свободного передвижения людей, капитала, товаров и услуг были ликвидированы. Это стало началом Европейского экономического сообщества (ЕЭС). Спустя три года с момента его основания правительство Испании во главе с Франсиско Франко подало запрос на членство, но так и не добилось успеха из-за несоответствия демократическим ценностям. Следующую попытку предприняло правительство Адольфа Суареса и Кальво Сотело, но вскоре возникли трудности, причем не политические, как в случае с Франко, а экономические. Сложности появились в структуре экономики Испанского Королевства, которая противоречила европейским интересам, особенно в сельском хозяйстве и рыболовстве. Таким образом, запрос правительства Суареса так и не был удовлетворен. Тем не менее главным успехом Адольфа Суареса было заключение «Пактов Монклоа» [Los Pactos de la Moncloa... 1977], которые имели очень важное значение для испанского общества. Соглашения способствовали формированию политического класса и выработке кардинально новой политики. Все это предопределило слияние правительства, государственных чиновников, партийной системы, профсоюзов и групп работодателей в единое целое. Пакты стали гарантом перехода от диктатуры к демократии. После отставки Суареса успеха в европейском вопросе достигло первое правительство Фелипе Гонсалеса с министром иностранных дел Фернандо Мораном, когда 12 июня 1985 г. был подписан Договор о присоединении Испании и Португалии к Европейскому сообществу. Так, с 1 января 1986 г. Испания становится полноправным членом ЕЭС. Стоит отметить, что переговоры велись с большим трудом из-за разногласий с Францией. Однако договор был подписан благодаря поддержке Германии, которая связывала вступление Испании и Португалии в ЕЭС с увеличением средств всего сообщества. С момента своего вступления Испания поддерживает все шаги по формированию общей европейской идентичности. К таким шагам можно отнести принятие Единого европейского акта в 1986 г. (создание общего рынка) и Договора о Европейском союзе в 1992 г. (урегулирование политической и денежной системы европейских стран). Маастрихтский договор, подписанный в 1992 г., но вступивший в силу лишь в 1993 г., превратил страны в европейское межнациональное образование. Тремя его наиболее важными пунктами были: признание концепции солидарности между европейскими регионами;

расширение полномочий Европейского парламента и европейских граждан, которые добились успеха не только в экономическом плане, но и в политическом, а также создание календаря валютного союза, по которому с 2000 г. национальные валюты были заменены на евро. Безусловно, введение евро производилось постепенно, и для того, чтобы завершить этот процесс, Испании пришлось подстраиваться под ряд экономических критериев, таких как процентные ставки, уровень инфляции, государственные расходы и др. К 2002 г. Испания справилась с условиями и перешла с национальной валюты «песетас» на евро.

Роль партий в процессе интеграции Испании в Европейский союз

Вступление Испании в ЕС было бы невозможно без создания демократических институтов, одним из которых, несомненно, являются партии. На испанской политической арене в 1977 г. заметную роль играл Союз демократического центра (USD). Глава партии, на тот момент председатель правительства Испании Адольфо Суарес запросил членство Испанского Королевства в ЕС спустя несколько дней после первых демократических выборов. Союз демократического центра высказывался в пользу присоединения как по экономическим, так и по политическим причинам. Экономическое развитие, начавшееся в Испании в 1960-е гг., в значительной степени зависело от торговых отношений с Европой и инвестиций. Интеграция в ЕЭС усилила внутреннюю политику Союза демократического центра: политическая демократия и рыночная экономика, смягченные социальными вмешательствами государства. Для Союза демократического центра политическая и экономическая модель, которую должна была принять демократическая Испания, была именно той, которая преобладала в Западной Европе. Что касается сложных экономических реформ, которые требовались для членства, то они были, с точки зрения Союза демократического центра, необходимыми для укрепления своего экономического развития. Консервативный сектор, критически относившийся ко всем реформам, был настроен положительно к вступлению Испанского Королевства в ЕЭС, несмотря на то что сначала выступал против, так как был менее увлечен идеей европеизма. Фактически они настаивали на защите испанской идентичности перед лицом возможного европейского вмешательства.

Сторонники левого европеизма были противопоставлены консерваторам. Вопреки экономической системе, которая преобладала в Западной Европе, социалисты и коммунисты выступали за присоединение к ЕЭС, которое рассматривали как первый шаг к федеративной системе. Взгляды социалистов изменились в начале 1980-х гг. В 1982 г. Испанская социалистическая рабочая партия (PSOE) одержала выдающуюся победу на выборах, что

положило начало тринадцатилетнему социалистическому правлению. Цели председателя партии Фелипе Гонсалеса во многом соответствовали европейской действительности. Он стремился консолидировать демократическую систему, реформировать и провести либерализацию испанской экономики, чтобы сделать ее более конкурентоспособной, а также продвигать политику социального обеспечения. И во всем этом интеграция в Европейское экономическое сообщество, осуществленная в 1986 г., была главным элементом. Фелипе Гонсалес искал максимальную выгоду для Испании, но он полагал, что для ее получения необходимо убедить другие страны в том, что Испания станет важным игроком в Европе. Народная партия, которая управляла Испанией с 1996 по 2004 г., поддерживала европейский дискурс, характеризующийся прагматизмом. Когда партия была в оппозиции, ее члены были весьма критически настроены по отношению к европейской политике Гонсалеса, которую они обвиняли в неспособности защитить национальные интересы Испании. Некоторые члены партии продемонстрировали определенный «евроскептицизм», однако он исчез вскоре после прихода Хосе Аснара к власти. На самом деле, правительство Аснара считало соблюдение условий, установленных в Маастрихте для вступления в Валютный союз, самой главной задачей своей политики. Поэтому можно сказать, что Хосе Аснар продолжил европейскую традицию испанской демократии, хотя его позиция и несколько отличалась от позиции Фелипе Гонсалеса. Несмотря на желание Испании интегрироваться в ЕС, защита национальных интересов являлась для нее первостепенной. Однако мнения по поводу способа их защиты разнились. Так, например, Гонсалес, представитель «поколения 68», считал, что присоединение к Европейскому союзу поможет Испании не только нарастить экономический потенциал, но и консолидировать собственную демократию и выйти на международную арену после затяжной эпохи франкистской изоляции. Аснар, принадлежащий к «поколению 89», полагал, что нельзя останавливаться на достигнутом. Переход к демократии и вступление в ЕС – лишь первый шаг, но это поможет в дальнейшем соотносить национальную и общеевропейскую политику без ущерба интересам обеих сторон. Что касается взглядов политических партий на процесс испанской интеграции в ЕС, можно выделить две наиболее яркие. Народная партия правоцентристского толка говорила о том, что Европейский союз хоть и является наднациональным образованием, все же представляет собой союз национальных суверенных государств. Коалиция объединенных левых видела во вступлении Испании в ЕС возможность реализовать мечты об Испанской федерации, однако идея не получила должного распространения. Хулио Ангита, самый харизматичный лидер Коммунистической партии Испании, ушедший в отставку в 1999 г., защищал созыв Европейского парламента с учредительными полномочиями для создания

федеративной Европы, в которой суверенитет принадлежит гражданам, а не государствам. Тем не менее Коалиция объединенных левых довольно критически относилась к ориентации на валютный союз и голосовала против ратификации Амстердамского договора.

Хотя вступление в ЕС не повлияло на сепаратистские настроения в Каталонии и Стране Басков, важно отметить, что представители националистических партий данных территорий верили в то, что европейская интеграция станет для них инструментом расширения их региональных полномочий. Безусловно, стоит упомянуть националистические партии некоторых испанских территорий, две из которых по сей день играют важную роль в испанской политике: каталонская коалиция «Конвергенция и Союз» (“Convergència i Unió”) и Баскская националистическая партия, выступавшие за европейскую интеграцию. По их мнению, интеграция даст большое преимущество – возможность постепенного уменьшения роли нынешних государств, что открыло бы путь в новую Европу, где те национальности, у которых нет собственного государства (Каталония и Страна Басков), приобретут новый статус, эквивалентный статусу других наций с собственной территорией. Каталонские националисты с тех пор придерживаются мнения, что Каталония «гораздо более европейская» [García 2011: 31], чем остальные испанские территории, к которым она присоединилась. По словам Хорди Пухоля, одного из самых ярких каталонских националистов, старая Каталония была частью той Каролингской Европы, которая много веков спустя создала первое Европейское сообщество, а из-за союза с Кастилией Каталония упустила возможность стать членом ЕС. Баскские националисты видят в Европейском союзе структуру, которая наилучшим образом сопоставляется с мечтой Страны Басков, куда вошли бы четыре испанские провинции и три французские территории. Тем не менее ожидания националистов на постепенное исчезновение государств в Европе были слишком оптимистичными. После вхождения в ЕС каталонские и баскские националисты поняли, что они не будут играть желаемую ими роль. Европейская интеграция в том виде, в каком она развивается сейчас, в гораздо большей степени соответствует желаниям Аснара, чем желаниям Пухоля, и еще меньше – желаниям Хавьера Арзалла, баскского националиста. Исключение Баскской националистической партии из Европейской народной партии явилось прямым доказательством реальной изоляции баскских националистов в Европе.

Роль общественного мнения в вопросе вступления Испании в ЕС

Помимо партий, в демократическом обществе большую роль играет мнение граждан, которые могут свободно его высказывать. В вопросе вступления в ЕС испанские граждане не были солидарны. Например, это видно

по данным опросов о европейской интеграции среди приверженцев различных испанских политических партий. Европеизм партий всегда был связан с europeизмом граждан, о чем свидетельствуют опросы общественного мнения. Опросы, проведенные сначала Институтом общественного мнения, а затем Центром социологических исследований (CIS), позволяют проанализировать эволюцию испанского europeизма на протяжении более тридцати лет. В 1968 г., когда был проведен первый опрос, 74% респондентов были склонны к вступлению в ЕЭС, а процент среди самых молодых и образованных был еще выше. Позже, с началом демократии, проводилось множество опросов среди членов различных партий. На *рис. 1* представлены результаты выборов в парламент Испании, которые показывают различия между избирателями разных партий. Избиратели региональных и националистических партий (Regionalistas), а также левых партий (PSOE – Испанская социалистическая рабочая партия и PCE – Коммунистическая партия Испании) были более проевропейскими, чем правоцентристские партии (AP – Народный альянс и UCD – Союз демократического центра). Наибольшие изменения связаны с избирателями Народного альянса, которые изначально были не в восторге от присоединения, но вскоре присоединились к мнению большинства.

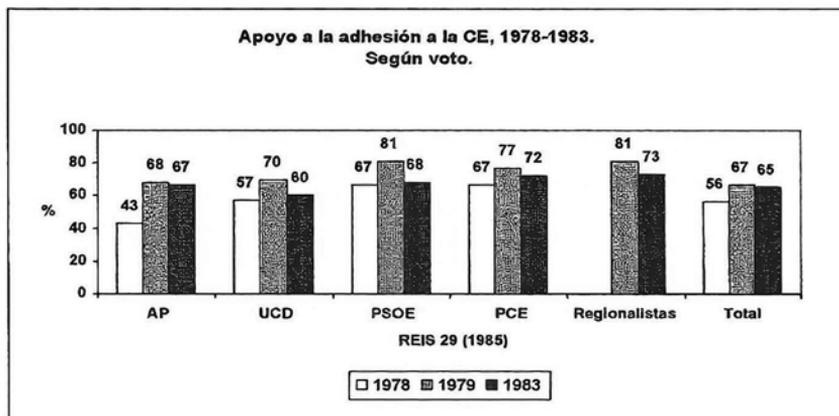

Рис. 1. Поддержка вступления в ЕС приверженцами различных партий [Avilés 2010: 415]

Благодаря опросам Евробарометра можно также проанализировать изменения испанского мнения о европейской интеграции с 1981 г. вплоть до сегодняшнего дня. В Испании возможность присоединения к Союзу всегда

была более благоприятной, чем в других странах Европы. Периодом, когда мысль о присоединении рассматривалась с точки зрения максимального энтузиазма, была вторая половина 1980-х гг., а именно это были лучшие годы президентства Фелипе Гонсалеса, когда экономика Испании неуклонно развивалась. Осенью 1990 г. почти 80% испанцев считали, что присоединение к Европейскому сообществу было правильным решением для Испании. Однако затем наступил первый экономический кризис, с которым Испания столкнулась после вступления в Сообщество, и поддержка членства в нем заметно упала, оставаясь ниже среднего европейского уровня в 1991–1995 гг. Осенью 1994 г. разрыв между положительными и негативными мнениями о членстве упал до исторического минимума, чуть более 20%, и Испания оказалась на грани поворота к политике евроскептицизма. Тем не менее с 1996 г. экономика начала постепенно восстанавливаться, а внутривнутриполитический кризис, который привел к победе Хосе Аснара на выборах, сошел на нет. Все эти аспекты поспособствовали росту поддержки членства Испании в ЕЭС. Весной 2002 г. Евробарометр зарегистрировал, что 66% испанцев поддерживают членство своей страны в ЕЭС по сравнению со среднеевропейским показателем в 53%. Июльское исследование об отношении испанцев к ЕЭС Центра социологических исследований зарегистрировало 78% положительных и 10% отрицательных мнений.

Чтобы оценить настрой испанских граждан по отношению к вступлению в ЕС, стоит сопоставить мнения испанского населения с другими европейскими государствами о членстве в ЕЭС. В *табл. 1* Евробарометра есть серии опросов, проводимых Европейским парламентом, от весны 2002 г. Можно отметить, что испанцы более благоприятно относятся ко всем аспектам интеграции, кроме европейской конституции, чем остальные европейцы. Безусловно, испанцы являются более проевропейскими, чем немцы, французы и британцы, но тем не менее уступают итальянцам. Если принять во внимание вопрос о том, является ли членство позитивным аспектом, Испания занимает пятое место из пятнадцати по европеизму, уступая лишь Люксембургу, Ирландии, Нидерландам и Италии.

Таблица 1

**Процент положительного отношения населения
к европейской интеграции**

	Всего ЕС	Германия	Испания	Франция	Италия	Великобритания
Членство в ЕС	53	52	66	47	69	32
Плюсы Членства в ЕС	51	43	63	49	62	36
Доверие Еврокомиссии	47	42	51	50	63	28
Евро	67	67	80	67	87	31
Общая Внешняя Политика	64	75	68	60	76	38
Общая Оборонная Политика	71	79	76	71	82	49
Расширение	50	43	64	40	61	38
Европейская Конституция	63	65	58	9	81	50

Eurobarómetro 57 (primavera 2002).

Источник: [Avilés 2010: 416].

После долгих лет диктатуры Франко, которая оставалась за пределами процесса европейской интеграции, вступление в Европейское сообщество представляло для значительной части общественного мнения демонстрацию того, что Испания стала нормальной европейской страной. Европа воплотила в себе демократию и процветание, чего желало большинство испанцев. Для правоцентристов Европейское сообщество гарантировало, что в стране не будет каких-либо революционных движений, привязанных к западному образцу. Для левых партий вступление олицетворяло демократию и представляло собой окончательный разрыв с франкистским прошлым. Для народа присоединение означало завершение периода, в котором Испания была позади демократических государств. Поэтому решение о присоединении к Европе исходило не только из экономических причин, даже если они были весомыми, но и имело политические и психологические корни огромного масштаба. Это объясняет консенсус, который сопровождал длительные переговоры о вступлении.

Двадцать пять лет спустя первоначальный консенсус все еще жив. Подавляющее большинство испанцев, независимо от их политических воззрений, гордятся переходом к демократии и присоединением к Римскому договору, который также является частью исторической памяти о моменте основания

Сообщества. Действительно, сейчас ориентация европейской политики в Испании стала более прагматичной, но ни один политический или интеллектуальный сектор не ставит под сомнение обоснованность вступления. Таким образом, европейский вопрос остается вне обсуждения, что также имеет свои негативные последствия. Именно поэтому испанское население мало знает о европейских проблемах и не заботится об их решении. Однако оптимизм испанцев в отношении будущего Союза велик, что было доказано поддержкой расширения на ЕС на восток большинством населения, хотя это расширение не избавляет Испанию от трудностей. Согласно Евробарометру (рис. 2), на конец 2003 г. 74% испанцев гордились тем, что они европейцы; 62% поддерживали членство Испании в ЕС; 66% населения считали, что Испания получила множество преимуществ от членства в ЕС, и 56% удовлетворены демократическим функционированием ЕС.

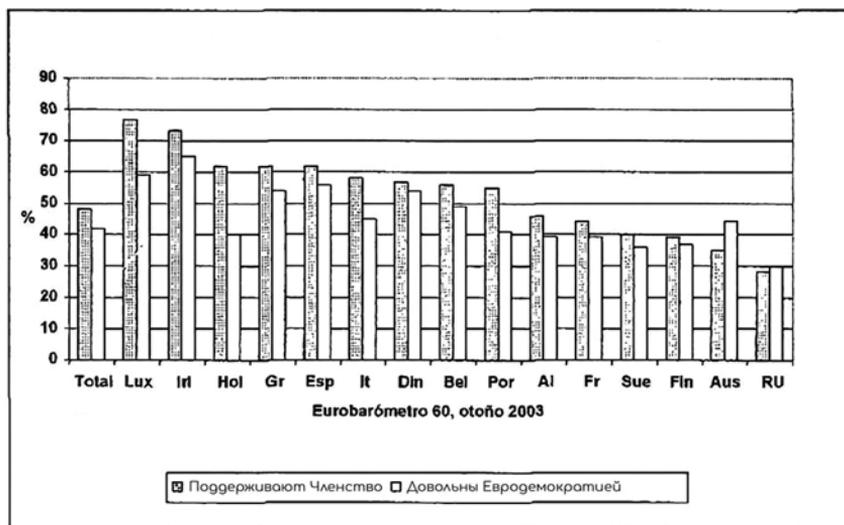

Рис. 2. Отношение стран к Евросоюзу [Avilés 2010: 419]

Значение вступления в Европейский союз для Испании

Таким образом, мы можем сделать вывод, что как общественное мнение, так и все крупные испанские партии Испании выразили свою поддержку Европейскому сообществу, хотя не все выражали однозначную позицию. Для Народной партии Европейский союз стал площадкой для сотрудничества между государствами, для социалистов вступление в ЕС стало возможностью постепенной эволюции в направлении федерализма, для Объединенных

левых ЕС стал инструментом для создания менее либеральной и более социальной Европы, в то время как главная мечта каталонских и баскских националистов – добавить свою собственную звезду в европейский флаг – стала вполне реальной. Таким образом, победа социалистов (PSOE) на выборах в марте 2004 г. поспособствовала достижению соглашения по Европейской конституции и означала победу самой европейской позиции среди испанских партий.

В последние годы Европейский союз все чаще действует в интересах европейских государств, а не в интересах США. Всем известны теплые отношения между Россией и Испанией, Италией, Грецией, Германией. Евросоюз желает вести тесное сотрудничество с Российской Федерацией и уж точно не войну на своих восточных границах. Евросоюз остается важным игроком не только регионального, но и мирового уровня, несмотря на выход из него Великобритании. Многие страны, включая Испанию и Италию, видят в ЕС возможность для экономического и политического развития. И так как для Испанского Королевства вступление в ЕС имело большие издержки, оно не может так просто отказаться от членства в Союзе и от всех его привилегий.

Так, период международной интеграции имел большое значение для Испанского Королевства, ведь после падения диктаторского режима и установления в стране демократии в 1975 г. испанская политическая верхушка и население увидели, насколько их страна оказалась изолирована от других европейских государств, несмотря на географическую близость. Именно тогда Испания в лице Адольфа Суареса, Леопольда Кальво-Сотело, Фелипе Гонсалеса, а впоследствии Хосе Аснара взяла курс на международную интеграцию. Внедрение в международные организации, такие как Европейский союз, позволило Испании выйти из изоляции и интегрироваться в международные процессы. Таким образом, Испанское Королевство стало одним из важнейших политических акторов европейского региона.

Источники

Аникеева Н.Е. (2007). Испания в современном мире: 1976–2004. М.: Национальное обозрение.

Давыдова В.М. (2009). Испания: траектория модернизации на исходе двадцатого века. М.: ИЛА РАН.

Прохоренко И.Л. (2013). Региональная политика Европейского союза в отношении Испании: подведение итогов и перспективы на будущее // Ибероамериканские тетради. № 1. С. 129–144.

Avilés J. (2010). España y la integración europea: partidos y opinión pública 1977–2004 / Juan Avilés. Madrid: UNED, Revista Espacio, Tiempo y Forma. P. 409–423.

García C. (2011). Comunidades autónomas y relaciones internacionales en Las relaciones exteriores de la España democrática / Caterina García, Ronald Gillespie. Madrid: Alianza Editor.

Los Pactos de la Moncloa... (1977). Los Pactos de la Moncloa. Texto completo del acuerdo económico y del acuerdo político. Madrid, 8–27 de octubre de 1977 // Catálogo de publicaciones de la Administración General del Estado. URL: <http://www.mpr.gob.es/servicios2/publicaciones/vol17/descarga/Coleccion-Informe-17-Los-Pactos-de-la-Moncloa.pdf> (дата обращения: 18.05.2019).

Khairutdinova Diana

Twin cities: two countries, one identity

Khairutdinova Diana –

*student of the 4th year of BA
program “Political Science and World
Politics” in HSE
St. Petersburg.*

*To contact the author:
drkhayrutdinova@edu.hse.ru*

Для цитирования:

*Khairutdinova D. Twin cities:
two countries, one identity //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.19*

Abstract

The proposed work focuses on the concept of twin cities, mainly it examines the notion of boundaries between the cities and towns from the constructivists' point of view. Analyzing the literature on paradiplomacy and having studied the cases of Nickel (Russia) and Kirkenes (Norway), it was concluded that nowadays cities became important actors in the international arena and distributors of both political and economic globalization. Using the concepts of the binary opposition of “We – Others”, it was stated that the citizens of border cities are trying to have one common identity and erase the frontiers not only physically, but also mentally.

Keywords: regionalization, decentralization, paradiplomacy and public administration.

*If the world is a global village, then the nations are the houses, and the people living in these houses are the villagers. The houses consider themselves sovereign with regard to their own homes. The inhabitants of the houses, furthermore, have set up rules for themselves that differ from those set up by the people living in neighbouring houses. Living together, therefore, requires tolerance and solidarity. Tolerance and solidarity, quite literally, have **boundaries** sometimes. Imagining oneself in another culture requires a great deal of tolerance and solidarity as well. Seen in this light, truly 'global citizens' still seem hard to find in the 'global village'.*

Henk van Houtum
[Houtum 1998: 5]

In our century all the processes operate faster and faster: everyday people experience new emotions, draw their own stories and try to build a connection with others. Although, even in the times of globalization and the internet it seems to be hard: the reason is that we still have borders. Realists will claim that boundaries are drawn between states and towns, but post-structuralists and constructivists would argue that it is not all, since there are borders in our mind, and they are constructed. The other thing which is constructed is identity: for these theorists, it is not the thing that somebody has, but rather a thing which is constructed as having. Here the main question of the self-perception of people comes: there is a willingness to "global governance" and cosmopolitanism, but how the identity of people, who are living in the border regions of integration, is constructed? Do they feel that they are "one" with people on the other side of the boundary, or the nation-state identity is stronger? In this paper, I will try to give the answers to these questions.

1. Globalization and non-state actors in International Relations

The processes of interaction and integration try to change the world order which has prevailed since the Peace of Westphalia. Existing in economics (with world market) and culture (with assimilation and popular culture), globalization also tries to destroy the borders politically – that is, to build a new "global village" and decrease the role of the nation-state. With the help of globalization, new actors are introduced to the international arena, such as transnational corporations, unions and cities. For post-structuralists, the state still exists as the main operator in IR; however, today it is not the only one. The actors of world politics which will be introduced in this research are regions and cities, their interaction across the borders and the expansion of diplomatic power.

According to Rogier van der Pluijm, "diplomacy existed before the existence of states" [Pluijm, Melissen 2007]. Before the Treaty of Westphalia, cities were the

main actors of foreign policy. The examples of Athens, Macedon and Venice show that cities were considered as the first entities to build an organized system of diplomacy of that times. In our days, with the help of globalization, the power of the regions is rising: the successful illustration of cities transnational cooperation, creation of trade unions and the exchange of particular cities' history and collective memory gives the right to say that paradiplomacy (external activities of cities and regions) is not a threat of separatism, but rather a unique experience of giving way to new voices in the diplomatic arena.

The delegation of responsibilities from the state to the city creates new opportunities for regions to be involved in economical, political and cultural aspects of globalization. Although, it also gives a threat to the state's sovereignty, diminishing its power in the international arena. Some authors point out that in the development of successful international relations, the regions can occupy the role of the main actors, thus creating "competitive relations" between government and region. Moreover, municipalities are forced to take into account many restrictive measures, which can be enforced by the state in order to illuminate cities' power. However, some scholars consider the fact of paradiplomacy as beneficial either for state or for regions. It is noted that the development of cross-bordered cooperation of the cities helps to create a positive image of the country as a whole and to help in the multilateral cooperation of the states. The literature review shows that the issue of paradiplomacy is a debatable one in the field of international relations studies; although most of the scholars consider cities' power in world politics as a unique and remarkable practice, that can change diplomacy.

2. Twin cities: path to new diplomacy

With the rapid development of the world, new actors seek new forms of cooperation. One of them is a concept of twin cities, which is considered to be a marvelous example of a post-structuralism approach to international relations. The process of regionalization and partial delegation of power to the cities opened the doors for experimental forms of cooperation and interaction. One of the consequences of this development was the formation of pairs of twin cities. The main features of this partnership are cross-border location, shared history and community and the desire of cities to cooperate. The first pair of twin cities was the couple of Tornio-Haparanda from Finland and Sweden, which occurred in the 1960s. Shared plan of development, unified transport and postal systems, ambulance service, recreation area, employment center and educational institutions as the absence of state borders between cities made them the most successful pair of twin cities. The pairs of Valga-Valka (Latvia-Estonia), Narva-Ivandorod (Estonia-Russia), Imatra-Svelogorsk (Finland-Russia), Nikel-Kirkenes (Russia-Norway) are considered to be the best examples of paradiplomacy and concept of "twinning".

The concept of twin cities itself is rather controversial and ambiguous. The definition of the term varies in the literature and there is a terminological confusion, as scholars use it to define various kinds of cooperation. The most profound conceptualization which will be used in this paper was suggested by Pertti Joenniemi and Alexander Sergunin, and Table 1, made based on the authors' classification, fully discloses the variety of the term's meanings [Sergunin et al. 2011: 121–122]. As it can be seen from the table, the term may be used in two broad contexts – domestic and international ones. The domestic one is the most popular, since there are cities of Minneapolis and Saint Paul in the USA, which are officially named as twin cities. Nevertheless, the usage of the term in this context differs from the one which is applied in this study, and the reason is that these twin cities are located in one country. These internal twin cities or, as occasionally they may be called, satellite cities, have the main goal to merge into each other and create the agglomeration inside one country [ibid.: 122].

Table 1

Classification of domestic and international twin cities
(based on research of Joenniemi and Sergunin, 2011). Made by author

	Name	Definition	Other names	Scholars	Examples
Domestic context	Internal twin cities	Cities/towns, located in close geographic proximity within one country	twin cities, satellite cities	Goetz, Yuan, Galaskiewicz, Borchert, Levinson, Millett, etc.	Minneapolis – Saint Paul (USA) as the fundamental example Chatham – Rochester (UK) Ludwigshafen – Mannheim (Germany)

International context	Sister cities	Cities/towns, located at distance in separate countries	twin cities, connected cities, trans-border cities, neighboured cities, partner cities. In Russian: brother (<i>pobratimy</i>) or related (<i>porodnennye</i>) cities	Zelinsky, Stephen, Buursink, Schultz, Kaltenbrunner, etc.	Moscow (Russia) – Almaty (Kazakhstan), Seoul (South Korea) – Athens (Greece)
	Cross-border twin cities	Cities/towns, situated on the borders of different countries	twin cities, double cities, couple cities, bridge towns, duplicate cities	Sergunin, Anishenko, Joenniemi, Schultz, Mikhailova, Eskelinen, Van Houtum, etc.	10 members of City Twins Association Blagoveshchensk (Russia) – Heihe (China) Nikel (Russia) – Kirkenes (Norway)

As the term of internal (domestic) twin cities is predominantly used to describe towns located in one state, it cannot be viewed in the contexts of the international relation theories and paradiplomacy. The international context implies two options for using the term of twin cities – broad and narrow ones – and the reason for differences in classifications comes from the distance between cities. According to the first implication, cities have to be located in different countries, but not on the borders of these states. Another popular name for this kind of cooperation is “sister cities”, or “*pobratimy*” in Russian. The purpose of this type of cooperation in most cases is rather symbolic, setting the goal for people to get acquainted with life, history and culture of different cities or countries [Zelinsky 1991: 3]. Sister cities are an example of transnationalism; they are considered as the form of paradiplomacy and can be viewed within IR theories and regionalization. Thus far, two meanings of

twin cities' term have been viewed. The last one will be considered in detail within the whole paper – that is the concept of cross-border twin cities. In the narrow international sense, twin cities relate to the cities and towns, which are located on the borders of the different countries and try to create collective space by solving common problems [Jańczak 2017: 479].

The project of twin cities is a unique form of globalization. At first sign, such small and dependent subjects as cities have not the ability to change the way how diplomacy operates; although, they can give a boost to “global governance”, where nation-states are not the most important actors. The main aim of the twinning is to remove the borders between states and to help cities connect with other ones in order to create shared community of people. But what are the borders? What role do they play and how they shape the identity of people who live near them?

3. Frontier between identities: borders can be only in our mind

Every state has its boundary, which is the main mark of sovereignty and protection. The one who crossed the border can be considered as an enemy, who brings a threat to national authority.

The national border may represent cultural, economic or political dividing lines. Relying on the realist and geopolitical approach, borders express the controlling of space. The state that governs the space also controls the nation that is living in that space; thus, it constructs their identities with regard to the borders. The fact that frontiers, as political dividers, split up people of different nationalities shows the ability of government to create an image of “we”, who are in this space, and “others”, who are at another side of the border. From constructivists and post-structuralists point of view, when people identify themselves with nation and state, they “reproduce” the borders, as the national space is a social construct either. According to the concept, that came from B. Anderson, a nation is reproduced; it creates an “imagined community” [Anderson 1983], where you cannot know all representatives of your nation, but you rather have an **image** of them within the state borders. The value of “we” is determined by binary opposition: “we” are not the “others”. That is why the borders serve a relational function: we compare ourselves with others and find the differences which separate us in order to highlight our identity. Paasi (1996) shows the table of the construction of identity and “we”/“others” concept according to geographical position.

Table 2

From Paasi, 1996, p. 14 (as quoted in Henk Van Houtum, 1998).

Made by author

	Here	There
Us	Integration within a territory	Integration over borders
Them	Distinction within a territory	Distinction between Us and the Other <i>across</i> the border

The column “Us-Here” refers to the identity which exists in-borders and which coincides with the state. “Us-There” is a situation when people of the same group are not represented in one place, but they try to unite. “Them-Here” refers to multinational states in which minorities are living together in one territory. The last category, “Them-There” is a way how people in one country observe the identities of “others”. According to E. Said (as quoted in Henk van Houtum, 1998), “... imaginative geography of the ‘our land-barbarian land’ variety does not require that the barbarians acknowledge the distinction. It is enough for ‘us’ to set up these boundaries in our minds; ‘they’ become ‘they’ accordingly, and both their territory and their mentality are designated as different from ‘ours’ ” [Houtum 1998: 37]. Identity, thus, is a social construct, which cannot be the same for every person, but which affects the way people behave. Now it is seen how the identity is constructed between states. But how is it constructed in the minds of people who live in twin cities: namely, cities of different states, but the same cross-border region?

4. Unique identity of unique regions’ citizens

Man always wanted to explore the world and go beyond known borders. That is why in the century of globalization the closedness and stability of state borders is decreasing at a greater speed than ever before, mainly because of the emergence of the Internet and new means of transport. It became easier to travel and to see people of different identities, which helps to deconstruct your own. Regions and cities are considered to be more mobile and, thus, are better able than countries to structure their life in space and time, to find new partners in the international arena. As cities are the main entities in which people interact with others on daily basis, they provide an arena of everyday cooperation with citizens, who may have the same identity and same image of “We”. It may construct local identity, that is personal feeling of belonging relating to a place occupied by the group of community. The borders of what is perceived as our place can shift depending on various aspects of inter-group relations, everyday life, cultural features and official discourse. With

the example of one particular pair of twin cities, it will be shown that local identity can be deconstructed since the unique proposition of the regions with regard to the borders.

Nikel (Murmansk region, Russia) and Kirkenes (Sor-Varanger municipality, Norway) are situated 54 kilometers between each other, have a visa-free zone and lots of versatile relations in culture and economics. Although the region has not prolonged shared history and collective memory, two cities seek to cooperate and build relationships. High mobility between Nikel and Kirkenes started in the 1990s when Russia experiences an economic crisis when many citizens of Murmansk region came to Sor-Varanger for shopping and recreation, which was less affordable in the homeland. Many of them stayed in Norway from that time, some of them still have a habit to visit Kirkenes on weekends, saying "Chicken is not a bird, Kirkenes is not abroad" («Курица не птица, Киркенес не заграница»). A. Rogova points out, that there are two co-existing spaces in the Russian-Norwegian border territories: the first is independent Russian and Norwegian territories, lying close to the border but mentally separated, and secondly a new space (borderland) that includes western parts of the Murmansk region and Sor-Varanger municipality [Rogova 2009: 34]. These two spaces exist at the same time, and their realization depends on individual construction of the border and personal everyday practices. For the people living in Murmansk region, their "own" space includes Kirkenes. This issue can be deconstructed based on the analysis of everyday activities of people and the popular discourse about the state border. Kirkenes is the place for shopping and a kind of transport point, as people use its airport to go on trips. Thus, it is obvious that Kirkenes is not part of foreign territory for people in Murmansk today.

As for Russians who moved to Sor-Varanger, according to A. Rogova, "one of the key definitions of the way of life of Russians in Kirkenes – "they live as if they were still in Russia": they watch Russian TV, read Russian books, eat Russian food, and communicate mainly with their Russian friends" [ibid.: 39]. Contrasting standard immigrant communities, this type of identity is focused on Russia as a whole; Russians who live in Kirkenes do not demolish their social networks in their homeland, they rather reproduce with new power. The plan to create new co-called *Barents identity* was supported by Russian and Norwegian administration to build "an area where the population has a specific awareness of *us* inside the region, as opposed to *them* outside" [ibid.: 40].

Although, as states of Norway and Russia have different economic, political and cultural features, it is hard to say that it is easy to create one identity between twin cities. The group of "Barents identity" is small, moreover, Russian citizens use the benefits of cross-border cooperation more frequently, which can question the importance of partnership for Kirkenes. Nevertheless, the identity of twin citizens, particularly of people from Nikel and Kirkenes, is a unique issue, which deconstructs

the notion of “Others-There” and tries to unite people of different countries in one region.

5. Conclusion

Opening the boundaries for some cities gave them the opportunity not only to participate in international arena and promote cross-border economic and political cooperation, but also to construct new way of perceiving “us” and “them”, building new symbols of homeland and areas which exist on the other side of the border. Global processes influence people’s experiences as well as the way how they construct new world, connect with others and feel their own personality with regard to others. Answering the research question proposed in the introduction, it can be written that people who live in twin cities have dual identity. It is difficult to say whether they feel completely united; however, it cannot be said that they are completely separated, and their national identity is stronger. Rather, there is something in between. People who live in twin cities reproduce their identity in a unique way, deconstruction the issue of “We-Others” despite the border that is located between them.

The establishment of twin cities is a significant step to the concept of cosmopolitanism and new world order. And who knows, possibly is a direction for global citizens to find their global village.

Sources

- Anderson B.* (1983). *Imagined Community* // Verso.
- Houtum H. van* (1998). *The Development of Cross-Border Economic Relations* // ThelaThesis Publishers.
- Jańczak J.* (2017). *Town Twinning in Europe. Understanding Manifestations and Strategies* // *Journal of Borderlands Studies*. Vol. 32. N 4.
- Joenniemi P., Sergunin A.* (2016). *Russian Subnational Actors: Paradiplomacies in the European and Russian Arctic* // Palgrave Macmillian.
- Pluijm R., Melissen J.* (2007). *City Diplomacy: The Expanding Role of Cities in International Politics* // Desiree Davidse.
- Rogova A.* (2009). “Chicken Is Not a Bird—Kirkenes Is Not Abroad” Borders and Territories in the Perception of the Population in a Russian-Norwegian Borderland // *Journal of Northern Studies*. N 1.
- Sergunin A. et al.* (2011). *Another face of integration: City twinning in Europe* // *Research Journal of International Studies*. Vol. 22. N 1.
- Zelinsky W.* (1991). *The twinning of the world: sister cities in geographic and historical perspective* // *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 81. N 1.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И ФИЛОСОФИЯ

Атаманенко Артемий

Момент прекариата: конфликт как смысл политического класса

Атаманенко Артемий –

студент 3-го курса
бакалаврской программы
«Политическое управление»
Института общественных наук
РАНХиГС (Москва).

Для связи с автором:
artemonat@mail.ru

Для цитирования:

Атаманенко А. Момент
прекариата: конфликт как
смысл политического класса //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
[doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.20](https://doi.org/10.31856/jpp-gpp/2021.1.20)

Аннотация

На сегодняшний день прекариат как социально-политический и экономический класс своим существованием бросает вызов политическим системам. Для работы с ним необходимо понимать не только структурные особенности и каналы связи, но и ценностно-целевые конструкты, возникающие в политическом поле прекариата. В статье предпринята попытка на базе конфликтологической парадигмы определить координаты прекариата и определить характеристики политического поля его жизни. Анализ основывается на теоретических воззрениях классиков конфликтологии и видении прекариата как проблемного социально-политического образования. В качестве гипотезы выдвинуто предположение о текущем положении прекариата как о возможности для глобальной модернизации власти и объединения атомизированных сообществ. Одновременно с этим рассмотрены конфликтогенные риски расширения прекариата как отторженных из политического процесса наблюдателей внутри политической системы.

Ключевые слова: прекариат, конфликтология, политический конфликт, политическая теория, политическое представительство, политическая система.

Введение

В своей работе «Почему люди бунтуют» Тед Гарр создает и объясняет теоретическую модель возникновения политического насилия. Рассматривая разочарование и фрустрацию как основной компонент возникновения насилия, Гарр выделяет показатель относительной депривации. Возникая из-за расхождения в ценностных ожиданиях и ценностных возможностях, относительная депривация индивидуальна в своей конфигурации для каждого отдельного общества. Ценностные ожидания могут восприниматься как наши чаяния, надежды и желания относительно улучшения нашей жизни. Возможности очевидным образом формируются из доступных нам ресурсов и масштабов их использования. Как пишет сам Гарр: «В большинстве вспышек коллективного насилия среди его участников существует также ясно выраженное чувство цели в том смысле, что они ожидают от насильственных акций улучшения своих ценностных позиций» [Гарр 2005]. В конце концов, любой акт политического насилия несет в себе желание прийти к лучшей жизни и найти новые возможности для реализации своих ожиданий.

Особенно интересными для нас становятся те позиции, которые в теории Гарра занимают классы. В зависимости от своего качества разные социальные классы могут совершенно по-разному искать источники и триггеры к реализации политического насилия. В частности, для нас здесь крайне полезным оказывается *рис. 1*.

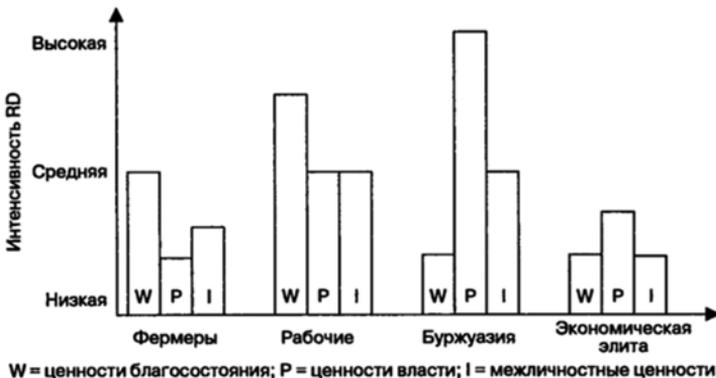

Рис. 1. Относительная депривация в понимании Теда Гарра

На представленной схеме Гарр показывает интенсивность относительной депривации для различных классов. Эта схема действительно примечательна и вполне реалистична. Буква W обозначает ценности благосостояния,

P – ценности власти, I – ценности межличностного общения. Однако, на мой взгляд, на этой схеме не хватает класса, который сегодня требует гораздо большего внимания и которого, на самом деле, еще не было в момент написания этой работы Гарром. Речь идет о прекариате.

Новый опасный класс?

Наиболее ярко прекариат описал Г. Стэндинг в книге «Прекариат: новый опасный класс». Успев стать классикой экономической и политической теории, эта работа вместе с прочтением «Почему люди бунтуют» воспринимается как логичное продолжение поиска конфликтогенного класса. Прекариат с должной долей уверенности может претендовать на это место. Этот класс – люди, постоянно занятые непостоянной работой. Такое непостоянство вызвано экономико-политическими трансформациями, приведшими к товаризации всех социальных процессов и появлению гибкой экономики. Из-за этого прекариат характеризуется постоянной нестабильностью: к нему относятся мигранты, фрилансеры, студенты, работающие в свободное от учебы времени, и тому подобные люди. При этом сам прекариат как социальное образование крайне неоднороден и негомогенен. Он постоянно меняется, а его границы практически неопределимы. Исходя из этого, прекариат становится важным элементом современного распределения власти, поскольку в большинстве своем лишенные постоянного политического и профессионального представительства оказавшиеся в прекариате вынуждены компенсировать этот факт постоянной активностью, часто протестного характера. Стэндинг называет массовую прекариатизацию социальным недугом [Стэндинг 2014], перекликаясь с терапевтическим государством Фрэнсиса Фукуямы [Фукуяма 2019]. Тем не менее концептуально прекариат очень логично вписывается в классификацию Гарра.

Можем предположить, что наиболее интенсивная степень относительной депривации прекариата возникает в ценностных ожиданиях благосостояния (W) и власти (P), поскольку прекариат в большей степени лишен и того и другого. Долгое игнорирование прекариата с точки зрения государственной политики порождает своеобразную провокацию, которая вынуждает прекариат громче заявить о себе [Шамахов 2020]. А для этого за неимением необходимого количества ресурсов положительных и аффирмационных действий представители этого класса вынуждены «бунтовать». В данном случае политическое насилие рождается как бы вне сферы политического, потому что несет в себе цель поставить прекариат наравне с иными социально-политическими групповыми акторами. Противоречивое как само появление прекариата, это вторжение отторженных может привести к глубоким социальным потрясениям в самых основах социокультурной матрицы данного

общества [Тощенко 2018]. Одновременно с этим прекариат не испытывает недостатка в межличностном общении, поскольку его члены постоянно меняют места работы и проходят через большое количество коммуникационных связей. Это только усугубляет ощущение депривации, поскольку люди наблюдают аналогичную с собственной фрустрацию у своих коллег. Чем больше зарегистрированных сознанием случаев, тем более интенсивно ощущение всеобщей несправедливости. Эту ситуацию Стэндинг описывает термином «Политика ада», а Гарр называет инструменты такой политики «институциональной поддержкой» [Гарр 2005; Стэндинг 2014]. В этом контексте нам становятся видны точки соприкосновения и взаимного дополнения теоретических аспектов работ двух классиков.

А судьи кто?

В рамках проводимого нами анализа необходимо для полного и логичного соблюдения методологической последовательности рассмотреть фундаментальные основы конфликтологического измерения политики. Управление конфликтом в этом понимании предполагает и онтологическое развитие общества. В такой оптике конфликт рассматривает основоположник конфликтологии как области социального знания Георг Зиммель. Работы немецкого социолога Георга Зиммеля стали одним из столпов социальных наук XX в. В контексте политической конфликтологии нас однозначно интересует то, как исследователь понимал и интерпретировал социальные конфликты и столкновения. Зиммель показывает, что конфликт является неотъемлемой частью взаимодействия людей в условиях общего сожительства. Конфликт не имеет негативной коннотации; наоборот, он становится индикатором здорового общества, в котором отдельные его участники сохраняют свои интересы, мотивации и установки.

Начнем с того, что центральным понятием в обществе для Зиммеля становится взаимодействие людей. Согласно работе «Социальная дифференциация», общество появляется, когда отношения между людьми приобретают сложный характер: возникают подчинение, разделение труда, сотрудничество и т. д., подкрепленные интересами участников сообщества [Simmel 1908]. Такой системе по определению необходимы постоянные проверки и своеобразные «встряски», которые могут создать фактор необходимости для тех или иных форм и паттернов взаимодействия. Одной из таких необходимых форм в социологии Зиммеля стал конфликт. Например, культура и ее история в данной интерпретации могут восприниматься как последовательность конфликтов и примирений, иллюстрирующих разницу и сходства значимых практик в разных сообществах и группах внутри сообщества. Конфликт превращается в маркер социальности как таковой, поскольку свидетельствует о нужде

во взаимодействии: без дальнейшего конструктивного взаимодействия возникший конфликт не может быть решен. Члены любого сообщества постоянно проверяют свои социальные связи через противодействия. Какие-то из них становятся слабее или совсем исчезают, а какие-то укрепляются и открывают новые социальные потенциалы. Можем сказать, что конфликт в этом прочтении Зиммеля способствует социальному прогрессу, будучи неотъемлемой частью социума [Степаненкова 2015].

Необходимую природу конфликта Зиммель аргументирует через саму природу человека. Он называет это «первичной потребностью во враждебности», которая способствует изначальной агрессивности человека как социального существа. Это утверждение дает нам право сказать, что конфликт – естественный и потому объективный паттерн межлического и межгруппового взаимодействия. Предположим, что в таком случае конфликт должен нести некое позитивное влияние на социальную динамику. Каким же оно является? Как считает ученый, любой спор или борьба в сообществе приводят к внутреннему сплочению данной группы. Общая угроза способствует реконфигурации локальных социальных систем в сторону более оптимальных для общественного «выживания» форм и правил общественного сожителства, представленных в группе. В зависимости от внешней среды ситуация противоречия может переходить из активной в пассивную фазу и наоборот, из чего складывается динамика конфликта. Если столкновение задействует различные значимые общественные группы, систематические насильственные взаимодействия рано или поздно приводят к выработке некоей единой, компромиссной формы социально-политического устройства. Внешняя или внутренняя угроза могут стать обоснованием целесообразности создания таких общих правил. Получается, что таким образом Зиммель создает конфликтологическую парадигму генезиса национальной и политической идентичности, которую он называет «дух народа» [Зиммель 1996].

Может показаться, что наличие конфликта потенциально приводит к установлению экстремальных форм социального процесса, появлению крайней степени враждебности в группе и за ее пределами. Действительно, социолог пишет о том, что укрепление конфликтных взаимодействий в группе приводит к ее нетолерантности. Это значит, что терпимость к практикам, отличным от мейнстрима, снижается и допустимость отличия становится меньше. Тогда группа может прибегнуть к отчуждению некоторых ее членов, применить внутренние санкции. Интересно, что размер группы коррелирует с интенсивностью конфликтов. Большие группы склонны к большей терпимости, тогда как малые группы чаще практикуют социальный контроль и вводят последствия за нарушения принятых в группе правил. Конфликт может рассматриваться еще и как сдерживающий фактор: те или иные социальные

инновации могут быть остановлены опасениями относительно возможных конфликтных ситуаций. В главе «Борьба» или «Спор» книги «Социология: исследование форм обобществления» Зиммель акцентирует внимание на том, что противостояние организованных групп стимулирует более оформленную дисциплину, а в рамках этой дисциплины способность индивида к социальному творчеству объективно снижается. При этом все конфликтующие стороны, как ни парадоксально, заинтересованы в поддержании дисциплины у своих оппонентов, поскольку добиться реального завершения конфликта без структурного постоянства невозможно, взаимная дисциплина создает гарантию сохранения и поддержки принятых в результате обсуждения противоречия решений. Зиммель называет это «триумфом целесообразности над непосредственным преимуществом» [Simmel 1908]. Таким образом, при кажущейся деструктивности, конфликт все равно остается важным и необходимым видом взаимодействия в обществе, который помогает определить и оптимизировать наиболее успешные формы и способы организации общества.

Политика признания

В этой связи возникает вопрос: что же необходимо сделать, чтобы снизить столь высокий уровень относительной депривации прекариатизированного населения? Возможно, в данном случае стоит также обратиться к конфликтологической парадигме политики. Современные государственные социальные программы по всему миру в большинстве своем направлены лишь на повышение материального обеспечения соответствующих граждан, что в перспективе только повышает количество искусственных рабочих мест, которые в итоге не могут обеспечить должный уровень благосостояния. Эту проблему описывает в своей книге «Бредовая работа» британский антрополог Дэвид Гребер [Гребер 2020]. С его точки зрения, сегодня мы стараемся загрузить как можно больше людей не всегда осознанным трудом, что приводит к навязыванию третичного времени и превращению рабочего места в камеру трудового заключения. Такая ситуация явно повышает конфликтогенность данной социальной среды. Может быть, нам стоит обратиться к идее безусловного базового дохода для всех жителей, как предлагает Рутгер Брегман [Брегман 2020], а может, следует придать работе творческой осмысленности и сделать ее интересной. В любом случае Гарр и Стэндинг показывают нам важную вещь, которую должны учитывать все деятели политической сферы: политика должна решать не только экономические проблемы путем достижения численных показателей, но и в первую очередь статусные, социальные, общественные вопросы и заботиться о духовном комфорте своих граждан.

На эту значимую тему рассуждает и американский мыслитель Льюис Козер. В его понимании конфликт, попадая в определенное семиотическое поле,

может иметь разный потенциал своей активности. Ключевой идеей концепции Козера становится дуализм реалистического и нереалистического конфликта. Реалистический конфликт подразумевает наличие четких мотиваций, запросов и ожиданий, желания сторон видеть различающиеся качественные изменения объекта конфликта. Условно говоря, такой конфликт не подразумевает изначальной ненависти к оппоненту, она является следствием негативного взаимодействия относительно объекта. Такими конфликтами могут быть торговые споры, ресурсные войны, борьба политических партий за места в парламенте. Нереалистический конфликт подчиняется в большей степени эмоциональным, субъективным мотивациям и не имеет в своей основе качественно и количественно удовлетворимого запроса. Природа реалистического конфликта обуславливает существование национализма, экстремистских организаций и движений. Такой тип конфликта обычно актуализируется достаточно долгое время, становясь определенной устойчивой частью данной политической повестки. Такое разделение позволяет провести четкую грань между типами конфликта и подбирать релевантные стратегии их решения. При этом важно понимать, что реалистический конфликт может иметь в своей основе как спор относительно базисных взаимодействий как таковых, так и их рамок и границ [Козер 2000]. К примеру, спор относительно наиболее оптимальной политической системы в государстве между двумя партиями затрагивает базовую основу и, скорее всего, не приведет к конструктивному решению. Но дискуссия уже по поводу, скажем, количества мест в парламенте или системы голосования поможет сообществу сплотиться в процессе поиска оптимального решения общей задачи в единой концептуальной рамке. В первом случае такая общая задача отсутствует. Таким образом, перед нами формируется модель, по которой мы можем оценить «пользу» конфликта и предполагаемый продукт его решения.

Теперь же стоит определить, как именно такая модель может применяться в условиях современной политики. Наша задача с точки зрения политического управления оказывается достаточно понятной: определить в многообразии общественных конфликтов те, которые являются а) реалистическими и б) создают для конфликтующих сторон общую решаемую задачу в рамках социальных норм и договоренностей данных сообществ. В дополнение к этому конфликтологическая работа может помочь превратить нереалистические конфликты относительно базовых принципов в решаемые через процессы операционализации политической реальности. Процедура это может быть реализовано через институты партийно-политического представительства, дискуссионные площадки, работу СМИ и общественный мониторинг. В контексте международных отношений этой задаче служат публичная дипломатия и международные некоммерческие организации. Прекариат, однако,

оказывается лишен институционального выражения своей политической воли, что затрудняет построение конструктивного артикулирующего дискурса. Сам конфликт, возникающий на такой почве, при этом может становиться фактором объединения отторгнутой из политического поля части общества [Uchitelle 2006]. Вполне вероятно, что именно поиск и реализация новых форм политической презентации станут основной задачей политиков эпохи глобальной прекариатизации.

Выводы

Прочтение конфликта одновременно как контекста и как инструмента политической социализации позволяет нам выдвинуть предположение о созидательной роли прекариата. Необходимость и желание реализовывать социально-политическую динамику на фоне экзистенциального противоречия с действующей системой распределения политических и экономических благ со стороны прекариата может привести к акцентированию внимания на тех проблемах, которые до этого замалчивались. Выступая в роли индикатора кризиса, увеличение численности прекариата свидетельствует о том, что властный курс должен быть скорректирован в сторону создания более экологичной социальной среды. Таким образом, можем выделить несколько характерных особенностей прекариата как детерминанты политической системы современности:

1. Конфликт становится жизненной парадигмой прекариата, создавая предпосылки для изменения политической системы.
2. Прекариат, будучи классом неустойчивым, быстро проходит стадии актуализации конфликта и требует оперативной реакции от политического истеблишмента.
3. Будучи вне политического поля, прекариат как общность способен к коллективному, но несогласованному политическому действию, то есть не зависит от реакции традиционных политических институтов в их современном положении.

Эти тезисы позволяют нам сказать, что феномен конфликта в оптике Зиммеля воспринимается нами как инструмент общественного прогресса. Несовпадение интересов социальных акторов и их противодействие помогают находить формы связи, которые были бы устойчивы и эффективны. Такое стратегическое рациональное видение конфликта изначально предполагает наличие способа решения, что помогает конструктивно улаживать противоречия в моменты, когда участники конфликта начинают быть склонны к неприятию. Отголоски работ Зиммеля мы можем найти у Стэндинга в его «Прекариате», у Латура в «Пересборке социального», у Гребера в «Бредовой работе».

История и характер политического конфликта как экзистенциального состояния общества приводят к мысли о том, что противоречия определяют социум как таковой. Поскольку конфликт возникает как форма взаимодействия, можем сделать вывод, что человек остается в обществе даже тогда, когда оно изначально конфликтогенно. Решение значимого конфликта, лежащее обычно в политическом поле, приводит к социальной модернизации. Именно поэтому сегодняшняя относительная депривация прекариата может восприниматься как индикатор большой социально-политической возможности. Используя окно этой возможности, мы можем на уровне политической этики предложить новое отношение к труду и его политической значимости и закреплённости. Эта возможность, однако, при длительном и сознательном ее игнорировании может перерасти в кризис политических отношений между трудом и человеком, между исключенным из политических отношений прекариатом, одновременно заключенным в системе этих самых политических отношений, и глобальной системой политической власти, выступающей одновременно вместилищем и местом заключения нового опасного класса.

Источники

- Брегман Р.* (2020). Утопия для реалистов. М.: Альпина Паблишер.
- Гарр Т.* (2005). Почему люди бунтуют. СПб.: Питер.
- Гребер Д.* (2020). Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ад Маргинем.
- Зиммель Г.* (1996). Избранное. Т. 2: Созерцание жизни. М.: Юрист.
- Козер Л.А.* (2000). Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги «Идея-пресс».
- Степаненкова В.М.* (2015). «Борьба всех за всех»: теория конфликта Георга Зиммеля // Социологический журнал. № 3–4. С. 123–138.
- Стэндинг Г.* (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем.
- Тощенко Ж.Т.* (2018). Эволюция идей: от пролетариата к прекариату // Гуманитарий Юга России. № 3.
- Фукуяма Ф.* (2019). Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина-паблишер.
- Шамахов В.А.* (2020). Проблема прекариата – вызов для России и Европы в условиях кризиса // Управленческое консультирование. № 4 (136).
- Simmel G.* (1908). Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot.
- Uchitelle L.* (2006). The Disposable American: Layoffs and their Consequences. New York: Alfred Knopf.

Винницкий Артём

Наследие Карла Шмитта как ключ к пониманию российского политического пространства

Винницкий Артём –

студент 3-го курса
бакалаврской программы
«Политология» факультета
международных отношений
и политических
исследований СЗИУ РАНХиГС
(Санкт-Петербург).

Для связи с автором:
adelphohesychast@gmail.com

Для цитирования:

Винницкий А. Наследие
Карла Шмитта как ключ
к пониманию российского
политического пространства //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.21

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению теоретических идей Карла Шмитта, получивших свое активное развитие в российском политическом пространстве. В результате анализа российского политического контекста и современного российского политического языка было продемонстрировано, что рецепция идей немецкого юриста стала возможна после политического кризиса 1993 г., получивших свое дальнейшее развитие в концептах видных российских политических деятелей – «суверенной демократии» Владислава Суркова и «конституционной идентичности» Валерия Зорькина.

Ключевые слова: Карл Шмитт, Владислав Сурков, Валерий Зорькин, 1993 год, легальность, легитимность, суверен, понятие политического, суверенная демократия, конституционная идентичность, пятая колонна.

*Есть только одно мерило власти – доверие людей.
Никакого другого мерил не существует.*
Владимир Путин

Введение

Представить себе современную политическую философию и теорию международных отношений без того вклада, который привнес в эти области немецкий юрист Карл Шмитт, если и возможно, то в очень поредевшем виде. После снятия табу с его трудов, наложенного в связи с его одиозным прошлым, его наследие, особенно после событий 11 сентября 2001 г., стало неотъемлемой частью политической мысли XXI в. Известный немецкий философ Юрген Хабермас любит повторять, что современный мир представляет из себя противоборство кантианского и шмиттовского проектов. Одни, преимущественно левые, используют шмиттовское наследие для критики установившегося мирового либерального порядка, универсализм которого выродился в «постимпериализм» [Соболева 2012: 178]. Другие же, правые, уповают на консервативную составляющую немецкого юриста, подчеркивая его оппозицию как либеральной, так и социалистической мысли [Дугин 1992]. О благотворном влиянии шмиттовских идей споры идут по сей день, бесспорным же остается только одно – их востребованность в изменившихся политических реалиях.

Несмотря на актуальность Шмитта в западной академической среде¹, та роль, которую его идеи приобрели в российском политическом пространстве, остается слабо изученной. Тем удивительнее выглядит органичность, с которой шмиттовские идеи вписываются в российские политические реалии и текущий политический курс, что порождает разительную несоразмерность. Поднятые им проблемы протекают через современную историю нашей страны, а его концепции продолжают развивать российские философы, юристы и государственные служащие. Чтобы продемонстрировать актуальность шмиттовского наследия для изучения российского политического пространства, а также тот активный запрос, что возник на его идеи в условиях современного российского политического режима, особенно после «консервативного поворота» 2013 г., и пишется данная работа, имеющая своей целью получить ответы на следующие исследовательские вопросы: какое *событие* сделало возможным рецепцию идей Карла Шмитта? Через какие отечественные политические концепции идеи Шмитта приобрели свое дальнейшее развитие?

¹ Вот лишь некоторый перечень именитых западных интеллектуалов, испытавших на себе прямое шмиттовское влияние: Вальтер Беньямин, Лео Штраус, Ханна Арендт, Жак Деррида, Ален де Бенуа, Юрген Хабермас, Шанталь Муфф, Джорджо Агамбен.

Для ответов на поставленные вопросы в работе делается упор на последовательный анализ исторического контекста, в котором стала возможна рецепция теоретических идей Карла Шмитта, и на современный российский политический язык, в частности на политические концепции, активно использующиеся в российском обществе («Пятая колонна») и на политические концепты-идеологемы, целенаправленно создающиеся руками российских политических деятелей, совмещающих государственную службу с теоретическими построениями («суверенная демократия» Владислава Суркова и «конституционная идентичность» Валерия Зорькина).

Ответы на обозначенные исследовательские вопросы через обращение к политической истории нового государства и к политическому языку позволят по-новому взглянуть на идеи немецкого юриста в контексте нашей страны, а также внесут вклад в устранение той лакуны, что образовалась вследствие отсутствия значительного числа работ, посвященных той роли, которую наследие Карла Шмитта приобрело в рамках российского политического пространства.

Легальность и легитимность

Проблемы, возникшие в процессе формирования Российской Федерации, поразительным образом напоминают те проблемы, с которыми столкнулась Веймарская республика, в период которой Шмитт и написал свои основные труды, многие из них были направлены на преодоление сложившегося политического кризиса. Речь идет прежде всего о неизбежном конфликте «легального» и «легитимного», о противостоянии законного парламента (будь то ландтаг Пруссии или же Верховный Совет РФ) и легитимного (рейхс)президента (будь то Пауль фон Гинденбург или же Борис Ельцин). Прежде чем мы обратимся к современным российским реалиям, необходимо прояснить теоретическую суть этого конфликта.

Шмитт был обеспокоен противоречиями устаревшего, как он полагал, либерально-буржуазного государства XIX в., на смену которому пришел новый тип государственного устройства – «тотальное государство», в котором уже не существовало традиционной для либеральной парадигмы дихотомии, подразумевающей противопоставление «гражданское общество – государство» [Кильдюшов 2009: 56]. Государство превратилось в самоорганизующееся общество, в результате чего исчезло всякое различие между обществом и государством, частным и публичным, а всякая общественная сфера и отрасль неминуемо подверглись политизации. В этих изменившихся условиях Шмитт и видит корень проблемы. Парламент как репрезентативный институт гражданского общества утратил свое былое значение. Общество равных (большинство) уже не имело потребности в представительстве от имени

парламентской элиты (аристократического меньшинства). Противопоставляя элитаристский либерализм эгалитаристской демократии, Шмитт видит в парламенте институт вечной дискуссии, репрезентативная функция которого свелась к раздиранию единой народной воли. Альтернативой же парламентаризму должна была выступить плебисцитарная демократия:

...плебисцитарная легитимность – это единственный вид обоснования государства, который сегодня может признаваться всеми. Так что очень вероятно, что большая часть несомненно существующих сегодня тенденций к «авторитарному государству» объясняется именно этим. От этих тенденций невозможно просто так отмахнуться как от реакционной или реставрационной ностальгии. Гораздо важнее понять, что причину сегодняшнего «тотального государства», вернее тотальной политизации всего человеческого бытия, следует искать в демократии и что для осуществления необходимой деполитизации требуется стабильный авторитет, чтобы с помощью тотального государства вновь получить свободные сферы и области жизни. Однако с точки зрения конституционной теории самый сильный мотив подобных тенденций к *auctoritas* заложен в самой ситуации – он непосредственно вытекает из того, что плебисцитарная легитимность остается сегодня единственной признанной системой обоснования [Шмитт 2013: 300–301].

Ключевая идея для Шмитта состоит в том, что легальное, никогда не существовавшее в отрыве от легитимного, ныне не может выступать основанием для самого себя, существовать вне чьей-то воли – логика децизионизма. Правовое государство – то, в котором нормы и законы являются высшим выражением воли большинства, – неминуемо перераспределяет власть в пользу исполнителей норм и законов – бюрократии. Новая элита, бюрократия, с помощью парламента изменяет законы и даже Конституцию лишь для продвижения собственных интересов, пренебрегая народной волей, а потому, заключает Шмитт, необходим суверен – сильная фигура президента, которая, воспользовавшись предоставленной ему народом легитимностью, вернет легальное в область легитимного, обеспечит исполнение народной воли и пресечет самоуправство элит. Эта идея суверена, в котором находит средоточие единая народная воля, берет свое начало еще из «Левифана» Томаса Гоббса, изображенного в виде государя, чье коллективное тело состоит из делегировавшего ему власть, заключившего между собой общественный договор, народа. Важно учесть тот социально-политический контекст, в рамках которого Карл Шмитт и писал свои основополагающие теоретические труды, а именно – политический и конституционный кризис Веймарской республики.

Ландтаг Пруссии и рейхспрезидент

Результаты выборов в парламент, рейхстаг, 14 сентября 1930 г. ознаменовались достижениями радикальных левых и правых, коммунистов и нацистов, что привело к невозможности сформировать парламентское большинство и кабинет министров из-за нежелания радикальных и умеренных партий вступать друг с другом в коалиции. Аналогичная ситуация складывается 24 апреля 1932 г., когда происходят выборы в ландтаг региона, обладающего широкой автономией, – Пруссии, где уверенную победу одерживают нацисты. Тем не менее, несмотря на выборы, отсутствие парламентского большинства привело к сохранению социал-демократического правительства меньшинства, что, учитывая рост числа радикалов, породило всплеск насилия и ожесточенной межпартийной борьбы. Парламентаризм зашел в тупик.

Тогда для восстановления политического процесса и обеспечения безопасности с 1930 по 1932 г. начинается активная практика введения чрезвычайного положения за счет 48-й статьи Конституции, позволяющей проводить политические решения и формировать кабинет министров при помощи президентских декретов в обход законодательной ветви власти. Желание обеспечить безопасность и порядок, прекратить кровавые междоусобицы, а также заручиться парламентским большинством достигает своего апогея в 1932 г.

10 апреля 1932 г. Пауль фон Гинденбург после окончания второго тура голосования был избран на второй срок рейхспрезидентом, после чего он, заручившись народным доверием, отстраняет социал-демократическое правительство, а 1 июня назначает новой главой правительства, рейхсканцлером, консерватора Франца фон Папена. Последний всячески стремится добиться расположения нацистов для формирования коалиции, парламентского большинства, а потому он уже 16 июня снимает запрет с СА и СС, что приводит к еще большему всплеску политического насилия, уличных столкновений и ожесточенных боев на территории Пруссии, закончившихся 17 июля Альтонским кровавым воскресеньем [Walter 2007]. Началась целая гражданская война между левыми и правыми. Это обстоятельство стало отличным поводом для концентрации исполнительной власти и выстраивания вертикали.

20 июля 1932 г. происходит то, что в немецкой истории получило наименование “Preußenschlag” – дословно удар по Пруссии, а де-факто под этим подразумевается переворот, путч, устроенный правительством Рейха. Через три дня после Альтонского кровавого воскресенья рейхсканцлер Франц фон Папен, ссылаясь на неспособность прусских властей поддерживать порядок и на некий сговор социал-демократов с коммунистами, договорился с рейхспрезидентом Гинденбургом о вводе чрезвычайного положения. В один день выходят два декрета. Первый, «Указ рейхспрезидента о восстановлении общественной безопасности и порядка в Пруссии», назначил рейхсканцлера

фон Папена рейхскомиссаром Пруссии, делегируя ему всю исполнительную власть в области, и уполномочил его лишить прусских министров их должностей. Впоследствии социал-демократические министры будут заменены членами национал-социалистической партии, а парламент перестанет представлять из себя угрозу. Второй, «Указ рейхспрезидента о восстановлении общественной безопасности и порядка в Большом Берлине и провинции Бранденбург», ограничил основные права и свободы на обозначенных территориях, включая свободу передвижений, ассоциаций и право на ведение частной переписки. Таким образом, рейхспрезидент и рейхсканцлер, заручившись народной поддержкой, ликвидировали законную власть в Пруссии, совершив переворот.

Именно в это беспокойное время Карл Шмитт осмысляет и заканчивает многие свои значимые труды. В 1931 г. выходит «Гарант конституции», обосновывающий сильную президентскую власть, стоящую над всеми прочими ветвями власти и зиждущуюся на плебисцитарной легитимности [Юрлова 2012]. В 1932 г. – «Понятие политического», констатирующее конфликтное измерение в качестве сущностной черты политического и провозглашающее необходимость достижения единства народной воли через сплочение «своих» и отчуждение «других» вплоть до упразднения самого политического; а также в этом году выходит «Легальность и легитимность». Таким образом, Шмитт, подобно Гоббсу, формировал свои политико-философские идеи, обосновывающие сильную фигуру суверена, наблюдая непрекращающиеся распри между самыми различными партиями и кликами и находясь под впечатлением от тех событий, свидетельствующих о кризисе парламентаризма, что происходили в Веймарской республике. Весьма примечательно, что именно Шмитт в октябре 1932 г. выступил одним из защитников Рейха на судебном процессе, инициированном Пруссией, где он защищал право рейхспрезидента назначать рейхскомиссаров [Филиппов 2000: 298–299].

Верховный Совет РФ и Борис Ельцин

Именно этот сценарий, прописанный Шмиттом еще в первой половине XX в., во времена политического кризиса в Веймарской республике, и был реализован на российской политической арене 21 сентября 1993 г., когда президентом Борисом Ельциным был подписан Указ № 1400. Этот документ констатировал, что перечисленные действия законного парламента «со всей очевидностью свидетельствуют о том, что большинство в Верховном Совете Российской Федерации и часть его руководства открыто пошли на прямое попрание *воли* (курсив здесь и далее мой. – А. В.) российского народа, выраженной на референдуме 25 апреля 1993 года» [Указ Президента... 21.09.1993]. Эта ситуация “Ernstfall”, исключительного случая в исключительном

обстоятельстве, отражает тот скепсис, который Шмитт испытывал по отношению к сторонникам позитивистского права. В этой политико-правовой пустоте побеждает тот, кто оказывается наиболее успешным выразителем народной воли, кто умудряется выстроить весь процесс так, что воля суверена становится подобна воли народа. Нормы и право не существуют метафизически, их определяет «решение». Сама же по себе легальность не обладает легитимностью.

В конце концов конфликт заканчивается введением 3 октября 1993 г. чрезвычайного положения и устранением последнего препятствия на пути сильной президентской власти – действующего парламента, разгон которого стал символом торжества плебисцитарной легитимности [Указ Президента... 03.10.1993]. Победа легитимности над легальностью окончательно зафиксирована с принятием новой Конституции на тех условиях, что продикует единственный актер-победитель – суверен. По Шмитту, суверен – это «тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [Шмитт 2000: 15]. Суверен – не просто какой-нибудь тиран или диктатор, он тот, кто способен переступить через нормативное право, конституировать новый порядок. И этот порядок, модель которого заложил Ельцин в 1993 г., зафиксировав действующей Конституцией, а Шмитт описал под влиянием разгона правительства, а затем и ландтага Пруссии Гинденбургом в начале XX в., воспроизводится в российских политических реалиях по сей день.

Некоторые исследователи объясняют схожесть веймарского и российского политического контекста возникшей кризисной ситуацией, в результате которой произошел сценарий ловушки «догоняющей модернизации», окончившийся «модернизацией без модерна» [Кильдюшов 2009: 52–53]. Другие исследователи, опираясь на труды Джорджо Агамбена, полагают, что 1993 г. отразил лишь то, что Россия находится в русле общей современной политической авторитарной тенденции, проявляющейся в неограниченном вводе чрезвычайного положения и усилении исполнительной власти [Куренной 2007: 18]. Но если Шмитт видел в институте чрезвычайного положения нечто положительное, что помогает преодолеть кризис, вызванный «утратой легального духа легитимного», то Агамбен считал позицию Шмитта ошибочной, видя в данном институте лишь пренебрежение нормативным правом и конституирование произвола [Павкин 2012: 23]. Как бы то ни было, в рамках настоящей работы нам представляется принципиально важным отметить следующее: события 1993 г. протекали сугубо по шмиттовскому сценарию, в русле которого, через принятие новой Конституции и установление нового порядка, через закрепление примата легитимного над легальным, исполнительной власти над законодательной, через фигуру сильного президента, стоящую над всеми остальными ветвями власти и являющуюся гарантом последних,

и пошло все дальнейшее развитие нашей страны. Большинство сегодняшних идеологов берет свое начало из этой точки отсчета. Мы разберем два наиболее представляющих для нас интерес концепта, которые прямо продолжают развивать шмиттовские идеи. Первой выступает «суверенная демократия» Владислава Суркова, возникшая в 2005–2006 гг., второй – «конституционная идентичность» Валерия Зорькина.

Суверенная демократия

Уже сама этимология концепта Владислава Суркова в очередной раз отсылает нас к политическому языку Томаса Гоббса, которого Шмитт очень ценил, – к суверену. При этом мы видим, что к «суверену» добавляется демократический компонент – «демократия». Таким образом идеологемата начинает походить на «народную монархию» – известную концепцию русского мыслителя-монархиста Ивана Солоневича. Здесь уместно будет вспомнить один из исторических политических институтов России – институт Земских соборов:

Специфический характер этой демократическо-монархической традиции в России отмечался, в частности, в работе В.О. Ключевского «Курс русской истории». Анализируя сущность института Соборов, тот отмечал, что последние представляли собой не демократический институт (представительства сословий, вотирующих налоги) в смысле европейских парламентов, а просто совещание правительства с его агентами (в силу полного отождествления государства и общества) [Казанцев 2008: 3].

Уже в этой древней традиции Земских соборов мы наблюдаем черты шмиттовского тотального государства (слияние общества и государства). Земский собор в отдельные исторические периоды больше походил на референдум, доступ к которому имели даже чернососшные крестьяне, нежели на элитистский парламент. Субъектом здесь выступал не индивид либо его представители, но коллектив – единый народ с единой волей, формирующийся вокруг фигуры абсолютного монарха. Династия Романовых как раз и была избрана на одном из таких соборов в 1613 г. В этом смысле институт Земских соборов очень напоминает ранний институт плебисцитарной демократии:

Соборная культура осуждает партийность и фракционность. Она направлена на демонстрацию вовне единства путем единодушного одобрения, выработанного за кулисами межэлитного соглашения. Она также, по сути, не терпит процедурных (в том числе формально-юридических) ограничений [там же: 3].

Эта исторически сложившаяся практика «коллективной демократии» и вошла как основа в концепт «суверенной демократии», противопоставляющей себя не только либеральной демократии Запада, но и двум другим классическим идеологиям Модерна:

Что касается России, прочное иновластие здесь немыслимо. Маргинальные союзы бывших чиновников, действующих нацистов и беглых олигархов, взбадриваемые заезжими дипломатами и незатейливой мыслью о том, что за граница им поможет, могут пытаться разрушить, но никогда не смогут подчинить общество, для которого суверенитет – гражданская ценность [Сурков 2008: 31].

Как мы видим, Владислав Сурков рассматривает в приверженцах классических идеологий Модерна («союзах бывших чиновников», «действующих нацистах», «беглых олигархах») агентов «заграницы», которые угрожают российскому суверенитету. Здесь опять видно противопоставление своей, коллективной демократии, берущей начало еще из русской истории, всем прочим формам правления, зародившимся на Западе. Можно сказать, что суверенная демократия представляет из себя некий вид национальной плебисцитарной демократии, который через народное волеизъявление дарует президенту мандат с чрезвычайными полномочиями, призванный обеспечивать народный суверенитет, закрепленный в самой Конституции:

Для России в смысле ее легитимации нет ничего более высокого, чем такая Конституция. Верховенство Конституции как раз высшее выражение суверенитета всего народа России. И в этом смысле – это демократический суверенитет [там же: 51].

Таким образом, после 1993 г., закрепившего идеи Карла Шмитта на формальном, конституционном уровне, Владислав Сурков уже при преемнике Бориса Ельцина своей концепцией нормативно обосновывал в российском публичном пространстве (1) сильную президентскую власть, (2) наделенную плебисцитарной легитимностью и (3) противостоящую Другим, иноземным, формам правления. И хотя мы не можем утверждать наверняка, читал ли сам Владислав Сурков труды Карла Шмитта², та концепция, которую он разработал,

² Хотя мы знаем о его библиотеке, богатой на философские труды близких Карлу Шмитту мыслителей (Эрнст Юнгер, Мартин Хайдеггер) и мыслителей, испытавших на себе прямое влияние Шмитта (Вальтер Беньямин, Юрген Хабермас, Мишель Фуко).

целенаправленно создавалась в похожих исторических условиях и имела в себе ту же интенцию, что и плебисцитарная демократия Шмитта.

Пятая колонна

В условиях суверенной демократии, то есть в условиях единой народной воли, получает свое активное развитие еще одна важная идея Карла Шмитта – «понятие политического». По Шмитту, сущность политики заключается в «различении» друга и врага [Шмитт 2016: 301–302]. Политика в этом смысле неминуемо подразумевает в себе конфликт, возможность объявления войны. «Враг» – это экзистенциальный враг [там же: 303]. Это тот, кого я должен готов убить, будучи готовым умереть самому. «Враг» – это «Другой», стремящийся нивелировать меня до состояния объекта, лишиться субъектности. В этом еще одно, как полагал Шмитт, противоречие либерализма, отрицающего врагов, но признающего конкурентов и оппонентов, с которыми можно вести торговые дела и/или дискуссию [там же: 303]. Наличие врага – неотъемлемая часть политического, часть повседневной жизни. Отсутствие врага – лишь иллюзия, заведомо иллюстрирующая поражение, лишение суверенитета, субъектности.

Примечательно, что сам Шмитт считал свое определение «политического» сугубо дескриптивным, то есть существующим как данность, с которой нам необходимо смириться, как часть объективного мира, не зависящего от нашего идеологического восприятия либо наших этических представлений [там же: 308]. Аналогичных взглядов придерживается и Владислав Сурков. Комментируя решение президента об отмене выборов высших должностных лиц в регионах в сентябре 2004 г., Владислав Сурков связывает общественные противостояния реформе с людскими иллюзиями, в которых они пребывают и в результате которых они не способны узреть врага:

Крайне противоречивые оценки происходящего в России связаны с нежеланием современного человека отказаться от позитивистских иллюзий. Мир, оказывается, не так прекрасен и разумен, как хотелось бы. В нем обитает враг, с которым нельзя справиться так называемыми цивилизованными методами: уговорить, подкупить, обмануть, натравить на соседа [Сурков 2008: 105].

При этом, по Шмитту, «враг» и, следовательно, «политическое» невозможны в условиях единой народной воли. Враг – это всегда что-то инородное, имеющее иную онтологическую природу, нежели народ; нечто, что имеет иные ценности, нежели воля народа, закрепленная в Конституции. В нашем обществе торжествовавшей легитимности «врагом» воспринимается

внешний противник действующего суверена, а следовательно, и противник воли народной. Такой «враг» в политическом дискурсе нашей страны приобрел наименование «пятая колонна», введенное в активный обиход после «болотных протестов» 2011–2013 гг. и референдума в Крыму в марте 2014 г. Под этим термином скрываются всяческие «агенты за границы» с чуждыми российскому народу ценностями. Владислав Сурков в связи с этой внешней угрозой заключает, что «президент обязан реализовать конституционный принцип единства исполнительной власти», что только «единство власти» способно привести к «единению национальному» и «адаптировать государственный механизм к необъявленной войне» [там же: 107].

Конституционная идентичность

В государстве с единой народной волей и обладающим легитимностью лидером лишь один актер способен оспорить власть суверена – международное сообщество. Концепция суверенной демократии с самого начала разрабатывалась как потенциальный ответ на этот вызов. Суверенная демократия, противопоставляя себя либеральной демократии Запада, подчеркивает приоритет легитимного (волеизъявление народа, выраженное в российском праве) над легальным (международное право). Но как в таком случае быть с 15-й статьей Конституции, 4-я часть которой фактически провозглашает обратное – примат международного права над национальным? Этой насущной для современной России проблеме сохранения независимости при соблюдении международного права посвятил многочисленное число статей председатель Конституционного суда РФ Валерий Зорькин, доведший концепцию суверенной демократии до логического конца и введший в активный оборот термин «конституционная идентичность».

В своей лекции «Право силы и сила права», прошедшей на V Международном юридическом форуме, Валерий Зорькин вслед за Владиславом Сурковым говорит о возросшей угрозе суверенитету в нынешней эпохе глобализации, которая своим аксиологическим универсализмом порождает разрыв между социальными нормами, традициями, укорененными в народе, «массовым социальным (легитимным. – А. В.) и формально-правовым (легальным. – А. В.) должествованием» [Зорькин 2015]. В результате модернизации социальные нормы, являющиеся «гарантом сохранения и развития общества», вступают в конфликт с теми институтами и нормами, которые применяются на Западе. Ссылаясь на Бурдье, Зорькин утверждает:

...право и правоприменение может быть эффективным лишь в том случае, если закон и норма его юридического толкования созвучны общественным представлениям о справедливости. То есть массовые

морально-этические представления, укорененные в религиозной традиции конкретного народа, в его исторической культуре и опыте, в его специфическом менталитете, – это не мелочи, на которые правоустановитель вправе не обращать внимания. Это – сфера таких социальных ценностей, которые не могут быть «отменены» правовыми актами или быстро подвергнуты волюнтаристской «перековке» [там же].

Подобной же критической позиции придерживался и Карл Шмитт, видя в либеральных правовых институтах и идеях нечто инородное, лишь несуразное заимствование, плохо работающее на немецкой правовой почве [Шмитт 2013: 311].

В статье 2018 г. «Буква и дух Конституции» Валерий Зорькин пишет о том, что «либеральная представительная демократия не справляется с современными вызовами», а потому необходимо найти «более эффективную модель народовластия» [Зорькин 2018]. В этой статье он неоднократно тиражирует важное понятие – «конституционная идентичность». Зорькин поясняет, что в результате пагубных последствий, вызванных глобализацией:

...возникает естественное желание противопоставить стихийным процессам социокультурной глобализации понимание собственной специфики, не поддающейся универсализации. На уровне массового сознания это проявляется в стремлении сформулировать свою религиозную, национальную или региональную (например, европейскую) идентичность. А на уровне органов государственной власти это проявляется в стремлении предотвратить размывание национально-государственного суверенитета и утвердить конституционно-правовую идентичность государства [там же].

Известный шмиттовед Александр Филиппов видит в этом термине «способ довершить то, что не было доделано, но что было запущено в 1993 году, – народ, который дал себе Конституцию» [Филиппов 2018]. Конституционная идентичность, выступая против процесса конституционализации, придает действующей Конституции некое поле суверенности. Конституция в таком понимании – это выражение ценностных ориентаций единого народа, а не копия международных конвенций, выражающих некие универсальные ценности, которые, на самом деле, являются ценностями либерально-западного мира. Фактически Конституция и есть народ, поскольку народ возникает, обретает поле политического только в результате принятия Конституции. Народ в этом смысле конституирует самого себя вместе со своими национальными обычаями, религиозными верованиями и ценностями, не подлежащими универсализации.

Принимая во внимание расходящиеся во всех обществах ценности и нависшую угрозу суверенитету в виде неконтролируемой глобализации, Валерий Зорькин приходит к провозглашению примата российской Конституции над международным правом еще в 2015 г. [Зорькин 2015].

Таким образом, как и концепция Владислава Суркова, концепция конституционной идентичности Валерия Зорькина позволяет обосновать тот социально-политический строй, что был конституирован в результате принятия Конституции 1993 г. Но если суверенная демократия создавалась преимущественно с целью противостояния внутренним врагам, претендующим на создание в России альтернативных форм правления, то конституционная идентичность отвечала на притязания врагов внешних, стремящихся ограничить исторически сложившиеся ценности и традиции российского народа, закреплённые в национальном праве.

Заключение

Трудно переоценить ту значимость, которую идеи Карла Шмитта приобрели после политических событий, затронувших нашу страну в 1993 г. Конфликт легального и легитимного, прежде так волновавший Шмитта во времена политического кризиса в Веймарской республике, когда рейхспрезидент Пауль фон Гинденбург, воспользовавшись народной поддержкой после президентских выборов, ввел чрезвычайное положение и подчинил прусский ландтаг, ликвидировал федерализм и выстроил вертикаль власти, не обошел и нашу страну. В 1993 г. легитимный Борис Ельцин, получивший народный мандат по итогам референдума, ликвидировал законный Верховный Совет РФ, закрепив в Конституции ту политическую систему, которую Карл Шмитт теоретически выстраивал, находясь под впечатлением от политического кризиса в Пруссии. Эта политическая система через обоснование примата исполнительной власти над законодательной, сильного плебисцитарного президента над элитой задала весь последующий тренд политического развития в новом постсоветском государстве и позволила идеям немецкого юриста приобрести актуальность и стать возможными для последующей эксплицитной и/или имплицитной рецепции.

Все вокруг говорят и спорят о Шмитте, трактуют и преобразовывают те или иные его идеи: одни принимают их на вооружение, другие же – с гневом отбрасывают и им противостоят. Его теория пронизывает весь общественно-политический дискурс нашей страны через такие понятия, как «суверенитет», «легитимность», «пятая колонна» и др., а его идеи получили свое активное развитие в статьях видных российских политических деятелей, что обогатило российский политический язык на такие идеологические концепты, как «суверенная демократия» и «конституционная идентичность». Обе концепции,

обосновывают ту политическую систему, что сложилась в 1993 г. Если суверенная демократия через фигуру сильного плебисцитарного президента противостоит альтернативным идеологическим проектам и тем самым провозглашает примат легитимности вовнутрь, то конституционная идентичность, подчеркивая роль ценностей и традиций российского народа в складывании самобытного политического режима и осуждая универсализирующую глобализацию, демонстрирует легитимность вовне. Таким образом, обе концепции отстаивают две основные черты государственного суверенитета – верховную власть на конкретной территории и международное признание [Ильин 2008: 38–39; Ильин, Кудряшова 2011: 5].

Сегодня наследие Карла Шмитта играет значительную, если не первоочередную, роль для понимания российского политического пространства. Слепо минувя его, мы рискуем потерять не только ключи к разгадке того режима, что сложился у нас в 1993 г., связанный с сильной плебисцитарной фигурой президента и вертикалью исполнительной власти, тех современных российских политических концептов-идеологем, что развивали и продолжают развивать российские политические деятели, но и ответы на предстоящие вызовы, о которых отечественные юристы и политологи заявляют уже сегодня: о предстоящем конституционном кризисе и/или попытках вернуться к идее авторитарной модернизации.

Источники

Дугин А. (1992). Карл Шмитт: 5 уроков для России // Геополитика.ру. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/karl-shmitt-5-urokov-dlya-rossii>.

Зорькин В. (2015). Право силы и сила права // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/05/28/zorkin-site.html>.

Зорькин В. (2018). Буква и дух Конституции // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniyami.html>.

Ильин М.В. (2008). Суверенитет: развитие понятийной категории // Суверенитет: трансформация понятий и практик / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО.

Ильин М.В., Кудряшова И.В. (2011). «Кризисы суверенитета» в современную эпоху // Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / под ред. М.В. Ильина, И.В. Кудряшовой. М.: МГИМО.

Казанцев А. (2008). Суверенная демократия в современной России: структура концепта и идеологемы // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kazanzev_suv.pdf.

Кильдюшов О. (2009). Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России // Политический класс. № 1. С. 49–58.

Куренной В. (2007). Мерцающая диктатура: диалектика политической системы современной России // *Левая политика*. № 1. С. 16–23.

Павкин Л. (2012). Теория чрезвычайного положения: К. Шмитт и Д. Агамбен // *Северо-Кавказский юридический вестник*. № 4. С. 19–23.

Соболева И. (2012). Карл Шмитт и левая мысль: пределы совместимости концепций // *Логос*. № 5. С. 178–195.

Сурков В. (2008). *Тексты 97-07*. М.: Европа, ЛитРес.

Указ Президента... (21.09.1993). Указ Президента Российской Федерации № 1400 от 21.09.1993 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации // *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4364>.

Указ Президента... (03.10.1993). Указ Президента Российской Федерации № 1575 от 03.10.1993 «О введении чрезвычайного положения в городе Москве // *Президент России*. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4532>.

Филиппов А. (2000). Карл Шмитт: расцвет и катастрофа // *Шмитт К. Политическая теология*. М.: КАНОН-пресс-Ц.

Филиппов А. (2018). Суверен и фикция воли народа в Конституции РФ // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=p0l-28V7pM8>.

Шмитт К. (2000). *Политическая теология*. М.: КАНОН-пресс-Ц.

Шмитт К. (2013). *Государство: право и политика*. М.: Издательский дом «Территория будущего».

Шмитт К. (2016). *Понятие политического*. СПб.: Наука.

Юрлова М. (2012). Карл Шмитт: учение о гаранте Конституции как пример «конкретного мышления» о государственных формах и порядке // *Логос*. № 5. С. 196–204.

Walter F. (2007). *Wie der Mythos Preußen zerschlagen wurde* // Spiegel. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/putsch-am-20-juli-1932-wie-der-mythos-preussen-zerschlagen-wurde-a-495275.html>.

Кошкин Андрей

Критический дискурс-анализ как образец политизированного подхода в политической науке

Кошкин Андрей –

студент 2-го курса факультета
политологии СПбГУ.

Для связи с автором:
koshkin_9300@mail.ru

Для цитирования:

Кошкин А. Критический
дискурс-анализ как образец
политизированного подхода
в политической науке //
Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.22

Аннотация

В данной статье автор рассматривает субъективную роль исследователя в работах с использованием критического дискурс-анализа. Проанализированы теоретические основы данного метода и представлены положительные и негативные примеры вмешательства субъективного мнения в исследование. Предпринята попытка анализа позиции и аргументов сторонников критического дискурс-анализа в условном споре между сторонниками объективизации политической науки и философии и политического активизма. Даны рекомендации по написанию работ с использованием вышеназванного метода.

Ключевые слова: критический дискурс-анализ, политический язык, политический дискурс, политическая лингвистика, дискурс-анализ.

Образ «башни из слоновой кости» преследует политическую философию и политическую науку не первое десятилетие. Одни исследователи отмечают необходимость и, что немаловажно, возможность вести научную деятельность с позиции максимальной объективности. Другие исследователи предпочитают видеть идеального представителя политической науки и политической философии как политического активиста, человека, который пропускает через себя происходящие в обществе процессы и наиболее полно воспринимает их. Примером таких точек зрения может служить условное противостояние идейного характера Ханы Арендт и Алена Бадью. Позиция политического активизма заключается в том, что именно политизация политической философии и науки делает ее подлинно демократичной. Звучат и аргументы касательно Платона. Согласно им, данный философ сам вплотную подошел к политизации политической философии, когда утвердил в качестве основы свободного общества и государства свободных философов, пусть при этом и не смог отказаться от сословного деления [Карчагин 2014]. Бадью вводит понятие «неэкспрессивной диалектики» и объясняет: ее суть в том, «что она должна избежать конструктивности западной демократии и диктатуры свободы» [там же: 14]. Так, в извечном споре касательно необходимой степени объективности и позвольительной степени включенности в политический процесс и апологеты критического дискурс-анализа уже расставили для себя акценты. «Критический анализ дискурса нацелен на критическое изучение социального неравенства, выраженно в языке или дискурсе» [Водак 2011: 286].

Соответственно, необходимо определиться с пониманием метода и терминологии. Существует несколько традиций разбора дискурс-анализа. Кто-то позиционирует его исключительно как метод, пусть и очень разветвленный, а другие предпочитают его считать целой методологией с внутренним разделением уже на критический дискурс-анализ и другие. Само понятие «дискурс» в корне неоднозначно. Дискурс есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и ином контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие – вот как в самом общем плане определил дискурс один из виднейших представителей критического дискурс-анализа Т.А. ван Дейк [Ван Дейк 1988]. Принципиальной разницей между дискурсом и обычным текстом является актуальность. Дискурс конкретен и ограничен. У него существуют свои исторические и социальные рамки, в границах которых он существует. Рассматривать дискурс отдельно от контекста нельзя. Другой представитель «отцов-основателей» критического дискурс-анализа, Н. Фэркло, определил дискурс схожим образом: «Он рассматривает дискурс как форму социальной практики, которая одновременно создает мир,

созидаема другими практиками и находится в диалектическом взаимодействии с другими социокультурными процессами» [Лукиянова 2011]. Критическое направление особенно выделяет в контексте положение того, кто артикулирует. Неравенство дискурсов, порождаемое социальным неравенством говорящих, является центральной темой критического дискурс-анализа.

Другими словами, ученый, использующий метод критического дискурс-анализа, уже знает, что он ищет. Поиск и вскрытие механизма сохранения социального неравенства, дискриминации или угнетения сложно назвать политически нейтральным занятием. Это отмечает и сама Р. Водак [там же: 287–288]. По ее же словам, «сторонники критической лингвистики отрицают существование «объективной» интерпретации и считают целесообразным открыть, по крайней мере, свои нормативные ориентации» [там же: 287]. Подобная позиция позволяет исследователю открыто судить с точки зрения своих политических ценностей, в то время как ценности других исследователей, которые неизбежно проявятся в их работах, по мнению сторонников критического дискурс-анализа, остаются в тени. Изучение в таких исследованиях неизбежно ведется с точки зрения, что в политическом тексте заложено злоупотребление властью и воспроизводство неравенства из социальной сферы в сферу языка и наоборот. Попробуем развить и доказать данный тезис. «Дискурсивная технология власти основана на стремлении к доминированию, управлению сознанием адресатов посредством действия определенных дискурсивных структур – умной, мягкой и жесткой сил» [Якоба 2015: 186]. Для дальнейших рассуждений потребуются раскрыть понятие «умная сила», «мягкая сила» и «жестокая сила». «Умная сила проявляется в способности латентно воздействовать на сознание при помощи смещения смысла слов. Выбор слова дает возможность не только выразить говорящему положительные или отрицательные оценки и эмоции, но и “навязать” слушающему определенное отношение к ситуации» [там же].

Иными словами, образ речи определяет образ мышления. Сегодня этот подход взят на вооружение феминистическим дискурсом, который упорно пытается сломать существующий дискурс-строй и навязать новые нормы произношения – феминитивы («докторша», «поэтесса», «кондукторша» и другие). «Для манипуляции сознанием используются эвфемизмы, которые отличаются эмоциональными, оценочными, стилистическими компонентами: “демократическое вмешательство развитых стран”, “умиротворение”, “защитная реакция” (вместо “бомбардировки”), “хирургические удары” (вместо “особо точные бомбардировки”), “оптимизация доходов” (вместо “налоги”), “наведение конституционного порядка” (вместо “обстрелы”), военный объект (вместо “разбомбленный дом”), “толерантность” (вместо “распущенность нравов”, “законодательная поддержка извращений”) и т. д.». Это уже является гораздо более опасной формой применения «умной силы». «Действенным средством

мягкой силы является визуальная и аудиальная привлекательность (аттрактивность) распространяемой (или навязываемой в зависимости от точки зрения) «матрицы убеждений» – схемы восприятия, мысли, чувствования» [там же]. О «мягкой силе» написано множество работ. Добавим лишь, что пресловутая тяга современных отечественных маркетологов к латинице в ущерб родному алфавиту имеет своей основной причиной именно это явление. «Применение жесткой силы в дискурсе связано с реструктурированием дискурсивной траектории неожиданно или быстро, чтобы «встряхнуть» участников коммуникации и изменить направление коммуникации» [там же]. Данное явление объяснить на доступном примере несколько сложнее в сравнении с предыдущими. Пожалуй, одним из самых ярких применений жесткой силы в дискурсе можно назвать перелом, случившийся в годы после Октябрьской революции. Изменились не только правила самого языка как средства коммуникации, но и многие положительные «благородные» слова получили серьезные отрицательные коннотации.

Чем же подобные дискурсивные технологии опасны? «Дискурс обладает особой силой как властью, способен воздействовать, оказывать влияние на сознание и управлять поведением не критически мыслящих людей. Дискурс как язык плюс мышление, плюс сознание, воображение, память, картина мира (в том числе ценностная картина мира), горизонты ожидания коммуникантов, их интенциональные состояния, дискурс как дискурсивная формация в виде сообщения или связной совокупности сообщений, объективируемых в виде текста письменного или устного создает, конструирует (посредством номинации, пропозиций, операций высказывания) определенную точку зрения, видение, рамку видения мира, которая воспринимается интерпретатором именно так, как дискурс (язык) ее задает, а не иначе» [там же: 191–192]. И пускай автора приводимых строк можно убедить в излишней пессимистичности по отношению к общественному сознанию и не критическому мышлению обывателя, но ее опасения вполне понятны. С развитием информационных технологий эффект, производимый средствами коммуникации на формирование общественного мнения, возрос как никогда. Вместе с этим встает закономерный вопрос: а какова в этом роль научного сообщества и сторонников критического дискурс-анализа в частности? «Дискурсивная технология власти может не только воздействовать на сознание воспринимающего информацию адресата, но и управлять его поведением при помощи внедрения специальных оценок, приоритетов, эмоций... Критически мыслящие индивиды, осознавая такие технологии, воздействующие на сознание через дискурс, убеждаются в необходимости их публичного научного деконструирования» [там же: 192]. Именно поэтому в критическом дискурс-анализе на первый план выходит практическая задача описания и раскрытия манипуляторных дискурсивных технологий.

В то же самое время, согласно когнитивной теории дискурса ван Дейка, научный дискурс является такой же частью социальной интеракции, то есть не свободный от общественных отношений. Ван Дейк говорил, что «формирование, описание и объяснение любой научной теории, в том числе теории дискурс-анализа, всегда социополитически позиционировано, независимо от того, хотим мы этого или нет» [цит. по Кравченко 2012]. То есть, как бы ни старался исследователь быть объективным, он будет формировать, описывать и объяснять научную теорию, находясь в поле общественного (а точнее, политически ангажированного) дискурса. Так, в качестве примера можно привести статью «Советское китаеведение: политика и объективность» [Лукин 2011], опубликованную А.В. Лукиным в одном из журналов издательства Российской академии наук. В данной статье автор критикует советские общественные науки (и в частности, китаеведение) за идеологизированность и направленность на политические цели. Он вскрывает причины популярности концепции уникальной устойчивости китайской традиции среди советских китаеведов. По его мнению, одной из важнейших причин являлось наличие в советском марксизме оппозиционной к официальной идеологии теории «азиатского способа производства». Но итог попыток осуществить объективное исследование, которое позиционирует себя именно как выделение объективного и политического в советском китаеведении, становится ясным при упоминании «сталинского террора». Несмотря на декларируемое желание воздержаться от политических оценок и то, что «в данной статье рассматривается лишь, как подобный подход сказался на изучении Китая» [там же: 261], при углубленном сравнении внутренней политики Советского Союза и Китая появляются не просто оценочные, но вполне идеологически маркированные высказывания автора. «В рамках коммунистической тоталитарной модели у И.В. Сталина не было идеологических предпочтений, его целью была власть сама по себе. В тактических целях он мог блокироваться с правыми, чтобы свергнуть левых, а затем брать на вооружение левую политику, чтобы свергнуть правых. Он не верил в народную активность и боялся ее. Его модель государства – модель безграничной единоличной власти, опирающейся на машину государственного террора» [там же: 270]. Конкретная аргументация подобной позиции автора в работе попусту отсутствует. Дискурсивные оценки внутренней политики можно наблюдать на протяжении всей работы. Утверждать об объективности данной работы, несмотря на настойчивые повторения автора, нельзя, – правда, нельзя уличить автора и в фактических ошибках, если брать исключительно изучаемую им тему, а именно советско-китайские отношения, завязанные в том числе на активном культурном взаимодействии стран. Критическим в данной работе можно назвать ретрансляцию оценочного дискурса под видом объективного в научную среду. Особую опасность представляет та безапелляционность, равно как

и бездоказательность приводимых суждений. Вопрос не в том, имели ли место озвученные мотивы И.В. Сталина, или насколько корректно использовать озвученные формулировки в научной работе, а именно в претензии на объективность. Представление своих оценочных суждений без фактов в качестве аргументации под видом общеизвестных истин, в свою очередь, является объектом изучения других работ по манипуляции и конструированию мнений.

В этом отношении критический дискурс-анализ имеет относительное преимущество. Будучи созданным под влиянием Франкфуртской школы (особенно Хабермаса) и нацеленным на вскрытие злоупотреблений властью, а также как будто бы созданным для современных дискуссий о расовой и гендерной дискриминации, он является очевидным выражением левых политических взглядов. Вместе с тем результаты критического исследования должны представлять интерес не только для академической науки, но и выливаться в предложения для практического воплощения. Без заранее оговоренных политических позиций это не всегда представляется возможным. К примеру, предложения касательно недискриминационного дискурса по отношению к мигрантам. Подобным исследованием является анализ дискурсивного конструирования национальной и транснациональной идентичности и связанной с ними «политики границ» в Европе, представленный в качестве пленарного доклада Р. Водак на конференции «Междисциплинарное критическое исследование дискурса» в Будапеште в 2014 г. Описание этого доклада можно найти в статье-обзоре данной конференции [Гаврилова 2015: 266]. Р. Водак поставила перед собой изначально нацеленные на практику ориентиры. «Язык стен», который исследует автор, как и само построение разграничительных линий между теми, кто находится внутри, и теми, кто вынужден быть снаружи, не позиционируется как что-то нейтральное. Она формирует четкую позицию по отношению к известной фразе Роберта Фроста о том, что «хорошие заборы создают хороших соседей». Осуждается не само явление границ, они-то как раз являются социальными конструктами, осуждаются мотивы их построения путем дискурсивного конструирования различий Нас и Их.

В качестве более близкого к отечественному сознанию примера применения критического дискурс-анализа можно привести статью А.И. Ребровой «Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного» [Реброва 2012]. Автор уже во введении высказывает свой скепсис по отношению к возможности объективного восприятия исторического процесса. При этом был сформулирован интересующий нас тезис: «Общество идеально, а не материально; оно не объективная реальность, а искусственное явление, созданное людьми, то есть культурный продукт. Поэтому работающие в данной парадигме исследователи стремятся понять, почему нормальный общественный человек воспринимает

социальные явления как объективные, хотя они объективны лишь в той мере, в какой находят подкрепление в человеческой вере и действиях, ее подкрепляющих (причем в исторически определенный момент)» [там же: 120]. Ситуация осложняется известным фактом, что в общественных науках исследователь является как субъектом изучения, так и частью изучаемого объекта, то есть общества. Это, как было указано выше, оправдывает существование личной позиции исследователя в политической науке. Заявленная точка зрения позволяет читающему исследование человеку не пытаться отделять объективное от субъективного (что не всегда является успешным), а использовать позицию автора как некий ключ для чтения исследования «с поправкой на ветер».

В подобной ситуации возникает тонкая грань между условно правильным политизированным исследованием в политической науке и условно неправильным. Можно постараться выделить некоторые критерии, по которым будет возможно судить об оправданности политизированной позиции исследователя (пожалуй, стоит уточнить, что данные критерии актуальны для работ именно социального профиля. Было бы странно видеть политическую позицию автора в исследовании морозоустойчивости грибов). Первым и основным будет соответствие работы научной методологии. Позиция исследователя не должна влиять на релевантность отобранного материала и его репрезентативность. Очевидно, недопустимы случаи подбора фактов под конкретное утверждение с игнорированием несоответствующих. Вторым станет нацеленность подобной работы на выработку решения конкретной практической задачи или создания условий для ее решения. При этом стоит отметить, что задачи должны соответствовать общественным интересам и нести в своем решении научную ценность. Привлечь электорат на свою сторону или повысить протестный потенциал жителей конкретного города – хоть это и является конкретными практическими целями и, может быть, даже такие задачи соответствуют общественным интересам, но их условные «кейсы» несут в себе неоднозначную научную ценность. Третье – открытое обозначение позиции автора и используемого метода. Целью введения подобных критериев является отделение политизированных исследований в политической науке от околонушной публицистики политического толка. После того как политическая агитация и политическая наука разведены, необходимо сформировать понимание положения самого исследователя. Мнение автора, открыто обозначенное и доступное читателю, в самом исследовании становится одной из опорных точек, от которых ведется рассуждение. При этом в качестве самого аргумента мнение выступать не может. Это нарушает первый из обозначенных выше принципов. Авторская позиция имеет здесь скорее функцию определения ценностей. Конкретно с критическим дискурсом анализом это норма «социальное неравенство – отрицательное явление». Другой подобной нормой можно назвать «политическая свобода – положительное

явление». Такие нормы, безусловно, несут некоторую долю упрощения, но именно благодаря им и формируется тот самый «ключ», с помощью которого можно читать «с поправкой на ветер». Примеры подобных норм не заканчиваются пресловутыми «демократия – положительное явление» – они вполне разнообразны вплоть до «“Единая Россия” – худшее, что случилось с современной Россией» и наоборот. Максимально желательно давать подобный «ключ» в самом начале работы или введении к исследованию.

Таким образом, исследователь, выбирая методологию для своей работы, фактически примеряет не только объект и предмет изучения к методу, но и собственные политические воззрения к критическому дискурс-анализу. В этих условиях нехитрым образом возрастает роль субъективных представлений исследователя, как и его ответственность за результат работы. Появляется возможность подменить научную деятельность «поиском черной кошки в черной комнате». Исходная посылка, что в изучаемом политическом тексте обязательно заложено злоупотребление властью, может в определенных случаях не оправдаться. Иными словами, применение критического дискурс-анализа должно быть оправдано наличием дискурсивного или социального неравенства, выраженной дискриминацией.

Теперь стоит попытаться собрать все рекомендации воедино. В итоге человеку, который планирует в исследовании использовать в качестве метода критический дискурс-анализ, предлагается изначально соизмерить свои личные воззрения и уже находящиеся внутри избранного метода нормы. Основные: «дискурс власти всегда старается доминировать над остальными», «в политическом тексте содержится попытка получить или сохранить власть» и «социальное неравенство оказывает негативный эффект на существование общества». Если внутренние установки метода соответствуют установкам исследователя, далее необходимо понять, насколько критический дискурс-анализ релевантен в конкретном случае. Главный критерий – наличие социального или дискурсивного неравенства, определенной дискриминации в исследуемой проблематике. Если и данный пункт выполнен – можно приступать к работе. Первым делом стоит обозначить свою авторскую позицию и заявить ценностные установки. Также можно дополнительно проговорить установки самого критического дискурс-анализа для упрощенного восприятия работы другими людьми, которые могут быть с ним не знакомы. Это и будет «ключ» к чтению работы. Следующим шагом рекомендуется объяснить читателю, на решение какой практической проблемы нацелена работа. Авторское мнение может послужить отправной точкой исследования, но не может выполнять функцию аргументации. Опора должна быть исключительно на проверяемые факты.

В качестве заключения можно отметить, что именно осознанная направленность критического дискурс-анализа позволяет считать исследования с его

применением научными, несмотря на их явную политизированность. Обозначенные критерии хоть и не относятся к методам напрямую, но именно критический дискурс-анализ позволяет исследованию соответствовать ему наиболее полно. Одна из основных проблем работ с его использованием – высокие требования к самому исследователю. Несмотря на кажущуюся простоту «необъективной» работы, необходимость создания исследования, которое сможет воспринимать человек с абсолютно другим взглядом на действительность, пусть и с наличием «ключа», превращает подобное ремесло в занятие не менее простое, чем попытки соответствовать призрак научной объективности и оставаться в «башне из слоновой кости».

Источники

Ван Дейк Т.А. (1988). Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. Вып. 23. С. 153–212.

Водак Р. (2011). Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskaya-lingvistika-i-kriticheskij-analiz-diskursa> (дата обращения: 11.05.2019).

Гаврилова М.В. (2015). Критический дискурс-анализ: современное состояние и перспективы развития // Политическая лингвистика. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskij-diskurs-analiz-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 11.05.2019).

Карчагин Е.В. (2014). Политика и справедливость в философии А. Бадью и Ж. Рансьера // Вести Волгоградского университета. Серия 7: Философия. № 2 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/politika-i-spravedlivost-v-filosofii-a-badyu-i-zh-ransiera> (дата обращения: 11.05.2019).

Кравченко Н.Д. (2012). Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа // Научно-практическое пособие. Луцк: Волиньполіграф.

Лукин А.В. (2011). Советское китаеведение: политика и объективность // Общество и государство в Китае. № 1. С. 260–276.

Лукьянова Г.В. (2011). Методология анализа предвыборного (политического) дискурса СМИ // Политический анализ. СПб.: СПбГУ. № 11. С. 60–67.

Ряброва А.И. (2012). Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. № 19. С. 119–123.

Якоба И.А. (2015). Деконструкция дискурсивной технологии власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. № 5. С. 184–195.

Солоненко Александра, Чернопятова Софья

Феномен мизогинии и его влияние на формирование образа женщины-политика

Солоненко Александра –

студентка 3-го курса
факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

Для связи с автором:
solonenkoalexandra@yandex.ru

Чернопятова Софья –

студентка 3-го курса
факультета политологии МГУ
им. М.В. Ломоносова

Для связи с автором:
sofya.chernopyatova@yandex.ru

Для цитирования:

Солоненко А., Чернопятова С.
Феномен мизогинии и его
влияние на формирование
образа женщины-политика //
Generation PP – 2021.

Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.23

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению феномена мизогинии (в частности, внутренней мизогинии) и его влияния на содержание западного и отечественного общественно-политических дискурсов. Анализ был проведен на основании исторического контекста, а также современных тенденций. Был сделан вывод о том, что образ женщины-политика во многом зависит от сложившихся в обществе гендерных стереотипов.

Ключевые слова: мизогиния, феминизм, гендерное неравенство, стереотип, женщина-политик, имидж политика.

Примечателен тот факт, что в России, которая является наследницей и правопреемницей СССР, провозгласившего равенство мужчин и женщин, женщина-политик в настоящее время воспринимается скорее как нонсенс, чем данность. Однако дело вовсе не в уровне образования или дохода, наличии управленческих качеств или особых компетенций – важно лишь то, что она *женщина*.

Уже достаточно долгое время обсуждаются вопросы и проблемы, которые касаются того, что мужчины преграждают путь в политику женщинам, которым определено не место в давно устоявшейся картине мира, выстроенной именно сильным полом. Но немногие обращают внимание на то, что и сами женщины неохотно голосуют за кандидатов, причем по весьма определенным причинам. Именно этот факт относит нас к проблеме гендерного восприятия и неравенства – о ее влиянии на политическую сферу общественных отношений пойдет речь далее.

Стоит отметить, что как сама проблема непосредственно, так и определяющие ее понятия (феминизм, сексизм, патриархат, а также феномен мизогинии) относительно недавно вошли в научный дискурс. При этом гендерные особенности в политике чаще рассматривает именно западная научная традиция – в России подобные исследования стали проводиться только в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в то время как в европейском и американском дискуссионных полях этот вопрос рассматривался уже продолжительное время. Феномен гендерного восприятия заключается в различной трактовке образов политических лидеров в зависимости от их гендерной принадлежности. Разница между признаками, присущими разным кандидатам, определяется приписанными им чертами, которые носят либо позитивный характер, либо, наоборот, негативный. Последние чаще относятся к женщинам-политикам, и именно этот факт связан с феноменом мизогинии.

Вообще, данный термин в переводе с греческого языка буквально означает «женоненавистничество», однако этимологии недостаточно для концептуального понимания этого явления. Например, согласно Oxford Dictionaries, мизогиния – это ненависть, неприязнь или укоренившееся предубеждение против девочек, девушек и женщин¹. Необходимо также подчеркнуть, что в научной среде изучению данного феномена посвящено не так много работ. В настоящей статье под термином «мизогиния» мы понимаем совокупность устоявшихся гендерных стереотипов, порождающих негативное отношение к женскому полу (вплоть до ненависти) и неприятие собственной гендерной идентичности самими женщинами.

¹ Definition of misogyny in English by Oxford Dictionaries (British & World English) // Oxford Dictionaries | English. URL: <https://www.lexico.com/definition/misogyny> (дата обращения: 26.03.2021).

Однако наибольший интерес для нашего исследования представляет именно внутреннее проявление мизогинии – в общем случае неприязнь женщины к представительницам своего пола на основании негативной гендерной идентичности и устоявшихся стереотипов. Это можно объяснить некоторыми причинами. Если общее понятие мизогинии в научных кругах стало признаваться относительно недавно, что можно объяснить ростом популярности темы патриархального общества и гендерного неравенства в западном дискурсе, то тема внутренней мизогинии затрагивается не очень часто по определенным, зачастую идеологическим соображениям. Но нельзя отрицать важный вывод, который можно сделать на основании сведений, полученных в ходе исследования, проведенного в 2016 г. аналитическим центром «Демос»: авторами половины постов, имеющих очевидный женоненавистнический посыл, являлись представительницы женского пола².

Таким образом, важно понимать, что феномен внутренней мизогинии имеет место. Более того, родоначальницы феминизма как отдельной концепции говорили о существовании данной проблематики начиная с XIX столетия. Симона де Бовуар, поднявшая одной из первых вопрос об адекватном формировании женской идентичности в рамках тотального патриархата, отмечала высокое давление на «слабую половину человечества» с позиции консервативных устоев, вследствие которого женщины переставали принимать свой пол как естественную «социальную категорию», избегая разговоров и напоминаний о своей половой принадлежности, считая ее чем-то постыдным [Де Бовуар 1997].

Начиная со второй половины прошлого столетия в феминистском движении приобретает все большую популярность так называемая концепция двойной системы угнетения, подразумевающая, что основы гендерного неравенства закладывают капитализм и патриархат. Именно на пике популярности данной концепции происходит обращение к понятиям «маскулинность» и «фемининность», которые используются для анализа образа политика до сих пор. Одним из авторов, занимающихся проблематикой переосмысления данного феномена, можно назвать С. Бем [Бем 2004]. Ее основная идея заключается в разнице между социальными ожиданиями от обоих полов, повлиять на которые очень сложно из-за преобладающих в обществе патриархальных традиций, которые уже давно укоренились в общественном сознании [там же].

Не стоит считать, что сегодня проявление внутренней мизогинии является пережитком прошлого. Стереотипное отношение к проявлению фемининных черт продолжает сохраняться, что подкрепляется сильными гендерными

² Twitter abuse – ‘50% of misogynistic tweets from women’, BBC.

стереотипами, которые распространяются на социальные роли, на внешний вид и другие стороны жизни. Нужно признать, что общество является цитателем сексистских настроений, которые приводят к проблемам определения идентичности у женщин, а следовательно, и к «социальному отрицанию» собственной половой принадлежности.

Кроме того, если рассматривать данное понятие через призму российской культурно-исторической традиции, то становится очевидно, что, при всех существующих концептах «матери-героини» в советский период, восприятие женщины не как «товарища», а как «человека второго сорта» начинается уже после кризиса коммунистической системы. В частности, речь идет о том, что женщина-руководитель является исключением из правил, ведь истинное предназначение женщины, по мнению самих представительниц прекрасного пола, – ведение быта, забота о семье и муже [Захарова, Савинская 2017].

Несмотря на то что в эпоху Советского Союза страной был накоплен удачный, большой опыт привлечения женщин к политике, их доля в политической элите современной России является существенно малой. За всю историю постсоветской России только три женщины баллотировались на пост Президента: Э.А. Памфилова в 2000 г., И.М. Хакамада в 2004 г. и К.А. Собчак в 2018 г. Важно отметить, что с участием К.А. Собчак в последних президентских выборах в российском социуме гендерные стереотипы вновь актуализировались³. Кроме того, в Правительстве РФ также наблюдается гендерная асимметрия – женщин намного меньше, чем мужчин; среди них два заместителя председателя Правительства – Т.А. Голикова и В.В. Абрамченко, и министр культуры О.Б. Любимова. Но образ женщины в политике у россиян больше ассоциируется с фигурой сильной и активной В.И. Матвиенко, которая с 2011 г. является бессменным председателем Совета Федерации (представляется, что более яркой женской фигуры, находящейся у власти, в истории современной России не было).

Становится очевидным и тот факт, что в российском обществе существует стереотип, что женщине не место в политике – образ идеального политика⁴ продолжает ассоциироваться с чистыми «маскулинными» чертами. Таким образом, если женщина-политик желает получить высокий процент социаль-

³ Согласно результатам опроса, проводимого ВЦИОМ в октябре 2017 г., респонденты отдали бы свои голоса скорее за мужчину (38%), чем за женщину (5%). Эти данные подтвердились: на выборах в марте 2018 г. победил В.В. Путин.

⁴ Мы не будем рассматривать примеры восприятия женщин-политиков жительниц западных стран, поскольку очевидно, что обширный феминистический дискурс может как медленно, но верно менять устоявшиеся социально-гендерные стереотипы, так и быть причиной крупнейшего проявления «Эффекта Брэдли». Впрочем, это тема для отдельной научной работы.

ной поддержки, то она должна обладать определенным набором качеств и черт, традиционно присущих, по мнению социума, мужчинам (воля, сила, мужская хватка). Кроме того, если говорить об особенностях политического дискурса, то примечательным является тот факт, что женщины могут имитировать мужскую манеру речи для укрепления своих позиций [Арустамян, Макурина, Пирожкова 2016]. Виной этому именно гендерные стереотипы – сострадательная и заботливая женщина никак не может ассоциироваться с силой, характерной для мужчин [Гаспарян, Князян 2017]. Во многом именно поэтому имидж женщины-политика зачастую является сомнительным, поскольку формируется по мужским лекалам или не формируется совсем.

При этом женщине-политику предъявляются противоречивые требования [Власть и лидеры... 2019]: помимо того, что она должна обладать мужскими качествами, ей еще необходимо соответствовать стереотипам о «женском предназначении» – женщина-политик должна иметь семью, воспитывать детей, обладать неброской, но не отталкивающей внешностью. Данный спорный тезис подтверждается эмпирически: если на определенный пост будут баллотироваться только две женщины-кандидатки, то, скорее всего, победу одержит обладающая большей степенью воспринимаемой «фемининности». Происходит это по причине поляризации «мужских» и «женских» признаков в общественном сознании, вследствие чего женщина с маскулинным поведением будет смотреться инородно на фоне своей соперницы, более того – восприниматься избирательницами как часть «аут-группы» [Хитрук 2015].

Поскольку была затронута тема «ин-групп» и «аут-групп», то стоит сказать, что в России феномен внутренней мизогинии по отношению к женщинам-политикам может являться проявлением другого феномена – так называемого феномена «внутреннего врага». В качестве «чужих» в сознании российских граждан без разделения по половому признаку зачастую выступают люди, являющиеся приверженцами либерального политического курса и либерализма в целом, к которым причисляют и феминизм, и идею равноправия полов⁵. Таким образом, женщина, стремящаяся к политической власти, автоматически приобретает подобный штамп и начинает восприниматься в статусе «врага».

Действительно, в российском обществе существуют гендерные стереотипы, которые оказывают огромное влияние на политический процесс в России.

⁵ Сегодня на основе отношения к проблемам гендерного неравенства выделяют два типа женщин-политиков: «королева пчел», которая осознает проблему гендерного неравенства, но относится к ней нейтрально, и «чуланная феминистка», которая является самым распространенным типом в России, поскольку избегает высказываний о защите прав, гендерном неравенстве, патриархате и прочем, боясь, что ее станут называть «феминисткой».

Это объясняется тем, что сознание граждан продолжает оставаться фрагментарным: общественное восприятие сохраняет черты советского, в то время как западные тенденции активно проникают в российскую реальность. Хотя как и советский образ «женщины-товарища», так и западный образ «сильной и эмансипированной женщины» предполагают установление в обществе гендерного равенства с последующими изменениями в политической картине мира россиян, оба варианта не могут стать ее основой по некоторым причинам. После распада Советского Союза Россия встала на путь формирования собственной идентичности без опоры на социально-культурное наследие СССР – это привело к изменению восприятия современной российской действительности, в том числе политической. Либерально-западный концепт также не может быть принят из-за восприятия западных ценностей и культуры в качестве враждебных. Таким образом, трансформация ценностей, происходящая в России, пока не завершена по причине неоконченного поиска нужного ориентира. Это приводит к тому, что культурное сознание россиян находится на переходном этапе – сохраняются патриархальные ценности, которые не могут сосуществовать с идеей гендерного равенства, в том числе в политике. Гендерные стереотипы ограничивают политическое участие женщин, хотя и не отрицают его полностью: несмотря на выдвигаемые завышенные требования к кандидаткам, женщины все же могут добиться успеха в политической сфере.

По большей части рассмотренные примеры относятся либо к истории, либо к поколению миллениум. Возможно, в относительно скором будущем, когда на политической арене окажется поколение Z, рассматривающее вопрос гендерного равенства, очевидно, с несколько иных позиций, женщина-политик не будет восприниматься как нонсенс, а феномены мизогинии и внутренней мизогинии в частности, останутся пережитком архаичного патриархального общества. Впрочем, достоверность этого предположения можно будет проверить только по прошествии времени.

Источники

Арустамян Р., Макурина М.А., Пирожкова И.С. (2016). Проявление гендерных особенностей в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. № 6.

Бем С. (2004). Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов. М.: РОССПЭН.

Власть и лидеры... (2019). Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018 гг.) / отв. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Весь мир.

Гаспарян С.К., Князян А.Т. (2017). Гендерные стереотипы в политической сфере современного общества // Вестник ТГГПУ. № 2 (48).

Де Бовуар С. (1997). Второй пол: В 2 т. / пер. с фр., общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой; коммент. М.В. Аристовой. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя.

Захарова Е.К., Савинская О.Б. (2017). Применение стратегии смешивания методов для изучения усвоенной мизогинии среди женщин поколения Миллениум // Мониторинг. № 2 (138).

Хитрук Е.Б. (2015). Власть женщин: культурные концепты «Мизогинии» и «Гинофобии» в классическом философском дискурсе // Вестник Томского государственного университета. № 393.

Definition of misogyny in English by Oxford Dictionaries (British & World English) // Oxford Dictionaries | English. URL: <https://www.lexico.com/definition/misogyny> (дата обращения: 26.03.2021).

Twitter abuse – ‘50% of misogynistic tweets from women’, BBC.

ПАНДЕМИЯ COVID-19

Бочаров Александр

Имплементация российскими регионами digital-инструментов контроля граждан в период пандемии COVID-19: показатель цифровизации и state capacity или политические мотивы?

Бочаров Александр –

студент 2-го курса бакалаврской программы «Политология и мировая политика» НИУ ВШЭ – СПб.

Для связи с автором:
bocherator@gmail.com

Для цитирования:

Бочаров А. Имплементация российскими регионами digital-инструментов контроля граждан в период пандемии COVID-19: показатель цифровизации и state capacity или политические мотивы? // Generation PP – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.24

Аннотация

Статья посвящена анализу систем цифрового контроля и прежде всего электронных пропусков в субъектах Российской Федерации в период пандемии COVID-19. Автор раскрывает, как связаны между собой внедрение новых digital-инструментов контроля граждан, цифровизация российских регионов и уровень state capacity, какие политические факторы могли способствовать вводу электронных пропусков или, наоборот, их отсутствию. Исследование базируется на аналитических материалах, посвященных цифровизации в России и имплементации властями современных технологий по борьбе с коронавирусом, а также данных предыдущей работы автора.

Ключевые слова: электронные пропуска, цифровизация, state capacity, российские регионы, государственная слежка, COVID-19.

Вступление

Период пандемии COVID-19 оказался временем расширения инструментов цифрового наблюдения за гражданами со стороны государств и частных корпораций. Имплементация digital-технологий для замедления скорости распространения болезни, выявления зараженных и прогнозируемости роста заболеваемости стала одной из важнейших черт глобальной борьбы с коронавирусом¹. Россия также следует этому тренду, власти использовали такие инструменты цифрового контроля, как отслеживание биллингов, камеры с системой распознавания лиц, трекер-приложения и цифровые пропуска².

Этот процесс проходит в контексте продолжающейся цифровизации системы управления, которая за последние несколько лет оказалась одним из приоритетных направлений государственной политики, и призвана повысить уровень state capacity и общее качество policies. Пандемия коронавируса позволила пронаблюдать, какие управленческие решения принимались в регионах России в условиях, когда именно власти субъектов отвечали за ввод карантинных мер³. Это дает возможность сравнить между собой степень цифровизации российских регионов, уровень state capacity, а также понять, насколько эти и другие факторы могли повлиять на использование ограничительных и надзорных digital-технологий или на отказ от подобных мер. В особенности это касается электронных пропусков.

Оценить вышеперечисленные характеристики помогут: индекс «Цифровая Россия» Московской школы Управления Сколково, оценивающий уровень digital-развития российских регионов⁴; «VII Рейтинг эффективности

¹ *Whitelaw S. et al. Applications of digital technology in COVID-19 pandemic planning and response // The Lancet Digital Health. 2020. Т. 2. N 8.*

² *Гайнутдинов Д. Пандемия слежки // Международная Агора. С. 4–8, 11–12. URL: https://spy.runet.report/assets/files/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B6%D0%BA%D0%B8.pdf (дата обращения: 13.01.2020); *Сергеева Д., Соловьев Д., Шакиров О. Выпуск четвертый. Коронавирус под наблюдением: как чиновники устанавливают цифровой контроль за гражданами // Центр перспективных управленческих решений. URL: <https://cpur.ru/gosudarstvo-vs-koronavirus/vypusk-chetvertyj-koronavirus-pod-nablyudeniem-kak-chinovniki-ustanavlivayut-czifrovoj-kontrol-za-grazhdanami/> (дата обращения: 13.01.2020).**

³ *Кынев А. Региональная политика: кадровый унитаризм, запрос на переменны и карантинные голосования // Фонд «Либеральная миссия». 17.01.2021. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/regionalnaya-politika> (дата обращения: 29.01.2021).*

⁴ *Индекс «Цифровая Россия» // Московская школа управления Сколково. 22.04.2019. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2021).*

управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году» АПЭК⁵; рейтинг развитости системы электронных пропусков, составленный на основе данных из предыдущей работы автора⁶; ряд аналитических материалов, посвященных внедрению цифровых инструментов контроля в России.

Государственные digital-технологии против коронавируса: федеральный и региональный уровни

Для начала следует проанализировать, какие конкретно цифровые меры слежки за гражданами и контроля самоизоляции применялись российскими властями в период пандемии коронавируса, за какие инструменты ответственны федеральный и региональный уровни власти и какие из этих решений стоит принять во внимание для корректного сравнения субъектов Российской Федерации.

В конце марта председатель Правительства РФ М.В. Мишустин рекомендовал регионам начать вводить ограничительные меры по аналогии с Москвой, в которой к тому моменту уже было анонсировано скорое введение электронных пропусков⁷. Аналогичные системы принялись запускать в субъектах начиная с 30 марта в Татарстане, в это же время в России заработала система слежки с помощью биллингов за прибывшими из-за рубежа и контроля соблюдения ими карантина⁸.

Подобные цифровые «антикоронавирусные» инструменты контроля в России можно разделить на два типа: федеральные и региональные. К первому типу относятся сбор данных о пользователях сотовых операторов и последующая их передача другим органам силами Минкомсвязи⁹, запущенная им же для регионов система пропусков¹⁰, а также разработанное Министерством цифрового развития приложение «Госуслуги. COVID трекер»¹¹. Региональными

⁵ VII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году // Агентство политических и экономических коммуникаций. 22.01.2020. URL: http://www.apecom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=5869 (дата обращения: 15.01.2021).

⁶ Бочаров А. Система электронных пропусков в российских регионах: инструменты внедрения и местные специфики // Центр сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ. 17.08.2020. URL: <https://spb.hse.ru/soc/csrqa/news/387169701.html> (дата обращения: 13.01.2021).

⁷ Мишустин призвал регионы брать пример с московского карантина // Интерфакс. 30.03.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/701511> (дата обращения: 15.01.2021).

⁸ Сергеева Д., Соловьев Д., Шакиров О. Выпуск четвертый...

⁹ Там же.

¹⁰ Бочаров А. Система электронных пропусков... С. 3.

¹¹ Минцифры запустило приложение для отслеживания контактов с зараженными // Коммерсантъ. 23.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4584184> (дата обращения: 13.01.2021).

инструментами контроля являются прежде всего электронные пропуска, камеры с биометрией, распространенные пока только в нескольких субъектах, и московское приложение «Социальный мониторинг».

В данной работе анализируются именно инструменты второго типа, а также пропуска Минкомсвязи «Госуслуги. СТОП Коронавирус» – планировалось, что они заработают в 21 регионе России, однако в итоге были имплементированы лишь в пяти; большая часть субъектов, в которых в том или ином виде работали цифровые пропуска, пошла по пути введения собственных электронных пропускных систем¹².

Индекс развитости системы цифровых пропусков: методология

Для построения индекса уровня развитости электронных пропусков используется балльная система, в которой оцениваются масштаб внедрения системы (по всему региону или только на въезде), использование региональной или федеральной платформы, разнообразие типов пропусков и способов их оформления. Сумма баллов по каждому региону складывается из следующей формулы:

$$S = ((m_1 + m_2 + m_3 + m_4) * 0,2 + (t_1 + t_2 + t_3 + t_4) * 0,8) * p * s,$$

где: S – итоговая балльная оценка развитости региональной пропускной системы; m – способы оформления цифровых пропусков; t – типы пропусков; p – тип платформы; s – масштаб действия пропускной системы. Так, наиболее весомыми факторами, влияющими на место региона в индексе, оказываются размах системы, а также тот факт, была ли платформа разработана непосредственно внутри субъекта, а не перенята у федеральных властей.

Способы оформления (m) оцениваются по четырем пунктам, которые представлены в *табл. 1*.

Таблица 1

№	Способы оформления цифровых пропусков
1	Сайт, платформа (1 балл)
2	Приложение (1 балл)
3	СМС (1 балл)
4	Горячая линия (1 балл)

Разнообразие типов пропусков (t) оценивается схожим образом, пункты можно увидеть в *табл. 2*.

¹² Бочаров А. Система электронных пропусков... С. 3–4.

Таблица 2

№	Типы пропусков
1	Разовые индивидуальные (1 балл)
2	Многоразовые, оформляются работодателем (1 балл)
3	Транспортные пропуска (1 балл)
4	«Социальный мониторинг» (1 балл, только для Москвы)

Если система пропусков (p) была разработана внутри региона, ей присваивается значение 1 или 0,5 в случае использования федеральной платформы. Масштаб действия пропускной системы (s) также имеет значение 1, если та охватывала весь регион, или 0,5, если пропуска вводились только для въезжающих в субъект.

Данные, на которых основывается индекс развитости системы цифровых пропусков, взяты из более ранней работы автора, посвященной изучению имплементации электронных пропусков в российских регионах в период первой волны коронавируса¹³. Индекс не учитывает использования камер с системой распознавания лиц из-за крайне ограниченной информации об их применении в российских регионах, за исключением Москвы, и сложности с подсчетом значимости меры. Приложение «Социальный мониторинг» учитывается индексом как дополнительный тип пропуска ($t4$), уникального только для столицы. На индекс не влияет дата ввода пропускной системы из-за разницы в эпидемиологической ситуации между регионами.

Уровень цифровизации регионов и digital-инструменты контроля

Создание индекса развитости системы цифровых пропусков позволяет наглядно понять, насколько далеко зашли разные российские регионы в области имплементации этих инструментов надзора за гражданами. Визуализация индекса представлена на *рис. 1*.

¹³ Подробнее см: Бочаров А. Система электронных пропусков...

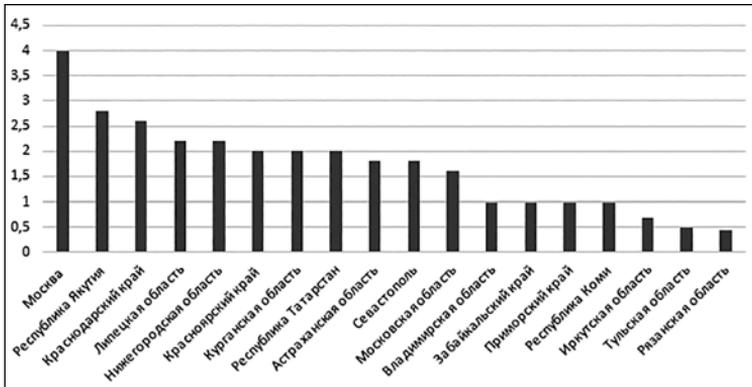

Рис. 1. Индекс развитости системы цифровых пропусков

На первом месте предсказуемо оказывается Москва с самой масштабной пропускной системой и самой развитой в стране, согласно рейтингу «Цифровая Россия», цифровой инфраструктурой¹⁴. Столичные власти применяли все три встречающихся в России типа пропусков и ввели все виды его получения, причем платформа была разработана силами Департамента информационных технологий (ДИТ) Москвы параллельно системе Минкомсвязи¹⁵; также приложение «Социальный мониторинг», призванное контролировать местоположение заболевших граждан, применялось только в этом регионе и было также создано силами ДИТ¹⁶. На втором месте оказывается Республика Саха (Якутия), введившая масштабную и разнообразную пропускную систему на своей территории постепенно, передавая полномочия о принятии решения об использовании пропусков местным властям; связано это прежде всего с географическими особенностями региона и большим разбросом населенных пунктов по территории¹⁷. В этом субъекте действовала развитая пропускная система собственной разработки. Тройку лидеров замыкает Краснодарский край, где также были введены собственные электронные пропуска: «желтые» действовали внутри муниципалитетов, а «красные» разрешали передвигаться

¹⁴ Индекс «Цифровая Россия»... С. 25.

¹⁵ Бочаров А. Система электронных пропусков... С. 4–5.

¹⁶ Об утверждении Порядка применения технологии электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием мобильного приложения «Социальный мониторинг» // Департамент информационных технологий города Москвы. 29.04.2020. URL: <https://www.mos.ru/dit/documents/view/238534220/> (дата обращения: 15.01.2021).

¹⁷ Бочаров А. Система электронных пропусков... С. 2–4.

между ними¹⁸. В конце индекса оказываются регионы, которые вводили пропуска только на въезд на свою территорию и использовали федеральную платформу – Иркутская, Тульская и Рязанская области, они также не занимают высоких позиций в вышеупомянутом индексе. К сожалению, из-за закрытости процедуры принятия решений в российской бюрократии неясно, какими мотивами руководствовались региональные власти, когда вводили собственные пропускные системы, а не пользовались платформой Минкомсвязи. Особенно интересным тут оказывается самостоятельность московских властей, создавших собственную инфраструктуру цифровой слежки параллельно с разработкой федерального министерства. Также первыми субъектами, которые ввели электронные пропуска, стали Республика Татарстан и Нижегородская область, обе системы тоже были разработаны непосредственно самими регионами¹⁹.

Интересно, что высокая степень развитости пропускной системы оказывается в том числе и в тех регионах, которые не вошли в десятку индекса «Цифровая Россия», как, например, Краснодарский край; верно и обратное – та же Республика Татарстан по уровню цифровизации занимает 2-е место, но в индексе пропусков оказывается на одной позиции с Красноярским краем и Курганской областью (36-е и 74-е места в индексе «Цифровая Россия» соответственно)²⁰. Действительно ли развитость цифровой инфраструктуры оказывается основополагающим фактором при вводе электронных пропусков?

Отнюдь, между цифровой развитостью региона и масштабом электронной пропускной системы существует лишь слабая прямая взаимосвязь – коэффициент корреляции между значениями рейтинга «Цифровая Россия» и рейтингом развитости цифровой пропускной системы составляет $\sim 0,281$.

Положительная корреляция между развитостью пропускной системы и результатами рейтинга «VII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году» оказалась выше: $\sim 0,473$. Но и здесь прямая взаимосвязь слабо прослеживается. Например, занимающая пятое место в рейтинге Тульская область имела весьма ограниченную пропускную систему, в то время как уже упомянутый Краснодарский край с большим разнообразием видов пропусков, их оформления и масштабностью системы находится лишь на 21-м месте²¹. Однако существует сильная прямая взаимосвязь между уровнем цифровизации региона и эффективностью государственного управления: $\sim 0,623$. Полное сравнение субъектов представлено в *табл. 3*.

¹⁸ Там же. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 5–6.

²⁰ Индекс «Цифровая Россия»... С. 26.

²¹ VII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году.

Таблица 3

Регион	Индекс развитости системы цифровых пропусков	Индекс "Цифровая Россия" (2019)	VII Рейтинг Эффективности Управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году
Москва	4	77,03	0,704
Республика Якутия	2,8	71,11	0,659
Краснодарский край	2,6	65,97	0,663
Липецкая область	2,2	72,37	0,659
Нижегородская область	2,2	64,27	0,661
Красноярский край	2	63,94	0,655
Курганская область	2	44,94	0,475
Республика Татарстан	2	76,48	0,671
Астраханская область	1,8	52,88	0,62
Севастополь	1,8	45,84	0,572
Московская область	1,6	76,25	0,664
Владимирская область	1	62,03	0,542
Забайкальский край	1	44,75	0,588
Приморский край	1	59,96	0,599
Республика Коми	1	68,64	0,569
Иркутская область	0,7	67,07	0,484
Тульская область	0,5	72,66	0,714
Рязанская область	0,45	57,75	0,562
Кoeffициент корреляции	0,623821835	0,281045583	0,473018797
	Эффективность управления и цифровизация региона	Развитость пропускной системы и цифровизации	Эффективность управления и развитость пропускной системы

Таким образом, справедливо считать, что цифровая развитость российских регионов и эффективность государственного управления в них сильно связаны. Однако оба показателя не имеют столь сильной и прямой связи с уровнем развития электронных пропусков. Безусловно, масштаб пропускной системы отчасти зависит от уровня *state capacity* в регионе и его цифрового развития. Но, судя по всему, это не единственные и, возможно, не главные факторы, так как они не до конца объясняют причины, по которым электронные пропуска были введены в одних регионах и отсутствовали в других, в том числе во вполне технологически передовых. В таком случае какие еще условия могли повлиять на ввод цифровых пропусков или, наоборот, на отказ от этой меры?

Цифровые инструменты контроля: политические причины (не)использования

Кроме официального предлога, а именно стремления снизить рост заболеваемости коронавирусом, существует ряд политических причин, по которым в России столь массово использовались digital-технологии слежки за гражданами и контроля их активности. Однако здесь интересы и поведение федеральных и региональных властей могут отличаться.

Согласно В.Я. Гельману, цифровизация государства в таких недемократических режимах, как нынешний российский, происходит не только и не сколько ради повышения *state capacity*, сколько ради максимизации выгод бюрократии и усиления контроля над гражданами²². Чрезвычайная ситуация, вызванная пандемией коронавируса, позволила ведомствам расширить собственные полномочия и нормализовать слежку за населением, широко применяя, например, камеры с системой распознавания лиц, тем самым отчасти следуя китайскому подходу к борьбе с COVID-19²³. Это объясняет государственную политику на федеральном уровне, а также некоторых региональных властей, которые имплементировали digital-инструменты контроля, в особенности цифровые пропуска, даже несмотря на невысокий уровень цифровизации и *state capacity*. Но тогда почему большая часть российских регионов так и не ввела подобных мер?

Одной из главных причин неиспользования электронных пропусков может являться то, что строгие карантинные меры оказываются политически дорогими для региональных властей. К сожалению, в современной России нет открытых данных о рейтингах доверия или одобрения деятельности большинства губернаторов, что не позволяет посмотреть на динамику оценки их политики местным населением в период пандемии. Однако можно пронаблюдать на примере Москвы, как жители столицы отреагировали на введение цифровых пропусков.

В случае с мэром Сергеем Собяниным «Левада-центр» зафиксировал двукратное увеличение антирейтинга летом 2020 г. после первой волны коронавируса, что связывалось с негативной реакцией на ограничения: «Введение пропускного режима на время карантина в Москве одобрили 54%, а 44% – нет. А вот остановку большинства предприятий 55% москвичей не одобрили, и лишь 39% оценили положительно»²⁴. Наиболее негативное отношение

²² Гельман В. Цифровизация в России: (полу)прозрачность без подотчетности // Riddle Russia. 10.01.2021. URL: <https://www.ridl.io/ru/cifrovizacija-v-rossii-polu-prozrachnost-bez-podotchetnosti/> (дата обращения: 29.01.2021).

²³ Kampmark. The pandemic surveillance state: an enduring legacy of COVID-19 // Journal of Global Faultlines. 2020. Т. 7. N 1. P. 63–64.

²⁴ Москвичи стали хуже относиться к Сергею Собянину, следует из данных «Левада-центра» // Ведомости. 17.08.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/08/17/836931-moskvichi-huzhe> (дата обращения: 25.01.2021).

вызвало закрытие мест работы, а цифровые меры контроля, введенные для поддержания карантина, встретили как минимум крайне противоречивую оценку в обществе, что впоследствии сказалось на уровне поддержки мэра столицы.

Негативная реакция москвичей на карантин и цифровые пропуска повлияла и на региональных руководителей. Так, в Санкт-Петербурге, городе федерального значения с высоким уровнем цифровизации²⁵, власти могли отказаться от электронных пропусков, чтобы не повысить уровень общественного негатива в отношении губернатора по аналогии с Москвой²⁶.

Заключение

Использование электронных пропусков российскими региональными властями лишь отчасти связано с высоким уровнем *state capacity* и цифрового развития субъектов, что позволяет чиновникам обширно использовать digital-технологии для мониторинга граждан, а также поддерживать соблюдение карантинных ограничений и эффективную работу систем цифрового контроля. Однако не все регионы, введившие пропуска, отличаются подобными характеристиками, и не все технологически передовые субъекты вводили подобные меры. Не менее важными оказываются мотивы управленческого класса: стремление к увеличению контроля над гражданами, а также расширению собственных полномочий. Негативные факторы, которые не привели к повсеместному распространению цифровых пропусков в субъектах России, кроме низкой цифровизации большинства из них, – это нежелание региональных властей сталкиваться с негативной реакцией населения и стремление сохранить свой собственный уровень поддержки и политическую стабильность в кризисный период.

Источники

VII Рейтинг эффективности управления в субъектах Российской Федерации в 2019 году // Агентство политических и экономических коммуникаций. 22.01.2020. URL: http://www.apesom.ru/projects/item.php?SECTION_ID=90&ELEMENT_ID=5869 (дата обращения: 15.01.2021).

Бочаров А. Система электронных пропусков в российских регионах: инструменты внедрения и местные специфики // Центр сравнительных исследований власти и управления НИУ ВШЭ. 17.08.2020. URL: <https://spb.hse.ru/soc/ccrga/news/387169701.html> (дата обращения: 13.01.2021).

Гайнутдинов Д. Пандемия слежки // Международная Агора. URL: <https://spy.runet.report/assets/files/%D0%9F%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B5>

²⁵ 3-е место в индексе «Цифровая Россия». См: Индекс «Цифровая Россия»... С. 25.

²⁶ Бочаров А. Система электронных пропусков... С. 7.

%D0%BC%D0%B8%D1%8F_%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B6%D0%BA%D0%B8.pdf (дата обращения: 13.01.2020).

Гельман В. Цифровизация в России: (полу)прозрачность без подотчетности // Riddle Russia. 10.01.2021. URL: <https://www.ridl.io/ru/cifrovizacija-v-rossii-polu-prozrachnost-bez-podotchetnosti/> (дата обращения: 29.01.2021).

Индекс «Цифровая Россия» // Московская школа управления Сколково. 22.04.2019. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Report_Full_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2021).

Кынев А. Региональная политика: кадровый унитаризм, запрос на перемены и карантинные голосования // Фонд «Либеральная миссия». 17.01.2021. URL: <https://liberal.ru/lm-ekspertiza/regionalnaya-politika> (дата обращения: 29.01.2021).

Минцифры запустило приложение для отслеживания контактов с зараженными // Коммерсантъ. 23.11.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4584184> (дата обращения: 13.01.2021).

Мишустин призвал регионы брать пример с московского карантина // Интерфакс. 30.03.2020. URL: <https://www.interfax.ru/russia/701511> (дата обращения: 15.01.2021).

Москвичи стали хуже относиться к Сергею Собянину, следует из данных «Левада-центра» // Ведомости. 17.08.2020. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/08/17/836931-moskvichi-huzhe> (дата обращения: 25.01.2021).

Об утверждении Порядка применения технологии электронного мониторинга местоположения гражданина в определенной геолокации с использованием мобильного приложения «Социальный мониторинг» // Департамент информационных технологий города Москвы. 29.04.2020. URL: <https://www.mos.ru/dit/documents/view/238534220/> (дата обращения: 15.01.2021).

Сергеева Д., Соловьев Д., Шакиров О. Выпуск четвертый. Коронавирус под наблюдением: как чиновники устанавливают цифровой контроль за гражданами // Центр перспективных управленческих решений. URL: <https://cpur.ru/gosudarstvo-vs-koronavirus/vypusk-chetvertyj-koronavirus-podnablyudeniem-kak-chinovniki-ustanavlivayut-czifrovoj-kontrol-za-grazhdanami/> (дата обращения: 13.01.2020).

Kampmark. The pandemic surveillance state: an enduring legacy of COVID-19 // Journal of Global Faultlines. 2020. Т. 7. N 1. С. 63–64.

Whitelaw S. et. al. Applications of digital technology in COVID-19 pandemic planning and response // The Lancet Digital Health. 2020. Т. 2. N 8.

Свирко Полина

Федерализм как фактор препятствия в борьбе с пандемией: анализ случая США

Свирко Полина –

студентка 3-го курса
бакалавриата факультета
международных отношений
и политических исследований
СЗИУ РАНХиГС.

Для связи с автором:
Svirko0205@yandex.ru

Для цитирования:

Свирко П. Федерализм как фактор препятствия в борьбе с пандемией: анализ случая США // *Generation PP* – 2021. Приложение к журналу «Публичная политика». 2021. doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.25

Аннотация

В статье представлена попытка объяснить влияние федерализма на провал политики по борьбе с пандемией в США. Автор рассматривает основные тенденции, присущие взаимоотношениям правительств всех уровней, которые приведены в академической литературе. Кроме того, анализируются иные факторы, способные прояснить безуспешность принятых ограничительных мер. В конце работы приводятся возможные пути решения проблемы дезинтегрирующего характера американского федерализма.

Ключевые слова: федерализм, США, пандемия COVID-19, сравнительная политология.

Введение

Пандемия коронавируса стала настоящим вызовом в сфере государственного управления без исключения для всех стран. С точки зрения политики здравоохранения разные страны прибегали к разным стратегиям в борьбе с вирусом, степень строгости имплементации мер также различалась от государства к государству. Успешность в борьбе с вирусом зависит от множества факторов: время принятия карантинных мер, социальное дистанцирование, закрытие школ и университетов, контроль нахождения на карантине, количество СИЗ и ИВЛ, мобильность и оснащенность системы здравоохранения, наличие системы оперативного информирования граждан, развертывание широкого тестирования и т. п. [Sarano et al. 2020]. Более того, важную роль сыграло наличие предыдущего опыта координации усилий государства в борьбе с разного рода эпидемиями и вытекающая из него степень готовности и мобилизации ресурсов на случай введения чрезвычайного положения [ibid.]. В частности, именно благодаря такому историческому опыту многие азиатские страны (Китай, Тайвань, Гонконг, Вьетнам, Япония, Южная Корея, Таиланд, Филиппины и т. д.) добились низкого уровня заражения [Migone 2020].

С точки зрения процесса принятия решений государственно-территориальное устройство также сыграло не последнюю роль в данном вопросе. В ситуации с высокой скоростью распространения коронавирусной инфекции федеративные страны столкнулись с особыми проблемами координации и имплементации единой политики. Достоинства федерализма мгновенно конвертируются в недостатки, когда возникает политико-правовая неопределенность относительно того, кто ответственен за принятие решений в вопросах, которые будут влиять на экономику и медицину в масштабах всего государства. В связи с этим важно проанализировать, какие меры приняли федеративные государства в ответ на пандемию коронавируса [Greer 2006].

Обращаясь к подобному анализу, мы можем заметить две интересные, но противоречивые тенденции. С одной стороны, разногласия между федеральным центром и субъектами федерации значительно подорвали возможность государства быстро и эффективно реагировать на катастрофы национального масштаба. Так, по мнению многих аналитиков, причина провала политики США в ответ на пандемию – неудачи федерального правительства в координации действий со штатами. С другой стороны, мы имеем примеры федеративных стран, которым удалось лучше справиться со смертельными последствиями распространения вируса. Наиболее успешным примером выступает Германия – европейский лидер по борьбе с коронавирусом. Это страна с одним из самых низких показателей по уровню смертности. Кроме того, Германия – классическая федерация, но, в отличие от США, где каждый уровень власти имеет собственные органы легитимации, федеральные земли

в Германии напрямую подчиняются директивам федерального центра. Это позволило обеспечить слаженную политику земель в области медицины под руководством центра.

Почему одним странам удалось выйти из этого кризиса с куда меньшим числом заражений и смертей, в то время как другие несут гораздо большие потери? Как в данном случае связаны федерализм и борьба с пандемией? Все эти вопросы требуют поиска ответов на происходящее. Политическая наука, которая, как правило, занимается изучением вполне предсказуемых и циклических процессов (выборы, смена политических режимов и т. п.), теперь столкнулась с необходимостью выработки объяснительных теорий для событий, которые в одночасье подорвали все существующие социально-экономические связи. Вновь возобновилась дискуссия о том, что американский федерализм в условиях чрезвычайной ситуации стоит жизнью. Таким образом, одинаково важно проанализировать роль федеративных отношений в борьбе с пандемией как в неуспешных, так и в успешных случаях. Это позволит выявить причины и факторы, которые сыграли ключевую роль в (не)эффективности тех или иных ответов государства на пандемию.

Исследовательская проблема

Случай США для такого анализа является особенно актуальным. В-первых, здесь имеет место затянувшаяся и не вполне успешная история борьбы с пандемией [Some are winning... 2020]. США по-прежнему занимают первое место среди всех стран как по количеству подтвержденных случаев коронавируса, так и по уровню смертности от него [COVID-19... 2020]. Во-вторых, сравнительный анализ зависимости жесткости введенных мер от количества подтвержденных случаев заражения показал, что в первые месяцы пандемии политика сдерживания распространения вируса в США сильно отставала от уровня заражения [Hale et al. 2020]. Это было вызвано отрицанием президентом Дональдом Трампом опасности коронавируса в течение первых недель эпидемии [Griffin 2020], а также систематическим различием вводимых мер среди штатов. Это вновь подтверждает аргументы сторонников большей централизации о том, что в ситуации пандемии подобное делегирование процесса принятия решений на места недопустимо, поскольку является смертельно опасным [Griffin 2006]. Некоторые исследователи видят решение существующей политико-правовой неопределенности в признании того, что в некоторых критических ситуациях штаты не могут являться единственными значимыми политическими акторами, поскольку нуждаются в руководстве федеральным центром. Иными словами, нужно перестать очаровывать себя идеалами свободы и сохранения автономии, в то время как из-за некомпетентности руководства штатов гибнут люди [Griffin 2020]. В-третьих, случай США

нуждается в осмыслении и по той причине, что в 2003 г. президентом Джорджем Бушем для ликвидации последствий урагана Катрина были приняты национальные стратегии (Homeland Security Presidential Directive № 5 (HSPD-5), National Incident Management System (NIMS), National Response Framework (NRF)), предусматривавшие весомую роль президента и федерального правительства в случае необходимости реагирования на крупномасштабные и катастрофические инциденты [Knauer 2020]. Что помешало правительству принять подобные меры сейчас, когда штаты нуждались в этом как никогда? Подобный анализ предоставляет возможность извлечь уроки из нынешних ошибок и оставляет надежду предотвратить возможное разворачивание национальной катастрофы в будущем.

В своей работе я хочу постараться найти ответ на следующий исследовательский вопрос: **является ли федеративное устройство барьером при борьбе с пандемией?** Большинство исследователей объясняют низкую эффективность политики по противодействию распространения коронавируса в США, как правило, через призму федерализма: возложенная ответственность на штаты [Tucker 2020] привела к политической дезинтеграции, увеличению скорости распространения вируса и большому количеству смертей. Но можно ли федерализмом действительно объяснить провал США в полной мере? Какие другие факторы повлияли на это?

Сперва я рассмотрю аргументы исследователей в пользу того, что федерализм в США является барьером в борьбе с пандемией. Изучение взаимодействия всех трех уровней власти в США во время пандемии позволило выявить как негативные, так и позитивные тенденции в регулировании отношений между штатами и центром. Затем я приведу аргументы в пользу того, что федерализм не может в полной мере объяснить неудачу США и существует как минимум еще несколько факторов, повлиявших на это. И наконец, проанализирую, что может нивелировать отрицательное влияние американского федерализма в нынешний период продолжающейся борьбы с пандемией.

Американский федерализм как предиктор политической дезинтеграции

Прежде чем обратиться к основным трендам в отношении между уровнями власти, следует упомянуть один важный термин. Американский политолог Дейл С. Райт ввел и популяризовал термин «межправительственные отношения» (*intergovernmental relations*) применительно к анализу эволюции отношений между федеральным правительством, правительством штатов и местными органами власти (*federal, state and local governments*) [Wright 1978]. Такой подход позволяет рассматривать межправительственные разногласия сразу с трех перспектив: 1) между федеральным правительством

и штатами (*federal-state relations*); 2) между штатами (*interstate relations*); 3) между штатами и муниципалитетами (*state-local relations*) [Benton 2020]. Кроме того, важно отметить, что зафиксированные тенденции не являются чем-то новым для США. В данном случае решения штатов оказываются лишь продолжением закономерной политики, которой они придерживались ранее [Benton 2020; Kettl 2020]. Пандемия коронавируса всего лишь выступила в роли лакмусовой бумажки и сделала существующие конфликты и противоречия в американском обществе более заметными. Но именно этот яркий случай приводит нас к нескольким интересным выводам. В *табл. 1* я суммировала тенденции в изменении межправительственных отношений США с наступления пандемии, которые были выявлены исследователями.

Таблица 1

	Федеральное правительство и штаты	Правительства штатов	Правительства штатов и муниципалитеты
Положительные следствия		– Расширение сотрудничества (альянсы между штатами для координации политики)	– Предоставление большей гибкости местным органам власти
Негативные следствия	– Ухудшение отношений (возрастание напряженности и разногласий) – Неизбежная дискуссия о степени влияния правительства по всем важным вопросам	– Конкуренция за поставку ИВЛ – Невозможность определить скорость распространения вируса из-за разных способов тестирования	– Самый большой разрыв в доверии между органами власти (барометр доверия Эдельмана)

Как мы видим, негативные тенденции имеют место на всех трех уровнях межправительственных отношений. Во-первых, невозможность федерально-го центра произвольно вмешиваться в политику штатов по введению антикризисных мер исключила вероятность формулирования единого политического курса по борьбе с пандемией на национальном уровне. Во-вторых, штаты вводили разные ограничительные меры различной степени строгости, что вызвало определенные сложности с контролем над распространением пандемии. Факт обладания субъектами федерации определенной степенью политической автономии сделал борьбу с вирусом несколько осложненной. И наконец, в-третьих, обоюдное недоверие между правительствами штатов и муниципалитетами относительно правильности вводимых мер, безусловно, снизило эффективность реализации ограничений.

Если резюмировать выявленные тенденции в трансформации межправительственных отношений в период пандемии в США, то на первый взгляд действительно складывается впечатление, что политическая дезинтеграция, ставшая следствием федеративного устройства, в значительной степени воспрепятствовала процессу введения карантинных мер во всех штатах и контролю за их исполнением. Отрицательные тенденции однозначно не уравниваются положительным опытом кооперации. Но всё ли так однозначно? Что, помимо федерализма, повлияло на исход борьбы с пандемией в Америке?

Только ли в федерализме состоит трудность?

Обращаясь к оценкам других исследователей, мы находим доводы в пользу мнения о том, что само по себе наличие федеративного устройства США не является единственной причиной негативного сценария развития пандемии [Zhu Zheng 2020].

Во-первых, имеет смысл обратиться к **сравнительному институциональному анализу**, основная задача которого – выявить, как работают те или иные институты [Knauer 2020]. В случае США проблема состоит не столько в самом федерализме, сколько в его имплементации в неожиданных условиях. И мы находим многочисленные тому подтверждения. Например, после введения чрезвычайного положения штаты имели право запросить у федерального центра дополнительные денежные средства на соответствующие медицинские расходы. Но ввиду разногласий по финансированию между Министерством здравоохранения и административно-бюджетным управлением Белого дома этот бюджет практически не пополнялся. В конечном итоге распределение поставок оборудования вызвало вопросы со стороны управлений здравоохранения на уровне штатов, поскольку те казались им недостаточно аргументированными (Массачусетс получил только 17% запрошенного, Иллинойс – 10%, Мэн – 5%, Калифорния – чуть менее 2%) [Сердюков

2020]. Если правительство не в состоянии не только распределить помощь между субъектами федерации, но и хотя бы просто аккумулировать финансы для возможных чрезвычайных ситуаций, то оно вряд ли справилось бы с этой задачей, обладая унитарным устройством.

Во-вторых, другим немаловажным фактором является **бездействие федерального центра**, постоянное увилвание от ответственности со стороны Белого дома и враждебная настроенность по любому вопросу, касающемуся выделения денежных средств [Knauer 2020; Griffin 2020]. Провал США был вызван не только разными ограничительными мерами (или их отсутствием) между штатами, но также неспособностью федерального центра консолидировать усилия (напомню, что подобный прецедент возложения ответственности на федеральное правительство, а не на правительство штатов, как это должно быть согласно 10-й поправке Конституции США, имел место в случае с ураганом Катрина). Многие штаты объявили локдаун гораздо раньше, чем Белый дом признал опасность вируса, но они не имели достаточного количества ресурсов для борьбы с пандемией без федеральной помощи [Knauer 2020].

В-третьих, не последнюю роль в этом вопросе сыграл **популизм Трампа**, что привело к политизации эпидемии в США. Так, например, штаты, в которых большинство в правительстве принадлежало республиканцам, всячески игнорировали научные данные о вирусе [Kettl 2020]. Во Флориде, в одном из крупнонаселенных штатов, карантин ввели только 1 апреля. Популистское недоверие к экспертным знаниям привело к тотальной дезинформации в медиапространстве. Трамп постоянно критиковал губернаторов, которые публично заявляли о проблемах в поставке медикаментов и средств защиты. Таким образом, феномен трампизма в условиях эпидемиологического, экономического и политического кризиса превратился, по словам Роджера Брубейкера, «в потенциально опасную смесь» [Brubaker 2020].

Как можно улучшить текущий сценарий?

В англоязычных исследованиях, посвященных анализу межправительственных отношений в федеративных государствах, приводятся возможные способы совершенствования взаимодействия между представителями разных уровней власти [Greer 2020]. В первую очередь это **прозрачность решений и достоверность данных**. В случае США это означает необходимость своевременного предоставления актуальной информации по обстановке в стране, штате или городе. Другой важный шаг – **согласование полномочий и ответственности** [ibid.], закрепленных в нормативно-правовых актах. Это позволило бы устранить недопонимание между федеральным центром и правительствами штатов по поводу того, в чьей юрисдикции находятся права вводить те или иные ограничительные меры. И наконец, учитывая особенности

американского федерализма, важно сказать о создании **системы политических стимулов**, которые были бы призваны стимулировать, например, сотрудничество между политиками разных штатов или же местного уровня. Ситуация, при которой штаты стремятся извлечь выгоду лишь для собственного правительства (в виде поставок ИВЛ и средств защиты), является заведомо провальной, поскольку вместо эффективного распределения средств мы видим необдуманные и хаотичные усилия в попытках хоть как-то улучшить положение ситуации.

Наиболее оптимальный подход в случае чрезвычайной ситуации национального масштаба состоит в использовании институциональных преимуществ федерализма (прочность связей в отдельных регионах, возможность быстрой и слаженной кооперации) и компенсация его недостатков под руководством федерального центра. Все это позволит нивелировать отрицательное влияние федерализма на политику противодействия различным катастрофам национального масштаба.

Заключение

Федеративное устройство США, безусловно, стало препятствующим фактором в борьбе с пандемией. Американский федерализм, проявившийся в пандемию с не самых достойных сторон, стал настоящей проблемой для выстраивания сколько-нибудь адекватного ответа государства на распространение вируса с целью снижения уровня заболеваемости и смертности. Но, обобщая все вышечисленное, еще раз отмечу, что место федерализма в обосновании провального ответа США на пандемию не так однозначно. Низкая эффективность политических институтов, нежелание федерального центра оказывать штатам помощь, популизм республиканцев – все эти явления также усугубили и без того критическую обстановку в США. Кейс США предоставляет нам богатый эмпирический материал, который нуждается в последующей разработке и детализации, что открывает перспективы для дальнейших исследований.

Источники

Сердюков С. (2020). Одинокие штаты. Почему США больше всех страдают от эпидемии // Московский центр Карнеги. 7 апреля. URL: <https://carnegie.ru/commentary/81476>.

Benton E.J. (2020). Challenges to Federalism and Intergovernmental Relations and Takeaways Amid the COVID-19 Experience // *The American Review of Public Administration*. Vol. 50. N 6–7. P. 536–542. URL: <https://doi.org/10.1177/0275074020941698>.

Brubaker R. (2020). Paradoxes of populism during the pandemic. Thesis Elevation. URL: <https://doi.org/10.1177/0725513620970804>.

Capano G., Howlett M., Jarvis, Darryl S.L., Ramesh M., Goyal N. (2020). Mobilizing Policy (In)Capacity to Fight COVID-19: Understanding Variations in State Responses // *Policy and Society*. Vol. 39. N 3. P. 285–308. URL: <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1787628>.

COVID-19 (2020). COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University. Tracking Global Map. URL: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.

Greer S.L. (2006). *Territory, Democracy and Justice: Regionalism and Federalism in Western Democracies*. Palgrave MacMillan.

Griffin S.M. (2006). Stop Federalism Before it Kills Again: Reflections on Hurricane Katrina // *Tulane Public Law Research Paper N 06-04*. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.894470>.

Griffin S.M. (2020). American Federalism, the Coronavirus Pandemic, and the Legacy of Hurricane Katrina // *Constitutionnet*. 22 April. URL: <https://constitutionnet.org/news/american-federalism-coronavirus-pandemic-and-legacy-hurricane-katrina>.

Hale T., Angrist N., Kira B., Petherick A., Phillips T., Webster S. (2020). Variation in Government Responses to COVID-19. Version 6.0. Blavatnik School of Government Working Paper. URL: www.bsg.ox.ac.uk/covidtracker.

Kettl D.F. (2020). States divided: The implications of American federalism for COVID-19 // *Public Administration Review*. Vol. 80. N 4. P. 595–602. URL: <https://doi.org/10.1111/puar.13243>.

Knauer N.J. (2020). The COVID-19 Pandemic and Federalism: Who Decides? // *New York University Journal of Legislation and Public Policy*. Vol. 23. N 1. Temple University Legal Studies Research Paper N 2020-14. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3599239>.

Migone A.R. (2020). The influence of national policy characteristics on COVID-19 containment policies: a comparative analysis // *Policy Design and Practice*. Vol. 3. N 3. P. 259–276. URL: <https://doi.org/10.1080/25741292.2020.1804660>.

Some are winning... (2020). Some are winning – some are not. Which countries do best in beating COVID-19. URL: <https://www.endcoronavirus.org/countries>.

Tucker E. (2020). Trump to U.S. Governors: Get Your Own Ventilators // *DailyBeast*. 16 March. URL: <https://www.thedailybeast.com/trump-to-us-governors-get-your-own-ventilators>.

Wright D.S. (1978). *Understanding intergovernmental relations* (2nd ed.).

Zhu Zheng (2020). Federalism can't explain America's failure in its response to COVID-19 // *CGTN*. 4 May. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-05-04/Federalism-can-t-explain-America-s-COVID-19-failures-Qd7F3x3mLK/index.html>.

Romanov Bogdan

COVID 19... 84? The stringency of responses to COVID-19 in the Post-Soviet space

Romanov Bogdan –

*“Politics and Governance
in the Digital Age” 2nd MA student,
University of Tartu (St. Petersburg).*

*To contact the author:
romanovbogdan4@gmail.com*

Для цитирования:

*Romanov B. COVID 19... 84?
The stringency of responses
to COVID-19 in the Post-Soviet
space // Generation PP – 2021.
Приложение к журналу
«Публичная политика». 2021.
doi: 10.31856/jpp-gpp/2021.1.26*

Abstract

COVID-19 has provoked various public policy responses from different countries. Academia successfully embraced policy outputs from America, Europe, and Asia, while leaving other parts of the globe aside. Moreover, the analysis lacks systematic approach, since it ranges from one-sided narrow research with few variables, or another extremum is multi-variable researches, which try to include every possible indicator, thus concluding with mixed results and “unkept” design.

This pioneering paper strives to balance the inequality in geographical studies by introducing post-soviet states into the analysis of the COVID-19 response stringency, as well as providing one of the possible policy study lenses – Berry and Berry “Diffusion of Innovation theory”. The theoretical design is accompanied by the relatively new method in political science and policy analysis, Bayesian Networks, which also mitigates the bias in variable selection and causal mechanisms.

After the analysis of COVID studies, the theoretical framework selected 12 distinctive variables, which were included in the empirical analysis. As a result, post-soviet states with democratic regimes, developing or underdeveloped economies, a high degree of international trade and low capacities in providing health-related services tend to have the strictest response to the coronavirus. While on the contrary autocratic regimes, wealthy economy, lower volumes of trade, and developed healthcare infrastructure characterized more liberal COVID responses.

Keywords: COVID-19, policy analysis, diffusion of innovations, Bayesian

Introduction

Throughout the year 2020 COVID was evolving from international concern in January to the pandemic disease in March [Farzanegan et al. 2020]. This pattern forces states all over the world to adjust their responses: school closure, the prohibition of international travelling, lockdowns – the most common non-pharmaceutical practices of COVID curbing. The paper does not try to assess the effectiveness of the measures, rather it provides both theoretical and empirical answers to the overlooked question: *what has dictated post-soviet states¹ selection of the stringency level of the non-pharmaceutical interventions?*

Before moving to the analyses, couple of words should be said about the case selection. In general, COVID-19 has drawn the attention of academia across different areas: medical [Jean, Hsueh 2020]; sociological [Haokip 2020]; healthcare studies [Dalglish 2020], etc. However, there is a theoretical lacuna in the explanation of stringency of COVID-19-related policy responses on the sample of post-soviet countries. Researches are mostly dedicated to the analysis of decisions in Europe [Amat et al. 2020; Blais et al. 2020; Toshkov et al. 2020] and the US [Aubrecht et al. 2020; Barnett-Howell, Mobarak 2020; Wright et al. 2020]. This is the first driver towards making steps in the post-soviet direction since it offers a unique set of variables and it includes the case of Belarus with its 'liberal' policy towards COVID.

Secondly, since the nature of this paper is policy studies, the emphasis was shifted from the effectiveness, which is also a mainstream topic [Baniamin et al. 2020; Blais et al. 2020; Dergiades et al. 2020], to the 'stringency', which is being undervalued. In my opinion, explaining stringency is also rewarding as a task, because rational choice institutionalists, researchers in the fields of governance, and others should be interested, which factors predetermine the state's policy outcome to the omnipresent natural disaster.

The article is organized as follows: in the first part of the analysis, I will introduce the core theoretical framework by Berry and Berry (2006) "Diffusion of Innovation", which is commonly used within the context of policy mimicry. The entire narration is constructed around this theory since one of the tasks is to conceptualize and operationalize variables in the 'equation of adoption'. In the second part, the analysis and interpretation will be conducted via the Bayesian network method. The concluding section will list the most influential factors, summarize all findings and nuances of the conducted research while pinpointing prospects for further works.

¹ These 14 countries are: Estonia, Latvia, Lithuania (Baltic states); Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan, Uzbekistan (Central Asia); Belarus, Moldova, Ukraine (Eastern Europe); Azerbaijan, Georgia (Transcaucasia); and Russia (Eurasia). Armenia was excluded due to the absence of data.

Theoretical Analysis

The original idea for the article appeared once I encountered the work by Phadnis et al. (2020), in which authors came up with indicators from five different spheres: healthcare, economy, demography, culture, and “institutional parameters” [ibid: 6] without specifying the mechanism of variable selection. Then, I decided to reorganize their approach to the analysis of potential Independent Variables, and this is the cue to introduce the theoretical framework by Frances and William Berry “Diffusion of Innovation”. The theory is used for policies, which might be perceived as ‘innovations’, and this falls right into the categories of the research. Response to the COVID-19 is an ‘innovation’, since it has never been universally used and the government does not know the potential aftermath of the policy decision [Sebhatu et al. 2020]. Regardless, it still applies measures to meet its national interests: trade-off between the protection of the population and preservation of the economy. Nevertheless, we may observe that there is no ‘one-size-fits-all’ alternative, and there is considerable variance in terms of stringency level across post-soviet countries (Fig. 1).

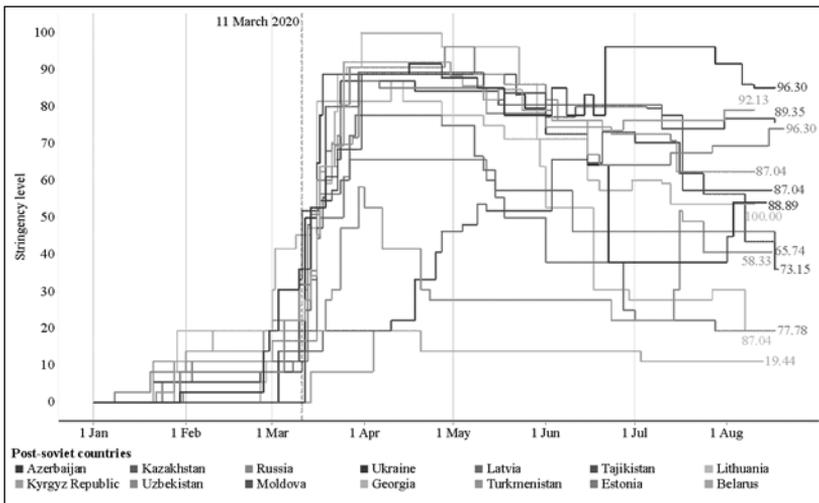

Fig. 1. The fluctuation of stringency level in post-soviet states with a line, marking the ‘pandemic danger’, and the highest values of stringency throughout January-August²

² Data: Coronavirus Government Response Tracker | Blavatnik School of Government. Retrieved December 20, 2020, from <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker>.

The most common pattern for all countries in question is the rapid growth right after the announcement of the pandemic by the WHO. This might imply that countries responded harshly to the threat to the citizens, despite the potential economic recession. But what might explain the inconsistency of Turkmenistan's policy? Or why would Tajikistan constantly increase the level of stringency? To answer these and other questions I will use the equation of adaptation of 'Diffusion of Innovations':

$$ADOPT = f(MOTIVATION, RESOURCES/OBSTACLES, OTHERPOLICIES, EXTERNAL) \text{ [Berry, Berry 2006: 237]}$$

On the left side of the equation, *adopt*, we have the implementation of COVID-19 related policy with a fluctuating level of stringency, so we may 'predict' both low and high levels – Dependent Variable. This is the "Containment and health index" (*Coronavirus Government Response Tracker | Blavatnik School of Government*), however, since our theoretical framework allows us to control for several sets of factors, I separate "Containment and health index" from the general "Government response index" and the overall "Stringency index".

The DV is affected by 4 separate sets of variables:

Motivation – this category includes stimulus to reduce the contagion rate and the consequent number of deaths. In that context, it should be noted that high numbers of cases and deaths tolls are associated with stringer answer from the state, such as lockdowns and closure of public events and spaces, since the most effective response is to ensure the social/physical distancing in the society [Bargain, Aminjonov 2020; Caley et al. 2008; Hussain 2020].

H1. Higher case occurrence trends lead to higher stringency to stop the spread of the virus

I will use the number of cases (*Coronavirus Pandemic (COVID-19) – Statistics and Research – Our World in Data*) and normalize it with the population size (*Population, Total | Data*), thus creating the case occurrence variable (*Infectiousness*).

Frey et al. (2020) proved that autocracies introduce stricter policies than democracies. Furthermore, we may assume their *motivation*: democracies try to balance between citizens' lives preservation and their rights and liberties, even though citizens in democracies are ready to sacrifice their freedoms in exchange for strong leadership [Amat et al. 2020]. While autocracies are not so tactful in their deeds, they escalate strict policies, since COVID open opportunity windows for the political structure to mobilize and face state authority in the case of inactivity [Quiroz Flores, Smith 2013; Wood, Wright 2016].

H2. Autocracies enforce stringent policies, while democracies are more lenient

The regime variable was obtained via the V-Dem 2019 dataset (*Data Version 10 | V-Dem*): index of electoral democracy (*Electoral Democracy*) and Freedom House categorical index, 2018 (*Regime type*) (*Countries and Territories | Freedom House*).

Resources/Obstacles – Berry and Berry states that economically developed states are more susceptible to changes and institutional alteration [Berry, Berry 2006: 235]. But here I would like to stretch the concept of ‘resources/obstacles’ and include findings from the literature. Formally, the results of the stringency research might be divided into two main groups: ‘institutional arrangements’ in broad terms and ‘socio-demographic parameters’.

Institutional arrangements

Firstly, government effectiveness during natural disasters does play a significant role. According to Lin “strong state capacity mitigates the effect of a disaster on a population” (2015, p. 1), since COVID is perceived as a natural disaster, then the same logic is applied here:

H3. Effective governments should have higher stringency because it is easier for them to enact response measures to protect the population [Alon et al. 2020; An, Tang n.d.; Ang 2020; Toshkov et al. 2020]

The variable is taken from V-Dem dataset, “Government effectiveness” in 2018 (*Government Effectiveness*).

Secondly, I include the economic wellbeing of the state. Not only does the expanded financial base provide a state with a safeguard in a case of a failure, but also government does not face the trade-off, selecting between sacrificing the economy or citizens’ lives – it might prioritize human life [Sforza, Steininger 2020; Toshkov et al. 2020].

H4. Wealthy states will have a higher degree of stringency because it does not jeopardise the economy

The optimal way to operationalize economy is GDP per capita (*GDP per Capita (Current US\$) | Data*)³.

The last variable in the section is the quality of the healthcare system – developed healthcare organizations propose an alternative for the stringent

³ GDP per capita, all values taken for 2019, except for Turkmenistan – 2018.

responses since their main goal is to alleviate the pressure on the healthcare system [Banik et al. 2020; Capano et al. 2020].

H5. States with higher healthcare capacities will have less stringent policies toward citizens protection

The most common variables, operationalizing healthcare systems are the “number of beds per 1000 people” in 2014 (*Hospital beds*) (*Hospital Beds (per 1000 People) | Data*) and the “expenditures on the healthcare” in 2017 (*Current Health Expenditure (% of GDP)* | *Data*) (*Health Expenditures*).

Socio-demographic parameters

Firstly, authors emphasize the population age being the considerable explanatory factor, because senior citizens are more susceptible to the virus, thus government might want to introduce strict measures to reduce the contagion rate [Baniamin et al. 2020; Banik et al. 2020; Imtyaz et al. 2020; Jinjarak et al. 2020].

H6. A higher proportion of the 65+ population leads to higher stringency

This variable is taken from World Bank for 2019 (*Population Ages 65 and above (% of Total Population)* | *Data*) (*Population 65+*).

Secondly, population density is interconnected with the social/physical distancing policy. The state should ensure the compliance with the decision to reduce the number of social interactions, one of the options is to introduce the most stringent responses [Bargain, Aminjonov 2020; Oto-Peral as 2020; Sebhatu et al. 2020].

H7. Higher population density leads to stringent responses as a mean to increase compliance with social distancing

The variable is available at the World Bank data, 2018 (*Population Density (People per Sq. Km of Land Area)* | *Data*) (*Population Density*).

Finally, the proportion of the urban-rural population as a substitution for cultural practices [Baniamin et al. 2020; Yan et al. 2020]. The authors found that collectivist culture is more “convenient” for the responses than individualist.

H8. Countries with urban population will be less strict in their responses, relying on the awareness of citizens

World Bank provides the data on urban-rural proportion in 2019 (*Urban Population (% of Total Population) | Data*) (*Rural/Urban Population*).

Other policies. We have additional economic measures: official payments from the state to the households as a complementary policy to the responses to ease the consequences of restrictive measures.

H9. States with higher state economic support might have a more stringent response policy since former might neutralize the effect of strict circumstances

Here I use “Economic support index” (Coronavirus Government Response Tracker | Blavatnik School of Government) (*State Economic Support*).

External policies – this parameter would allow us to observe the adaptation pattern across post-soviet countries under the influence of cross-national interaction. It is measured by KOF Globalisation Index (*KOF Swiss Economic Institute | ETH Zurich*). Since globalization index includes *Financial* and *Trade Globalization*, I may assume with the help of Sforza and Steininger’s article (2020) and several other [Farzanegan et al. 2020; Glover et al. 2020], that state economy experiences crises during the COVID outbreak, especially the one dependent on international trade:

H10. Countries with high values of trade and financial globalization might have less stringent responses, as a tool to maintain economic networks

Empirical Analysis

‘Parent’ variable of ‘stringency’

The research introduces a relatively new method, Bayesian Networks, which are rarely used in political science and policy analysis. However, this might become the most common test for empirical analysis: it deals with the circumstance of uncertainty and Networks are a very visual method, thus they do not create double-readings in the interpretation of results. Chai et al. recap Bayesian Networks as “models [which are] used for describing the causal mechanism between [categorical]⁴ variables and reasoning under uncertainty” [Chai et al. 2020: 2].

After constructing unsupervised model, I introduced constraints, which implied the division of variables into three-level: demographic macro parameters – ‘population layer’, state macro characteristics – ‘political-economic layer’, and additional variables – ‘other layer’ (*Fig. 2*).

⁴ Data transformation might be found in Appendix 1.

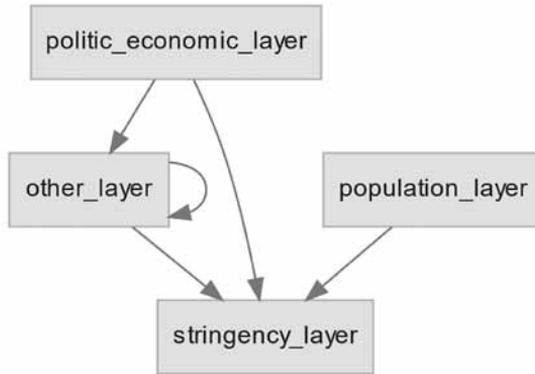

Fig. 2. The interconnection between layers of the Network

These layers prevent Network from making the false connection between variables. The new graph with conceptual constraints is presented in Fig. 3.

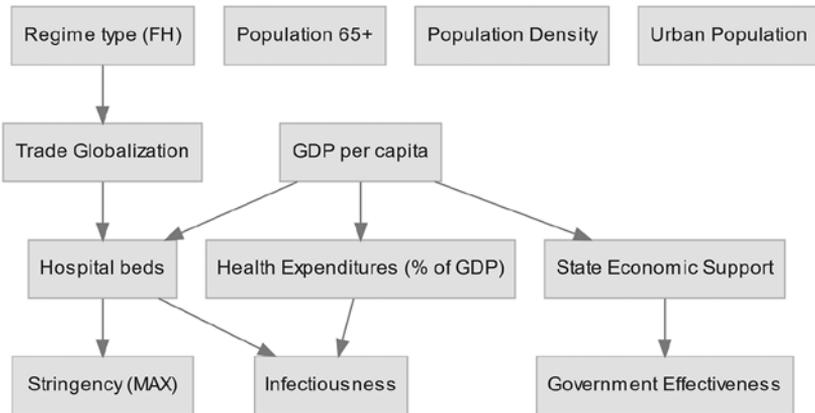

Fig. 3. The Bayesian Network with technical constraints

In this graph iteration machine has decided that demographic indicators do not explain the stringency, as was predicted in European and American experience, 'parent' variable of regime takes all explanatory potential. Yet still, 'hospital beds' is the most impactful determinant of stringency; 'health expenditures' explain the spread of disease, and 'state economic support' is associated with the state effectiveness – all variables predicted by the GDP level. Let me comment on these connections and their causality.

The Bayesian Networks method is established upon probabilities, almost in the same way as logistic regressions are. Since all variables are divided into categories, here we do speak about the probability to get in one or another category.

Let me start with the most significant explanatory variable: 'hospital beds'. There are four levels of 'stringency', i. e., 'Lenient' – 'Mediocre' – 'Strict' – 'Stringiest', and two levels in 'the number of hospital beds', i. e., 'Scarce' – 'Sufficient'. Thus, we have a 4x2 matrix of probability:

		Hospital beds	
		Scarce	Sufficient
Stringency level	Stringiest	0.500	0.000000
	Strict	0.125	0.666667
	Mediocre	0.375	0.166667
	Lenient	0.000	0.166667

This matrix indicates that in the case of a low number of beds, there is a 50% probability that the government will introduce the stringiest responses. And if the state has a sufficient number of hospital beds, then there will be less stringent policies. Thus, 'healthcare capacities' is the most plausible determinant of low-high stringency.

Also, let me speculate the connection with 'parent' variables of 'hospital beds', these are 'regime type', according to the Freedom House, 'trade globalization' index, and 'GDP per capita'.

		Regime type		
		Free	Partly free	Not free
Stringency level	Stringiest	0.333333	0.312500	0.250000
	Strict	0.305556	0.328125	0.395833
	Mediocre	0.305556	0.296875	0.270833
	Lenient	0.055556	0.062500	0.083333

Contrary to the hypothesis, post-soviet democracies are more likely to apply stringiest measures in comparison with other types. Autocracies tend to use 'strict' responses, rather than the stringiest (33% for Partly Free / 40% for Not Free), the explanation might be the desire of the government to control the virus, but at the same time act as an "autocracy with a human face". So, I may say that democracies with post-soviet legacy are more "stringent" than autocracies with the same background.

		Trade Globalization	
		Low	High
Stringency level	Stringiest	0.250000	0.333333
	Strict	0.395833	0.305556
	Mediocre	0.270833	0.305556
	Lenient	0.083333	0.055556

Another significant relevant explanatory variable is ‘trade globalization’, which measures the number of goods and services transferred. According to the theory, a high degree of trade would lead to lower stringency, however, this statement is implausible on the post-soviet space, since the difference in probabilities is not that contrasting: from 25% to 40% for countries with low involvement into international trade, and from 30% to 33% for economically globalized countries.

		GDP per capita	
		Low	High
Stringency level	Stringiest	0.428571	0.142857
	Strict	0.202381	0.511905
	Mediocre	0.345238	0.226190
	Lenient	0.023810	0.119048

Regarding the economic ‘parent’ variable, it has also opposed the expected results. Literature assumed that rich states would ensure citizens’ safety by any means necessary, but post-soviet space showed another pattern – poor countries have trice higher chances than wealthy to implement ‘the stringiest’ COVID responses (14% for rich states / 43% for poor).

As a result, Bayesian Networks not only proved their reliability and applicability to the political science context but also provided answers to the research question and hypotheses. Regime type, globalization level, economic development, and healthcare capacities do explain the stringency level of COVID-19 responses.

Conclusion

Actual COVID studies have two significant flaws: the first one is the absence of systematic approach towards the scrutiny of coronavirus stringency measures; usually, scholars take a set of variables, thus leaving others aside and creating a one-sided image of their research subject. Secondly, geographical bias toward the West; it seems that potential lack of data in post-soviet countries might be the reason why researchers give up on that sample.

These two drawbacks of the field were mitigated by this paper. Not only it introduced a theoretical framework by Berry and Berry 'Diffusion of Innovation' theory, which was used for categorization of previous findings and a systematic data collection. But also, a new method of Bayesian Networks was presented, which allowed me to alleviate data issues and include post-soviet countries in the discourse by extrapolating Western notions on a new sample. As a result, the impact of the regime, trade globalization, GDP per capita, and healthcare capacities was proved, in accordance with the theory:

H6. States with higher healthcare capacities will have less stringent policies toward citizens protection

This hypothesis passed the empirical test, and I may conclude that post-soviet states with developed healthcare infrastructure do not introduce strict response to COVID, since they have enough capacities to "flatten the curve" without the violation of human rights.

But some variables have reversed causal mechanism:

H2. Autocracies enforce stringent policies, while democracies are more lenient

H5. Wealthy states will have a higher degree of stringency because it does not jeopardise the economy

H12. Countries with high values of trade and financial globalization rate might have less stringent responses, as a tool to maintain economic networks and wellbeing

Post-soviet democracies tend to have higher stringency than their autocratic neighbours, while theory stated that democracies generally are more lenient towards their population. Poor countries with the post-soviet label also have a direct association with higher stringency, which might be explained theoretically as a radical response to COVID, since other safeguards do not work. Finally, the level of involvement into the trade in goods and services does not differ much in terms of stringency of responses: countries with low and high trade globalization have similar chances to introduce 'the stringiest' measures.

Other hypotheses were not falsified, rather they were left aside since the predictive model emphasized these four variables. The idea behind the research was not to prove or defy all previous findings, but draw attention to a new, more effective method and more systematic approach.

Limitations

This paper has one serious limitation in the empirical part – 14 cases is not even nearly enough for Bayesian Network, due to the machine learning nature of the technique.

Further research perspectives

The following paper might be improved by the inclusion of other states and regional dummy variable, which would create a foundation for following stringency-related case-studies or small-N analyses.

Sources

Alon I., Farrell M., Li S. (2020). Regime Type and COVID-19 Response // *FIB Business Review*, 231971452092888. URL: <https://doi.org/10.1177/2319714520928884>.

Amat F., Arenas A., Falcó-Gimeno A., Muñoz J. (2020). Pandemics meet democracy. Experimental evidence from the COVID-19 crisis in Spain [Preprint]. *SoCArXiv*. URL: <https://doi.org/10.31235/osf.io/dkusw>.

An B.Y., Tang S.-Y. (n.d.). Lessons From COVID-19 Responses in East Asia: Institutional Infrastructure and Enduring Policy Instruments // *American Review of Public Administration*. N 11.

Ang Y.Y. (2020). When COVID-19 meets centralized, personalized power // *Nature Human Behaviour*. Vol. 4. N 5. P. 445–447. URL: <https://doi.org/10.1038/s41562-020-0872-3>.

Aubrecht P., Essink J., Kovac M., Vandenberghe A.-S. (2020). Centralized and Decentralized Responses to COVID-19 in Federal Systems: US and EU Comparisons // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3584182>.

Baniamin H.M., Rahman M., Hasan M.T. (2020). The COVID-19 Pandemic: Why are Some Countries More Successful than Others? // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3575251>.

Banik A., Nag T., Chowdhury S.R., Chatterjee R. (2020). Why Do COVID-19 Fatality Rates Differ Across Countries? An Explorative Cross-country Study Based on Select Indicators // *Global Business Review*. Vol. 21. N 3. P. 607–625. URL: <https://doi.org/10.1177/0972150920929897>.

Bargain O., Aminjonov U. (2020). Trust and Compliance to Public Health Policies in Times of COVID-19. 23.

Barnett-Howell Z., Mobarak A.M. (2020). The Benefits and Costs of Social Distancing in Rich and Poor Countries // *ArXiv:2004.04867 [Econ, q-Fin]*. URL: <http://arxiv.org/abs/2004.04867>.

Berry F.S., Berry W.D. (2006). Innovation and Diffusion Models in Policy Research. 39.

Blais A., Bol D., Giani M., Loewen P.J. (2020). The effect of COVID-19 lockdowns on political support: Some good news for democracy? 26.

Caley P., Philp D.J., McCracken K. (2008). Quantifying social distancing arising from pandemic influenza // Journal of The Royal Society Interface. Vol. 23. N 5. P. 631–639. URL: <https://doi.org/10.1098/rsif.2007.1197/>.

Capano G., Howlett M., Jarvis D.S.L., Ramesh M., Goyal N. (2020). Mobilizing Policy (In)Capacity to Fight COVID-19: Understanding Variations in State Responses // Policy and Society. Vol. 39. N 3. P. 285–308. URL: <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1787628>.

Chai J., Shi H., Lu Q., Hu Y. (2020). Quantifying and predicting the Water-Energy-Food-Economy-Society-Environment Nexus based on Bayesian networks—A case study of China // Journal of Cleaner Production. N 256 (120266). URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.120266>.

Dalglish S.L. (2020). COVID-19 gives the lie to global health expertise // The Lancet 395 (10231), 1189. URL: [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30739-X](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30739-X).

Dergiades T., Milas, C., Panagiotidis T. (2020). Effectiveness of Government Policies in Response to the COVID-19 Outbreak // SSRN Electronic Journal. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3602004>.

Farzanegan M.R., Gholipour H.F., Feizi M., Nunkoo R., Andargoli A.E. (2020). International Tourism and Outbreak of Coronavirus (COVID-19): A Cross-Country Analysis // Journal of Travel Research. 004728752093159. URL: <https://doi.org/10.1177/0047287520931593>.

Frey C.B., Chen C., Presidente G. (2020). Democracy, Culture, and Contagion: Political Regimes and Countries Responsiveness to COVID-19. 20.

Glover R.E., van Schalkwyk, M.Cl., Akl E.A., Kristjansson E., Lotfi T., Petkovic J., Petticrew M.P., Pottie K., Tugwell P., Welch V. (2020). A framework for identifying and mitigating the equity harms of COVID-19 policy interventions // Journal of Clinical Epidemiology. S0895435620305977. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jclinepi.2020.06.004>.

Haokip T. (2020). From 'Chinky' to 'Coronavirus': Racism against Northeast Indians during the COVID-19 pandemic // Asian Ethnicity. 1–21. URL: <https://doi.org/10.1080/14631369.2020.1763161>.

Hussain A.H. M.B. (2020). Stringency in Policy Responses to COVID-19 Pandemic and Social Distancing Behavior in Selected Countries // SSRN Electronic Journal. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3586319>.

Imtyaz A., Abid Haleem, Javaid M. (2020). Analysing governmental response to the COVID-19 pandemic // *Journal of Oral Biology and Craniofacial Research*. 52212426820301214. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jobcr.2020.08.005>.

Jean S.-S., Hsueh P.-R. (2020). Old and re-purposed drugs for the treatment of COVID-19 // *Expert Review of Anti-Infective Therapy*. 1–5. URL: <https://doi.org/10.1080/14787210.2020.1771181>.

Jinjarak Y., Ahmed R., Nair-Desai S., Xin W., Aizenman J. (2020). Accounting for Global COVID-19 Diffusion Patterns, January-April 2020 (N w27185; P. w27185). National Bureau of Economic Research. URL: <https://doi.org/10.3386/w27185>.

Lin T.-H. (2015). Governing Natural Disasters: State Capacity, Democracy, and Human Vulnerability // *Social Forces*. Vol. 93. N 3. P. 1267–1300. URL: <https://doi.org/10.1093/sf/sou104>.

Oto-Peralías D. (2020). Regional correlations of COVID-19 in Spain [Preprint]. Open Science Framework. URL: <https://doi.org/10.31219/osf.io/tjdgw>.

Phadnis A., Kudligi S. (2020). How Context affects Policy Response to COVID-19 // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3596295>.

Quiroz Flores A., Smith A. (2013). Leader Survival and Natural Disasters // *British Journal of Political Science*. Vol. 43. N 4. P. 821–843. URL: <https://doi.org/10.1017/S0007123412000609>.

Sebhatu A., Wennberg K., Arora-Jonsson S., Lindberg S.I. (2020). Explaining the homogeneous diffusion of COVID-19 nonpharmaceutical interventions across heterogeneous countries // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 202010625. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.2010625117>.

Sforza A., Steiner M. (2020). Globalization in the Time of COVID-19. 28.

Toshkov D., Yesilkagit K., Carroll B. (2020). Government Capacity, Societal Trust or Party Preferences? What Accounts for the Variety of National Policy Responses to the COVID-19 Pandemic in Europe? [Preprint]. Open Science Framework. URL: <https://doi.org/10.31219/osf.io/7chpu>.

Wood R.M., Wright T.M. (2016). Responding to Catastrophe: Repression Dynamics Following Rapid-onset Natural Disasters // *Journal of Conflict Resolution*. Vol. 60. N 8. P. 1446–1472. URL: <https://doi.org/10.1177/0022002715596366>.

Wright A.L., Sonin K., Driscoll J., Wilson J. (2020). Poverty and Economic Dislocation Reduce Compliance with COVID-19 Shelter-in-Place Protocols // *SSRN Electronic Journal*. URL: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3573637>.

Yan B., Zhang X., Wu L., Zhu H., Chen B. (2020). Why Do Countries Respond Differently to COVID-19? A Comparative Study of Sweden, China, France, and Japan // *The American Review of Public Administration*. 027507402094244. URL: <https://doi.org/10.1177/0275074020942445>.

Electronic sources:

Coronavirus Government Response Tracker | Blavatnik School of Government. (n.d.). Retrieved 29 December 2020, from <https://www.bsg.ox.ac.uk/research/research-projects/coronavirus-government-response-tracker>.

Coronavirus Pandemic (COVID-19) – Statistics and Research – Our World in Data. (n.d.). Retrieved 6 December 2020, from <https://ourworldindata.org/coronavirus>.

Countries and Territories | Freedom House. (n.d.). Retrieved 30 December 2020, from <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores>.

Current health expenditure (% of GDP) | Data. (n.d.). Retrieved 26 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.GD.ZS>.

Data Version 10 | V-Dem. (n.d.). Retrieved 5 December 2020, from <https://www.v-dem.net/en/data/data-version-10>.

GDP per capita (current US\$) | Data. (n.d.). Retrieved 26 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?view=chart>.

Hospital beds (per 1,000 people) | Data. (n.d.). Retrieved 20 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SH.MED.BEDS.ZS?view=chart>.

KOF Globalisation Index – KOF Swiss Economic Institute | ETH Zurich. (n.d.). Retrieved 29 December 2020, from <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>.

Population ages 65 and above (% of total population) | Data. (n.d.). Retrieved 20 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.65UP.TO.ZS?view=chart>.

Population density (people per sq. Km of land area) | Data. (n.d.). Retrieved 20 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST?view=chart>.

Population, total | Data. (n.d.). Retrieved 20 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?view=chart>.

Urban population (% of total population) | Data. (n.d.). Retrieved 20 December 2020, from <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?view=chart>.

Appendix

Binary codification of variables

This link will direct you to the Google Table file, in which codification is presented in the most vivid way: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1c175MK4Iyq4IG5fPprrIU1PQIODPwozZKa-nS_bfU2A/edit?usp=sharing.

Generation PP – 2021

Приложение к журналу «Публичная политика»

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»

Редактор, корректор – Капитонов Д.М.

Дизайн и верстка – Малышева И.Ю.

Подписано в печать 27.05.2021.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура NewtonС. Печ. л. 17,5. Тираж 300 экз. Заказ № 67581.

Издательство «Норма».

190005, Санкт-Петербург, 7-я Красноармейская ул., 25, лит. А, пом. 14-Н № 7.

Отпечатано в ООО «АРСИ». Санкт-Петербург, ул. Бела Куна, д. 32.